

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

MOSCOW
UNIVERSITY
BULLETIN

Moscow University Bulletin

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER SIX

NOVEMBER – DECEMBER

Published in 6 issues per year
on behalf of the Faculty of Philology
by Moscow University Press

Moscow University Press • 2019

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 6

НОЯБРЬ – ДЕКАБРЬ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета • 2019

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор — д. ф. н., проф. **М.Л. Ремнёва**

Зам. главного редактора по лингвистике — д. ф. н., проф. **И.М. Кобозева**

Зам. главного редактора по литературоведению — д. ф. н., проф. **В.М. Толмачёв**

Отв. секретарь по лингвистике — д. ф. н., проф. **С.В. Князев**

Отв. секретарь по литературоведению — д. ф. н., проф. **Г.В. Зыкова**

Оргсекретарь — к. п. н., доц. **И.Э. Стрелец**

Выпускающий редактор англ. версии — к. ф. н., доц. **Д.С. Мухортов**

Члены редколлегии:

д. ф. н., проф. **О.В. Александрова**; к. ф. н., доц. **А.Е. Беликов**; д. ф. н., проф.

Т.Д. Венедиктова; д. ф. н., проф. **Д.П. Ивинский**; д. ф. н., проф. **А.И. Изотов**; д. ф. н.,

проф. **С.И. Кормилов**; д. ф. н., проф. **Н.Т. Пахсарьян**; д. ф. н., проф. **Е.В. Петрухина**;

д. ф. н., проф. **А.И. Солопов**; д. ф. н., проф. **С.Г. Татевосов**; д. ф. н., ст. науч. сотр.

О.Е. Фролова

ЧЛЕНЫ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

АМАТУЦЦИ Антонелла (Antonella AmatuZZi), PhD, профессор (Италия, Туринский ун-т);

БЁМИГ Михаэла (Michaela Bohmig), PhD, профессор (Италия, Неаполитанский ун-т);

БЕНТЦИНГЕР Рудольф (Rudolf Bentzinger), PhD, профессор, академик (Германия,

Берлин-Бранденбургская академия наук); ВАВЖИНЬЧИК Ян (Jan Wawrzyńczyk), PhD,

профессор (Польша, Варшавский ун-т); ВЕРЛИНСКИЙ Александр Леонардович, д.ф.н.,

профессор (Россия, СПбГУ); ВОЛЬФ Юрген (Jurgen Wolf), PhD, профессор (Германия,

Марбургский ун-т); ГУГНИН Александр Александрович, д.ф.н., профессор (Беларусь,

Полоцкий гос. ун-т); ДЕ ЛАНДШИР Кристл (Christ'l De Landsheer), PhD, профессор

(Бельгия, Антверпенский ун-т); ДЕМЬЯНКОВ Валерий Закиевич, д.ф.н., профессор

(Россия, ИЯ РАН); ДЕЙЧ-КОРНБЛАТТ Джудит (Judith Deutsch Kornblatt), PhD,

профессор (США, ун-т Висконсина); ДЫБО Анна Владимировна, д.ф.н., профессор,

член-корреспондент РАН (Россия, ИЯ РАН); ЗАБОТКИНА Вера Ивановна, д.ф.н.,

профессор (Россия, РГГУ); ЗОЛотова Татьяна Аркадьевна, д.ф.н., профессор (Россия,

Марийский гос. ун-т); ИНЬКОВА-МАНЗОТТИ Ольга Юрьевна (Olga Inkova-Manzotti),

д.ф.н., профессор (Швейцария, Женевский ун-т); ЙОВАНОВИЧ Томислав (Томислав

Јовановић), PhD, профессор (Сербия, Белградский ун-т); ЛАШРЕ-ДЮЖУР Анн (Anne

Lacheret-Dujour), PhD, профессор (Франция, ун-т Западный Париж – Нантер); ЛЕЙТИ

Марли Квадрус (Marli Quadros Leite), PhD, профессор (Бразилия, ун-т Сан-Паулу);

МЕДВЕДЕВА Галина Витальевна, д.ф.н., профессор (Россия, Иркутский гос. ун-т);

МИРЧЕВСКА-БОШЕВА Биляна (Биљана Мирчевска-Бошева / Biljana Mirčevska-

Boševa / Biljana Mirčevska-Boševa), PhD, профессор (Македония, ун-т Свв. Кирилла

и Мефодия); МОТТИРОНИ Эжени (Eugénie Mottironi), PhD, профессор (Швейцария,

Женевский ун-т); МУСТАЙОКИ Арто (Arto Samuel Mustajoki), PhD, профессор

(Финляндия, Хельсинский ун-т); НЕМЕЦ-ИГНАШЕВА Диана Осиповна (Diane

O. Nemes-Ignashev), PhD, профессор (США, Карлтон Колледж); НЕССЕЛЬРАТ Хайнц-

Гюнтер (Heinz-Günther Nesselrath), PhD, профессор, академик (Германия, Геттингенский

ун-т); НИВА Жорж (Georges Nivat), PhD, профессор (Франция, Европейская академия);

КАВАЛЬЕРЕ Арлете Орландо (Arlete Orlando Cavaliere), PhD, профессор (Бразилия,

ун-т Сан-Паулу); ПАЛМЕР Найджел Фентон (Nigel Fenton Palmer), PhD, профессор

(Великобритания, Оксфордский ун-т); ПОЛОНСКИЙ Вадим Владимирович, д.ф.н.,

профессор (Россия, ИМЛИ РАН); РАСКИНИ Элиза (EliSa Raschini), PhD, профессор

(Франция, Эколь Нормаль); РОБЕРТС Джейн (Jane Roberts), PhD, профессор

(Великобритания, ун-т Лондона); САРАНЦАЦРАЛ Цэрэнчимэдийн (TŠerēnchimēdiin

Sarantsatsral), д.ф.н., профессор (Монголия, Монгольский гос. ун-т); УХЛИК Младен

(Mladen Uhlik), PhD, доцент (Словения, ун-т Любляны)

Редактор *И.В. Луканина*

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Чекалина Е.М.</i> Особенности языковой ситуации и языковая политика в современной Швеции	9
<i>Беляев О.И.</i> Редуплицироваться-то редуплицировался, да не выредуплицировался: двойные глаголы в аштынском даргинском	23
<i>Степанова Е.Б., Чжан Ю.</i> Семантика вопросительных предложений со словом <i>куда</i>	42
<i>Ма Яньхун</i> Типы мотивации в русском языке в сравнении с китайским языком	54
<i>Редько Н.А.</i> Семантика добра в народной речевой культуре (на материале говоров Архангельского региона)	64
<i>Говорухо Р.А.</i> Глаголы мысли в итальянском и русском текстах (пропозициональный аспект)	73
<i>Рыбина П.Ю.</i> Воображаемый театр: мизансценирование в поэме Дж. Г. Байрона «Паломничество Чайльд Гарольда» и драматургии Ю. О'Нила	91
<i>Бурмистрова Ю.Д.</i> «Русский европеец» И.С. Тургенев: к вопросу о публикации «Стихотворений в прозе» во Франции	104
<i>Макарова П.А.</i> Барбе д'Оревейи: читатель русской литературы	113
<i>Хачатрян Н.А.</i> Дихотомия добра и зла в «Дьявольских повестях» Барбе'Оревейи	122
<i>Кротова Д.В.</i> Тема хаоса в художественном мире Т. Толстой	132
<i>Сорокина В.В.</i> Малая проза новейшей русскоязычной литературы Азербайджана	142

Новое в славянской лексикографии

<i>Вавжинчик Я.</i> Новое в польской лексикографии	152
<i>Менац-Михалич М., Якушкина Е.И.</i> Современная хорватская диалектная лексикография	164

Рецензии

<i>Темиршина О.Р.</i> Рецензия на кн.: Хализев В.Е., Холиков А.А., Никандрова О.В. Русское академическое литературоведение: История и методология (1900–1960-е годы): Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.; СПб.: Нестор-История, 2017	177
--	-----

Научная жизнь

<i>Архангельская А.В., Теплова Л.И., Ярко А.Н.</i> «Ломоносовские чтения» в филиале МГУ в Севастополе	181
<i>Беликов А.Е.</i> День науки на филологическом факультете – 2019	187
<i>Черчук О.И., Шатько Е.В.</i> Славянские языки, литература, культура в современном мире: хроника международной научной конференции	190

<i>Багаева А.Ф.</i> Конференция к 250-летию И.А. Крылова на филологическом факультете МГУ (3 декабря 2018 г.)	195
<i>Александрова О.В., Ремнёва М.Л., Стрелец И.Э.</i> Ломоносовские чтения – 2019 на филологическом факультете Московского университета	198
Памяти...	
<i>Петрухина Е.В., Клобуков Е.В.</i> Александра Алексеевна Камынина . .	215
<i>Указатель статей и материалов</i> , опубликованных в журнале «Вестник Московского университета. Серия 9. Филология» в 2019 г. . . .	218

CONTENTS

Articles

<i>Chekalina E.</i> The Linguistic Situation and Language Policy in Modern Sweden	9
<i>Belyaev O.</i> Re-bloomin'-duplication: Double Verbs in Ashti Dargwa	23
<i>Stepanova E., Yue Zhang.</i> Semantics of Interrogative Sentences with <i>Kuda</i>	42
<i>Ma Yanhong</i> Motivation Types in Russian and Chinese	54
<i>Redko N.</i> The Semantics of Good in Arkhangelsk Dialects	64
<i>Govorukho R.</i> Thinking Verbs in Italian and Russian Texts: Propositional Aspect	73
<i>Rybina P.</i> An Imaginary Theatre: The Art of <i>Mise-en-scène</i> in Lord Byron's <i>Childe Harold's Pilgrimage</i> and the Plays of E. O'Neill	91
<i>Burmistrova Yu.</i> 'Russian European' Ivan Turgenev: The Publication of 'Poems in Prose' in France	104
<i>Makarova P.</i> Barbey d'Aurevilly, a Reader of Russian Literature	113
<i>Khatchatryan N.</i> The Dichotomy of Good and Evil in Barbey d'Aurevilly's <i>Les Diaboliques</i>	122
<i>Krotova D.</i> The Theme of Chaos in Tatiana Tolstaya's Artistic World	132
<i>Sorokina V.</i> Small Prose of the Latest Russian-language Literature in Azerbaijan	142

New Trends in Slavic Lexicography

<i>Wawrzyńczyk J.</i> New Things in Polish Lexicography	152
<i>Menac-Mihalić M., Yakushkina E.</i> Modern Croatian Dialect Lexicography	164

Reviews

<i>Temirshina O.</i> Book Review: Khalizev V.E., Kholikov A.A., Nikandrova O.V. <i>The Handbook of Russian Literature Criticism. History and Methodology (1900–1960)</i> . 2nd ed., rev. and suppl. Moscow, St. Petersburg: Nestor-Historia, 2017. 176 pp.	177
--	-----

Scientific Life

<i>Arkhangelskaia A., Teplova L., Yarko A.</i> 'The Lomonosov Readings' at the MSU Branch in Sevastopol	181
<i>Belikov A.</i> The 2019 Science Day at the Faculty of Philology	187
<i>Cherchuk O., Shatko E.</i> Slavic Languages, Literature and Culture in the Modern World. Proceedings of the International Conference	190

<i>Bagaeva A.</i> The Conference on the 250th Anniversary of Ivan Krylov at Moscow University's Faculty of Philology	195
<i>Aleksandrova O., Remneva M., Strelets I.</i> The 2019 Lomonosov Readings at Moscow University's Faculty of Philology	198
In Memoriam	
<i>Petrukhina E., Klobukov E.</i> Aleksandra Kamynina	215
<i>Index of Articles and Other Matter</i> Published in The Bulletin of Moscow University. Series 9. Philology in the Year 2019	218

СТАТЬИ

Е.М. Чекалина

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ ШВЕЦИИ

*Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», 119991,
Москва, Ленинские горы, 1*

Языковая ситуация в Швеции последней трети XX — начала XXI в. сложилась под влиянием характерных для современного мира в целом общественных процессов:

1) постоянно возрастающего с начала 1970-х годов притока иммигрантов, в результате которого 15–20% населения страны составляют носители почти двухсот языков, для которых шведский язык не является родным;

2) все более широкого использования английского языка в различных сферах шведского общества и его влияния на лексический состав шведского языка.

Обусловленная этими процессами социокультурная ситуация мультилингвизма находит отражение в функционировании шведского языка, который является родным для преобладающего большинства населения. В иерархии многоязычного общества наиболее высокий социальный статус имеют шведский и английский. Английское влияние на шведский язык проявляется:

1) в увеличении числа английских заимствований (importord);

2) в переключении языковых кодов при устной и письменной коммуникации (kodväxling);

3) в вытеснении шведского языка английским в области науки, техники и образования, а также в деятельности крупных концернов (domänförlust).

Наиболее опасным для сохранения стабильности родного языка шведские языковеды считают последний фактор. В условиях глобализации существует опасность, что английский язык приобретет более высокий социальный статус, что нарушит иерархию, определяющую ведущую роль шведского языка как объединяющего нацию фактора общественной жизни. В языковой ситуации многоязычного общества особую актуальность приобретает деятельность Совета по шведскому языку и других институций, занимающихся вопросами шведского языка и языков национальных меньшинств. Сохранение и укрепление ведущей роли шведского национального

Чекалина Елена Михайловна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой германской и кельтской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: etch1@yandex.ru).

языка определяет основные направления официальной языковой политики и обсуждается в общественной дискуссии, особенно в средствах массовой информации и в интернете. Языковая политика в отношении этнических групп населения, для которых шведский не является родным, направлена на то, чтобы представители национальных меньшинств и иммигранты имели возможность сохранять и развивать свою культуру и язык. Взаимодействие этих тенденций в условиях развитой демократии позволяет лингвистам предполагать, что риск исчезновения шведского языка в будущем очень невелик.

Ключевые слова: современный шведский язык; мультилингвизм; английское влияние; мультиэтнические социолекты; закон о языке; закон о языках национальных меньшинств.

Введение. С середины XX в. языковая политика является одним из важных направлений общественно-политической жизни Швеции и осуществляется специально созданными для этого государственными институциями¹. В 1944 г. был образован Комитет по охране и нормализации шведского языка (Nämnden för svensk språkvård)². В него вошли представители университетов, Управления среднего образования, Клуба публицистов, Шведского радио, Шведского объединения книгоиздателей, Союза писателей Швеции, Шведской Академии, Королевской Академии словесности, истории и антиквариата, Ассоциации скандинавских стран «Нурден» и некоторых других государственных и общественных организаций. В задачи Комитета входили не только вопросы нормализации и кодификации шведского языка, но и ориентированная на широкие слои шведского общества консультативная деятельность по проблемам чистоты и правильности шведского языка, которая с самого начала носила и продолжает носить просветительский характер. В 1973 г. эта организация получила более короткое название — Комитет по шведскому языку (Svensk språknämnd)³, а в 2006 г. она была переименована в Совет по шведскому языку (Svenska språkrådet). В том же году начал выходить красочно иллюстрированный научно-популярный журнал “Språktidningen” (букв. «Журнал о языке»), в котором публикуются научно-популярные статьи известных лингвистов, а также увлека-

---

¹ В 1941 г. по инициативе Королевской Академии инженерных наук был создан Центр технической и профессиональной терминологии (Tekniska nomenklaturcentralen), в 2001 г. переименованный в Центр терминологии (Terminologisentrum).

² Швеция стала первой из скандинавских стран, где была создана специальная организация по охране и нормализации языка. Аналогичные организации вскоре после этого появились и в других скандинавских странах — Датский языковой совет в 1955 г., Норвежский языковой совет в 1974 г.

³ С 1947 г. эти организации осуществляли издание орфографических справочников «Svenska skrivregler» («Правила шведского правописания») и толковых словарей шведского языка. С 1965 по 2005 г. четыре раза в год выходил журнал “Språkvård” (букв. «Охрана языка»), в котором обсуждались вопросы функционирования шведского языка и языковой политики.

тельные заметки и репортажи не только о шведском и других скандинавских, но и о различных языках мира⁴.

1. Ситуация многоязычия и меры, направленные на укрепление статуса шведского языка. Языковая ситуация в Швеции последней трети XX — начала XXI в. сложилась под неизбежным и сильным влиянием характерных для современного мира общественных процессов:

1) постоянно увеличивающегося с начала 1970-х годов притока иммигрантов, в результате чего 15–20% шведского населения составляют носители почти двух сотен различных языков мира, для которых шведский язык не является родным [Josephson, 2018: 139];

2) постоянно возрастающего использования английского языка в различных сферах шведского общества и его влияния на лексический состав шведского языка.

Современная Швеция стала многоязычной страной и, как пишет бывший председатель Совета по шведскому языку профессор Стокгольмского университета Улле Юсефссон, в будущем она останется таковой [Josephson, 2004: 127]. Ключевым словом, определяющим языковую ситуацию в современной Швеции, стал композит *flerspråkighet* ‘мультилингвизм’ (букв. ‘многоязычие’), который активно используется шведскими лингвистами и входит в название одной из ведущих кафедр Стокгольмского университета — *Institutionen för svenska och flerspråkighet* (в официальном переводе — ‘Кафедра шведского языка и мультилингвизма’). Языковая политика в отношении различных этнических групп населения, для которых шведский язык не является родным, ранее ставившая своей целью их ассимиляцию, теперь направлена на то, чтобы представители национальных меньшинств и иммигранты имели возможность сохранять и развивать свою культуру и язык при активной поддержке государства. Социокультурная ситуация многоязычия оказывает заметное влияние на функционирование современного шведского языка, который является родным для 80–85% населения страны [Josephson, 2018: 126]. Задачи сохранения его ведущей роли определяют направление официальной языковой политики и обсуждаются в ходе оживленной общественной дискуссии, в том числе в средствах массовой информации и в Интернете.

В языковой ситуации многоязычного общества деятельность Шведского языкового совета и других институций, занимающихся вопросами шведского языка, приобретает особую актуальность.

---

⁴ В каждом номере имеются постоянные рубрики о новых словах, топонимах и о недавно вышедших книгах. Есть также раздел вопросов читателей и ответов, которые дают опытные эксперты, и раздел читательских находок, например, самого первого употребления неологизма или самого непонятного предложения, а также непростые упражнения по так называемой лингвистической гимнастике — кроссворды, объяснения трудных слов и игра в слова.

В условиях происходящей в современном мире и все более нарастающей глобализации особую важность приобретает планомерно осуществляемая разносторонняя деятельность, направленная на укрепление шведского национального языка как объединяющей основы шведского общества⁵. Во всех официальных документах подчеркивается, что шведский является основным языком, который используется во всех областях общественно-политической и культурной жизни современной Швеции. Важность этого тезиса и необходимость специальных долгосрочных мер, направленных на его реализацию, стала особенно остро осознаваться на рубеже веков не только лингвистами и нормализаторами, но и шведскими политиками. В конце 1990-х годов была создана правительственная комиссия по подготовке закона о языке. Итогом ее работы стало многостраничное экспертное заключение “*Mål i mun*” (букв. ‘*Речь во рту*’)⁶. На основе экспертного заключения 7 декабря 2005 г. шведский Риксдаг принял специальное решение о языковой политике Швеции и сформулировал четыре ее главные цели [Josephson, 2004: 128–129]:

1. Шведский язык должен быть в Швеции основным.
2. Шведский должен быть функционально полноценным и общественно значимым языком.
3. Официальный шведский язык должен быть нормализованным, простым и понятным.
4. Все должны иметь возможность реализовать свое право на язык: изучать шведский язык и использовать его, развивать и использовать собственный родной язык и языки национальных меньшинств, получать возможность изучать иностранные языки.

С 1 июля 2009 г. вступил в силу Закон о языке, в котором окончательно провозглашена ведущая роль шведского как основного языка, обеспечивающего функционирование всех сфер шведского общества, а также право всех граждан страны на изучение родного и иностранных языков. С 1 января 2010 г. в связи с вступлением в Совет Европы по правам человека в Швеции вступил в силу Закон о национальных меньшинствах и языках национальных меньшинств, обеспечивающий им государственную поддержку. Статус языков национальных меньшинств получили семь языков, которые непрерывно исполь-

---

⁵ В официальных документах, принятых правительством Швеции на рубеже веков, статус шведского языка определяется трудно переводимым на русский композитом *samhällsbärande* (букв. ‘являющийся основой общества’), в состав которого входит основа существительного *samhälle* ‘общество’ и причастие I от глагола *bära* ‘нести’ в значении ‘быть опорой’.

⁶ В названии использовано устойчивое словосочетание с аллитерацией, которое входит в состав фразеологического оборота: *Har du inte mål i mun?* ‘Ты что, язык проглотил/лишился дара речи?’ (букв. ‘Ты не имеешь речи во рту?’).

зовались их носителями на территории Швеции не менее ста лет или на протяжении жизни трех поколений; в скобках приводятся цифры о количестве говорящих по данным 2016 г. [Josephson, 2018: 126]: финский (более 200 тыс.), торнедалский финский⁷ (25 тыс.), саамский (7 тыс.), романи — язык различных групп проживающих на территории Швеции цыган (25 тыс.) и идиш (1,5–2 тыс.).

2. Характер и степень английского влияния на современный шведский язык. В иерархии многоязычного общества шведский и английский являются двумя имеющими наиболее высокий статус языками. Как отмечают шведские специалисты, английский язык не только активно используется современными шведами в целях международного общения, но становится по существу вторым языком для значительной части говорящих по-шведски, владение которым становится все более необходимым для успешной коммуникации в важных сферах внутри страны [Josephson, 2018: 125]⁸.

Английское влияние на шведский язык проявляется трояко:

1) в увеличении числа английских заимствований — *importord* ('импортных слов'), создающем проблемы их ассимиляции;

2) в переключении языкового кода при устной и письменной коммуникации, проявляющемся во вкраплении английских синтагм различной протяженности в шведскую речь — *kodväxling* ('смена языкового кода');

3) в вытеснении шведского языка английским в области науки, техники и образования, а также в деятельности крупных концернов — *domänförlust* ('уплата области использования').

Наиболее опасным для сохранения статуса шведского языка специалисты считают последний аспект⁹. Существует вероятность

---

⁷ Северный региональный вариант финского языка с самоназванием *meänkieli* (букв. 'наш язык'), испытавший значительное влияние шведского языка, на котором говорят жители северо-восточной Швеции и северо-западной Финляндии в долине реки Торне.

⁸ По данным проведенного в 2012 г. в странах ЕС социологического исследования, 86% участвовавших в анкетировании шведов ответили, что владеют английским языком на уровне разговорной речи, а 40% оценили свои знания английского по трехмерной шкале («очень хорошие, хорошие и элементарные») как очень хорошие. Эти показатели являются одними из самых высоких среди тех стран современного мира, где английский не является официальным языком, и свидетельствуют о высоком уровне шведского образования [Josephson, 2004: 132].

⁹ В научной деятельности и высшем образовании в технических и естественнонаучных областях, а также в медицине используется главным образом английский язык, на котором публикуются научные исследования и защищаются диссертации; кроме того, в системе высшего образования используются преимущественно написанные на английском языке учебники. Это приводит к тому, что специалисты, работающие в этих областях, не владеют терминологией на шведском языке, что препятствует успешной коммуникации с другими представителями шведского общества. Кроме того, психологи и психолингвисты обращают внимание на то, что сложная интел-

того, что английский язык может приобрести более высокий социальный статус, чем шведский, и нарушить иерархию, определяющую ведущую роль шведского языка как объединяющего нацию фактора общественной жизни. Напротив, переключение со шведского на английский язык в условиях хорошего владения им большинством современных шведов в процессе не только устной, но и письменной коммуникации, по мнению специалистов, не угрожает шведскому языку. Синтагмы различной протяженности на английском языке включаются в шведскую речь преимущественно в прагматических целях и приобретают экспрессивную функцию или служат для установления контакта между участниками коммуникации¹⁰. Экспрессивная функция английских вкраплений ярко проявляется в рекламных текстах, часто в сочетании с английскими заимствованиями: *Attention. Interest. Design. Action. Allt fler tänker både print och webb när det är dags att fördela mediabudgeten. Vi förstår varför!* [Josephson, 2004: 81] *‘Внимание. Интерес. Дизайн. Действие. Все больше людей думает про печатные издания и интернет, когда приходит время распределять бюджет, предназначенный для информационных средств. Мы понимаем почему!’*

Рост числа англицизмов современные шведские лингвисты и нормализаторы считают позитивной тенденцией, расширяющей выразительные возможности носителей шведского языка. Их отношение к этому процессу определяется как «мягкий пуризм и прагматизм»: «Было бы лучше употреблять шведские слова, но, вероятно, не всегда это так» [Josephson, 2018: 53]. Английские заимствования составляют 3–4% от общего количества новых слов; в то же время частотность их употребления в газетных текстах составляет не более трех промилле [Ellegård, 1989: 69]. Большинство из них не входит в основной словарный состав шведского языка: они не вытесняют исконные шведские лексемы, а приобретают чаще всего статус цитатных слов и в условиях свободного владения английским языком воспринимаются носителями шведского языка как более

лектуальная деятельность осуществляется более успешно не на иностранном, а на родном языке. В работе крупных шведских корпораций, имеющих широкие международные контакты, английский язык также вытесняет шведский и используется в качестве основного рабочего языка, получившего название *koncernspråk* (букв. ‘корпоративный язык’). Это усиливает социальные различия между различными слоями шведского населения и грозит появлением социальной и интеллектуальной элиты, изолированной от большинства населения страны.

¹⁰ В молодежном общении английские обороты речи употребляются примерно один раз в минуту; такие «островки английской речи» используются в диалоге не для передачи информации, а для установления контакта и взаимопонимания между участниками коммуникации: — *Men du kan ju ta såna här också! Но ведь ты тоже можешь взять такие! — Ja! Ja! Yes of course! Да! Да! Да, конечно! — I presume. Допускаю* [Josephson, 2004: 78].

экспрессивные лексические средства. При частом употреблении такие англицизмы быстро становятся устоявшимися, а их английское написание делается привычным и не требует орфографической ассимиляции¹¹.

Проблема морфологической ассимиляции английской лексики в словоизменительной системе шведского языка является более актуальной. Для глаголов она обязательна, что обусловлено вербоцентрическим характером синтаксической структуры предложения¹². В XX в. наблюдается тенденция к заимствованию английских существительных в форме множественного числа с показателем *-s*, что делает сложным их употребление с постпозитивным определенным артиклем:

blinkers ‘указатели поворота’ (с мигающей светящейся стрелкой), *broilers* ‘бройлеры’, *containers* ‘контейнеры’, *covers* ‘кавер-версии’, *evergreens* ‘долго остающиеся популярными шлягеры’, *gangsters* ‘гангстеры’, *managers* ‘менеджеры’, *outsiders* ‘аутсайдеры’, *trailers* ‘трейлеры’ и др. Рекомендации лингвистов носят неоднозначный характер. Так, в последнем издании Словника Шведской Академии для большинства таких слов рекомендуется использование исконной модели: *broilrar, -na* ‘бройлеры’, *containrar, -na* ‘контейнеры’, *gangstrar, -na* ‘гангстеры’, *trailrar, -na* ‘трейлеры’ [SAOL, 2015]. В других случаях предлагаются формы множественного числа с нулевым показателем как более предпочтительные, чем вариативная английская модель: *manager/managers, outsider/outside*; для отдельных лексем дается, однако, только английская модель, например, *evergreens*, что, возможно, обусловлено собирательным значением. Показательно, что даже при морфологической ассимиляции в большинстве случаев сохраняется английское написание.

В целом языковая политика шведских специалистов относительно ассимиляции английских заимствований определяется понятием *blandspråkpolicy* (букв. ‘смешанная языковая политика’), отражающим специфику происходящих в этой области процессов, которая предполагает осторожный интернационализм в словоупотреблении и

¹¹ Примером этого может служить существительное *juice* [ju: s] ‘натуральный сок’, заимствованное после 1950 г., которое ассимилировалось фонетически и морфологически, сохранив при этом английское написание. Попытки изменить его, приспособив к шведской орфографии, и придать ему форму *jös* не получили поддержки ни у лингвистов, ни у носителей шведского языка.

¹² Все заимствованные глаголы, как и неологизмы, относятся к единственному продуктивному в шведском языке первому спряжению, например: *dejta* ‘назначать время встречи’, *fejka* ‘фальсифицировать, фабриковать’, *läjva* ‘участвовать в ролевой игре’, *levla* ‘подниматься на одну ступень’ (в компьютерной игре), *tejpa* ‘заклеивать скотчем’, *trigga* ‘раскручивать’, *outsourca* ‘передавать часть заказов сторонним организациям’.

слержанный, умеренный пуризм в орфографии и словоизменении [Josephson, 2004: 73; 2018: 201].

3. Мультиэтнические социолекты современного шведского языка.

Под влиянием языков различных этнических групп в регионах плотного проживания иммигрантов на окраинах крупных городов Швеции возникли особые языковые коды, которые определяются социолингвистами как мультиэтнические социолекты [Thelander, 1996: 179; Гиренко, 2015]¹³. Для них характерно заимствование лексем из арабского, турецкого, испанского, сербского и некоторых других языков, нарушение синтаксической нормы в области словопорядка, употребление существительных среднего рода с согласовательными показателями общего рода [Kotsinas, 2005: 43]. Иноязычные заимствования представлены главным образом экспрессивной, обценной и пейоративной лексикой, названиями наркотических веществ и криминальных действий, а также словами сексуального характера. Показательно, что мультиэтнические социолекты используются в обиходно-разговорной речи при общении не только иммигрантской, но и шведской молодежи и приобретают в таком случае характер сленга; большинство молодых людей могут свободно переключать коды и переходить на литературный шведский язык в официальных ситуациях [Löwgren, 2009]. О месте мультиэтнических социолектов в функциональной парадигме современного шведского языка свидетельствует то, что они вошли в язык литературных произведений начала XXI в., авторы которых — дети иммигрантов, и стали использоваться как особые стилистические средства, характеризующие не только речь, но и внутренний мир их носителей [Josephson, 2004: 65–69]. Наиболее известными стали сборник новелл Алехандро Лейвы Венглера “Till vår ära” («В нашу честь») 2001 г. и роман Юнаса Хассена Кемири “Ett öga rött” («На красном глазу») 2003 г. [Josephson, 2004: 66–67]¹⁴.

4. Вопросы гендерного равенства и новое местоимение семантического общего рода *hen*. Направленность и содержание обсуждаемых проблем шведского языка обусловлены процессами демократизации современного шведского общества. В начале XXI в. актуальными темами научной и общественной дискуссии стали гендерное равенство, а также упрощение коммуникации между административными

---

¹³ Они получили общее наименование *rinkebysvenska* по названию одного из таких районов Стокгольма Rinkeby [Bijvoet, 2001: 102–103]. Для обозначения социолектов, сложившихся в Гётеборге и Мальмё, используются названия, обусловленные топонимикой этих городов — *gårdstenska* (в пригороде Гётеборга) и *rosengårdskä* (в пригороде Мальмё).

¹⁴ Алехандро Лейва Венглер (Alejandro Leiva Wengler) родился в 1976 г. в Чили; в девятилетнем возрасте переехал вместе с родителями в Швецию. Юнас Хассен Кемири (Jonas Hassen Khemiri) родился в 1978 г. в Стокгольме; его мать — шведка, отец переехал в Швецию из Туниса.

органами различного уровня и гражданами страны. С 1970-х годов встал вопрос о новом анафорическом местоимении семантического общего рода, позволяющем избегать указания на гендерную принадлежность, которая содержится в местоимениях 3-го лица *han* 'он' и *hon* 'она'. Поскольку большинство антропонимов общего рода в шведском языке исторически относилось к мужскому роду, при их замещении традиционно использовалось местоимение *han*: *Läraren bör inse att han är till för eleverna* 'Учителю следует понимать, что он существует для учеников' [Widmark, 1992: 16].

Однако его употребление стало восприниматься как проявление дискриминации лиц женского пола; кроме того, потребность в «нейтральном» варианте все чаще стала ощущаться в контекстах с общеродовой отнесенностью (подобных английским *he or she*). Как отмечают исследователи, в последние десятилетия происходит процесс включения в грамматическую систему шведского языка нового, нейтрального в гендерном отношении личного местоимения 3-го лица *hen*; см. подробнее в [Савицкая, 2015: 188–199]. Выбор этой формы обусловлен фонетическим сходством как с личными местоимениями мужского и женского рода *han* и *hon*, так и с анафорическим местоимением *den*, которое используется при замещении неодушевленных существительных общего рода¹⁵. Определенную роль при его выборе сыграло также контактное влияние финского языка, в котором отсутствует родовая дифференциация и имеется поэтому только одно местоимение 3-го лица *hän*¹⁶.

Закреплением статуса *hen* можно считать его включение в качестве нового местоимения в последнее по времени 14 издание Словника Шведской Академии с формами генитива *hens* и объектного падежа *hen*. В словарной статье даются два варианта его употребления: 1. Нейтральное обозначение лица без указания на гендерную принадлежность: *Läraren kan fritt välja vilken metod hen vill* 'Учитель может свободно выбирать методику, которую хочет использовать'; *Om någon kör mot rött ljus, så blir hen bötfälld* 'Если кто-нибудь поедет на красный свет, то будет оштрафован'. 2. Обозначение лица, которое не хочет или не может отнести себя ни к категории мужчин, ни к категории женщин [SAOL, 2015: 469].

Можно предположить, что тенденция к образованию личного местоимения семантического общего рода в шведском языке (в отли-

---

¹⁵ В грамматической системе современного шведского языка два рода — общий (как результат слияния мужского и женского) и средний и, соответственно, два анафорических местоимения — *den* и *det*.

¹⁶ Финское влияние проявляется не только в речи представителей самого большого по численности национального меньшинства, проживающего в Швеции, но и в финляндском варианте шведского языка как второго государственного на территории соседней дружественной Финляндии.

чие, например, от трехродового немецкого или не имеющего родовой дифференциации английского) обусловлена «давлением» системы грамматического рода, в которой среднему роду противопоставлен общий род. Под влиянием экстралингвистических факторов идеологического характера, которые, очевидно, служат катализатором происходящего процесса, семантический общий род и в плане выражения, и в плане содержания как бы «дублирует» грамматический общий род, выражаемый местоимением *den*; ср.: *Den som lever får se. 'Тот, кто доживет, увидит'* [Teleman, 1995: 9] — *Hen som lever får se 'Тот, кто доживет, увидит'* [Asp, 2013].

5. Упрощение официального языка административных органов и программа *Klarspråk*. Важное направление языковой политики реализуется в рамках программы Совета по шведскому языку, которая получила название *Klarspråk* (букв. *Понятный язык*). Она носит рекомендательно-консультативный характер и направлена на то, чтобы тексты документов, создаваемые в органах государственной власти, муниципалитетах, ландстингах (органах областного самоуправления), университетах, различных организациях и на предприятиях, были написаны на правильном, простом и понятном шведском языке. Основной целью программы является осуществление права всех граждан страны на доступ к таким текстам и их понимание. Для этого Шведский языковой совет 4 раза в год издает в электронном и печатном виде распространяемый бесплатно бюллетень “*Klarspråk*”, в котором содержится информация о деятельности языковых экспертов и представителей различных государственных учреждений. Так, второй номер бюллетеня за 2018 г. посвящен вопросам языка в сфере медицинского обслуживания и медико-социальной помощи, а третий номер — политическому языку в связи с проходившими в Швеции в первое воскресенье сентября 2018 г. выборами в Риксдаг и органы местного самоуправления. Для реализации этой программы существуют консультативные группы экспертов по языку в рамках профессионального объединения “*Föreningen Examinerade språkkonsulter*” («Объединение прошедших специальную подготовку консультантов по языку») и общественного объединения “*Språkrådgivning och textvård*” («Консультирование по языковым вопросам и нормализации текстов»), созданного в 2011 г. в Университете имени Линнея (г. Вэкше). По инициативе объединения разрабатывается двуязычный файл, помогающий коммуникации пациентов и медицинского персонала в женских консультациях для снижения риска во время беременности и родов. Создан также специальный форум, на котором могут общаться родители детей с пороками сердца. Программа *Klarspråk* играет важную роль и в кампании медицинского просвещения *Skydda antibiotikan* («Защитить

антибиотики') для распространения информации об их резистентности.

Заключение. Языковую политику Швеции в конце XX — начале XXI в. определяет ключевой вопрос: имеет ли язык этой страны будущее? [Westman, 1996: 182–194]. Отвечая на него, языковеды опираются на объективные факты и приводят статистические данные. Шведский язык имеет устойчивую письменную норму и высокий уровень кодификации в грамматиках и словарях. В рейтинге устойчивости среди шести тысяч языков мира он занимает шестидесятое место и является родным для преобладающего большинства жителей страны с одним из самых высоких показателей уровня грамотности и числа регулярно читающих книги и газеты людей [Josephson, 2004a: 15–16]. Немногим более ста языков мира имеют официальный статус, в то время как шведский является также вторым государственным в соседней дружественной Финляндии¹⁷ и тем самым входит в группу, состоящую всего из 25 языков [Parkvall, 2006: 108]. Поэтому, размышляя о судьбе родного языка в эпоху глобализации, современные шведские лингвисты предполагают, что риск его исчезновения очень невелик.

Список литературы

1. Гиренко М.А. Скандинавские мультиэтнологемы как особые языковые коды // Скандинавская филология. Вып. 13. СПб., 2015. С. 5–14.
2. Дементьева А.М. Лексические особенности шведского языка в Финляндии: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2018.
3. Савицкая А.В. Новое местоимение в шведском языке: история и перспективы // Скандинавская филология. Вып. 13. СПб., 2015. С. 188–199.
4. Asp J. Hen-debatten — ett språkpolitiskt skeende. URL: www.pluggasvenska.nu/hen-debatten-ett-sprakpolitiskt-skeende (accessed: 29.04.2013).
5. Bijvoet E. Röster från Rinkeby // Språkbitar. Stockholm, 2001. S. 102–103.
6. Ellegård A. Engelskan i svenskan // Språk i Norden. Nordisk språksekretariats skrifter, 10. Gyldendal, 1989. S. 67–76.
7. Josephson O. Engelskan i 2000-talets Sverige // Engelskan i Sverige. Språkval i utbildning, arbete och kulturliv. Småskrift utgiven av Svenska språknämnden. Stockholm, 2004a. S. 7–24.
8. Josephson O. “JU”. Ifrågasatta självklarheter om svenskan, engelskan och alla andra språk i Sverige. Falun, 2004b.
9. Josephson O. Språkpolitik. Falun, 2018.
10. Kotsinas U.-B. Invandrarsvenska. Uppsala, 2005.
11. Löwgren J. Kodväxling och multietniskt ungdomsspråk — form och funktion. Göteborg, 2009.

---

¹⁷ Подробнее о месте и роли шведского языка в Финляндии см. [Дементьева, 2018].

12. *Parkvall M.* Vad är språk? Köping, 2006.
13. *Sahlström E.* Hen-debatten blossar upp igen. URL: www.gp.se/nyheter/sverige/1.874481-sa-borjade-debatten-om-hen (accessed: 19.09.2012).
14. *Språktidningen.* 2012. November. S. 12–13.
15. *Svenska Akademiens ordlista över svenska språket (SAOL).* Utgiven av Svenska Akademien. Fjortonde upplaga, första tryckningen. Stockholm, 2015.
16. *Teleman U.* Han, hon eller vem son helst // Språkvård. 1995. № 1. S. 3–9.
17. *Thelander M.* Från dialekt till sociolekt // Svenska i tusen år. Glimtar ur svenska språkets utveckling. Redaktörer Lena Moberg och Margareta Westman. Studier utgivna av Svenska språknämnden, 81. Falun, 1996. S. 163–181.
18. *Westman M.* Har svenska språket en framtid? Svenskan i tusen år. Glimtar ur svenska språkets utveckling. Red. Lena Moberg och Margareta Westman. Skrifter utgivna av Svenska språknämnden, 81. Falun, 1996. P. 182–194.
19. *Widmark G.* Kongruensförändring i språkvärderingsperspektiv. Svenska i harmoni. Fyra uppsatser om kongruens. Ord och stil, 23. Uppsala, 1992. S. 7–30.

Elena Chekalina

THE LINGUISTIC SITUATION AND LANGUAGE POLICY IN MODERN SWEDEN

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The linguistic situation in Sweden in the last third of the 20th — early 21st century has formed under the influence of processes, typical of the modern world in general: a) the ever increasing flow of immigrants since the early 1970's, as a result of which 15–20% of the country's population are native speakers of almost 200 languages, hence Swedish for them is a foreign language and b) the constant expansion of the use of English in various spheres of the Swedish society and its influence on the vocabulary of Swedish. The sociocultural situation caused by these processes of multilingualism finds its reflection in the functioning of Swedish, which is the native tongue of the majority of the population. In the hierarchy of the multilingual society the highest social status belongs to Swedish and English. English influences Swedish in the following ways: a) there is a growing number of English loanwords (importord 'imported words'), b) there is code-switching in oral and written communications (kodväxling 'code change'), and c) English is ousting Swedish from some domains of science, technology and education (domänförlust 'domain loss'). The latter factor is considered by Swedish linguists to be the most dangerous for the native language. Under globalisation there is a danger that English will gain a higher social status, which will upset the hierarchy identifying the leading role of Swedish as a factor of social life that unites the nation. The Swedish Council

and other institutions concerned with Swedish and the languages of national minorities have a special relevance in the linguistic situation of the multinational society. The maintaining and strengthening of the leading role of the Swedish national language determines the main directions of the official language policy and is discussed in the society, especially in the media and internet. The language policy regarding ethnic groups for whom Swedish is not the native language is designed to enable the national minorities and immigrants to preserve and develop their own cultures and languages. The interaction of these trends in the conditions of a developed democracy suggests that the risk of Swedish disappearing in the future is very low.

Key words: modern Swedish; multilingualism; English influence; multiethnic (al) sociolects; the Swedish language law; the Sweden's national minorities law.

About the author: *Elena Chekalina* — Prof. Dr., Head of the Department of Germanic and Celtic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: etch1@yandex.ru).

References

1. Girenko M.A. Skandinavskie mul'tietnolekty kak osobyie iazykovye kody [Scandinavian multi-ethnolects as special language codes]. *Skandinavskaya filologiya* [Scandinavian Philology], 2015, 13, pp. 5–14. (In Russ.)
2. Demytyeva A.M. *Leksicheskie osobennosti shvedskogo iazyka v Finliandii* [Lexical features of the Swedish language in Finland]: diss. ... kand. filol. nauk. Moscow, Moscow State Lomonosov University, 2018, 200 p. (In Russ.)
3. Savitskaia A.V. Novoye mestoimeniye v shvedskom iazyke: istoriya i perspektivy [A new pronoun in Swedish: history and perspectives]. *Skandinavskaya filologiya* [Scandinavian Philology], 2015, 13, pp. 188–199. (In Russ.)
4. Asp J. *Hen-debatten — ett språkpolitiskt skeende* [The hen-discussion — a language policy event]. URL: www.pluggasvenska.nu/hen-debatten-ett-sprak-politiskt-skeende (accessed: 29.04.2013).
5. Bijvoet E. Röster från Rinkeby [Voices from Rinkeby]. *Språkbitar* [Language pieces]. Stockholm, Svenska Förlaget Publ., 2001, pp. 102–103.
6. Ellegård A. Engelskan i svenskan [English in Swedish]. *Språk i Norden* [Languages in Scandinavia]. Nordisk språksekretariats skrifter [The Nordic language secretariat's publications], 10. Gyldendal, Esselte Studium Publ., 1989, pp. 67–76.
7. Josephson O. Engelskan i 2000-talets Sverige [English in Sweden in the 20th century]. *Engelskan i Sverige* [English in Sweden]. *Språkval i utbildning, arbete och kulturliv* [Language choice in education, work and culture life]. Småskrift utgiven av Svenska språknämnden [A small paper published by the Swedish Language Council]. Stockholm, 2004a, pp. 7–24.
8. Josephson O. *“JU”. Ifrågasatta självklarheter om svenskan, engelskan och alla andra språk i Sverige [“WHY”*. Questionable matters of course about Swedish, English and all the other languages in Sweden]. Falun, Morfem Publ., 2004b, 191 p.

9. Josephson O. *Språkpolitik* [Language policy]. Falun, Morfem Publ., 2018, 320 p.
10. Kotsinas U.-B. *Invandrarsvenska* [Immigrant Swedish]. Uppsala, Hallgren & Fallgren Publ., 2005, 264 p.
11. Löwgren J. *Kodväxling och multietniskt ungdomsspråk — form och funktion* [Codeswitching and multiethnic youth language — form and function]. Studentuppsatser [Student papers]. Institutionen för svenska språket [The Department of Swedish]. Göteborgs universitet [University of Gothenburg], 2009. URL: [http:// gupea.ub.gu.se/handle/2077/20500](http://gupea.ub.gu.se/handle/2077/20500) (accessed: 23.03.2019), 29 p.
12. Parkvall M. *Vad är språk?* [What is language?]. Köping, Bokförlaget Natur och Kultur Publ., 2006, 151 p.
13. Sahlström E. *Hen-debatten blossar upp igen* [The hen-discussion flares up again]. URL: www.gp.se/nyheter/sverige/1.874481-sa-borjade-debatten-om-hen (accessed: 19.09.2012).
14. *Språktidningen* [The Language Journal]. November 2012, pp. 12–13.
15. *Svenska Akademiens ordlista över svenska språket* [The Swedish Academy Wordlist of the Swedish Language]. Utgiven av Svenska Akademien [Published by the Swedish Academy]. Fjortonde upplaga, första tryckningen [Fourteenth edition, first print]. Stockholm, Nordstedts Publ., 2015, 1596 p.
16. Teleman U. Han, hon eller vem som helst [He, she or anybody]. *Språkvård* [Language purity preservation], № 1, 1995, pp. 3–9.
17. Thelander M. Från dialekt till sociolekt. [From dialect to sociolect] *Svenska i tusen år. Glimtar ur svenska språkets utveckling* [Swedish in the last thousand years. Glimpses from the development of the Swedish language]. Red. [Ed.] Lena Moberg och Margareta Westman. Studier utgivna av Svenska språknämnden [Essays published by the Swedish Language Council], 81. Falun, Norstedts Förlag AB Publ., 1996, pp. 163–181.
18. Westman M. Har svenska språket en framtid? [Does the Swedish language have a future?] *Svenskan i tusen år. Glimtar ur svenska språkets utveckling*. [Swedish in the last thousand years. Glimpses from the development of the Swedish language]. Red. [Ed.] Lena Moberg och Margareta Westman. Skrifter utgivna av Svenska språknämnden [Essays published by the Swedish Language Council], 81. Falun, 1996, pp. 182–194.
19. Widmark G. Kongruensförändring i språkvärderingsperspektiv [Change in congruence from the perspective of language evaluation]. *Svenska i harmoni. Fyra uppsatser om kongruens*. [Swedish in harmony. Four essays about congruence] Ord och stil [Word and style], 23. Uppsala, Hallgren & Fallgren Publ., 1992, pp. 7–30.

О.И. Беляев

РЕДУПЛИЦИРОВАТЬСЯ-ТО РЕДУПЛИЦИРОВАЛСЯ, ДА НЕ ВЫРЕДУПЛИЦИРОВАЛСЯ: КОНСТРУКЦИИ С ПОВТОРОМ ГЛАГОЛА В АШТЫНСКОМ ДАРГИНСКОМ¹

*Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»,
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт языкознания Российской академии наук»
125009, Москва, Б. Кисловский пер., д.1, стр. 1*

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
119571, Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1*

В статье рассматриваются три типа удвоения глагола в аштынском диалекте кубачинского языка (даргинская группа, нахско-дагестанская семья): отрицательная редупликация, прохибитивная редупликация и так называемое эмфатическое удвоение глагола. Из этих конструкций наибольший интерес представляет последняя. В статье показано, что этот тип удвоения глагола в аштынском может происходить как по морфологической, как и по фонологической модели, причем в последнем случае редупликации под-

---

Беляев Олег Игоревич — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; научный сотрудник отдела типологии и ареальной лингвистики Института языкознания РАН; научный сотрудник лаборатории востоковедения и компаративистики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (e-mail: belyaev@ossetic-studies.org).

¹ Исследование выполнено при поддержке проекта «Параметрическое описание языков Российской Федерации», реализуемого в Государственном институте русского языка имени А.С. Пушкина. За данные аштынского диалекта я благодарен М.Т. Гаджимурадову (ДГУ, г. Махачкала); любые ошибки — на моей совести. Я также благодарен двум анонимным рецензентам за ценные замечания. Транскрипция аштынского следует МФА, за исключением стандартных дагестановедческих конвенций (ž [ʒ], š [ʃ], č [tʃ], c [ts]). Для большей наглядности фонологической структуры аштынских словоформ я, вопреки традиции, отмечаю фонему ʔ в начале слов. Глоссы следуют Лейпцигским правилам (<https://www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php>), со следующими дополнительными сокращениями: ADD — частица с аддитивным значением; EL — элатив; ESS — эссив; NRL — показатель согласования с классом людей во множественном числе; IN — локализация внутри ориентира; LAT — латив; NRL — показатель согласования с классом лиц во множественном числе; PROL — пролатив; s — показатель субстантивации (в агулских примерах).

вергается начальная последовательность CV(C)C глагольной словоформы, вне зависимости от ее морфологической структуры. Хотя такой тип редупликации достаточно типичен для языков мира, необычным является тот факт, что в аштынском между редуплицированным фрагментом и исходной словоформой могут вставляться дискурсивные частицы и полноценные именные словоформы. Это заставляет считать такую редупликацию процессом, действующим не в рамках словоформы, но на уровне синтаксиса. В статье высказываются некоторые предварительные гипотезы о природе этого явления и о диахроническом происхождении каждого из типов редупликации.

Ключевые слова: нахско-дагестанские языки; даргинский язык; фонология; морфология; редупликация.

1. Введение. Конструкции с повтором глагола, используемые в функции эмфатического выделения (топикализации и фокализации) предиката, распространены во многих языках Дагестана [Майсак, 2012], ср. (1) из агульского.

(1) **ʕut'.a-s**   gi   **ʕut'.a-a,**   amma süwe   x.a-dawa
есть.IPFV-INF   тот(ERG)   есть.IPFV-PRS   но   толстый   стать.IPFV-PRS:NEG
'Есть-то он ест, но не толстеет' [Майсак, Мерданова, 2014: 412].

Подобные конструкции представляют интерес как с точки зрения их функции, т.е. того, какие именно коммуникативные структуры они способны маркировать, так и с точки зрения формы, а именно правил, согласно которым они образуются. В настоящей работе обсуждается именно последний аспект.

Описание удвоения глагола в нахско-дагестанских языках и, в частности, в даргинских диалектах обычно не представляет большой проблемы: либо топикализуется одна из нефинитных форм глагола (как инфинитив в агульском), либо словоформа повторяется полностью, либо повторяется глагольный корень в виде чистой основы (с классным префиксом, при его наличии) или иные морфологически оформленные элементы словоформы, например, пространственные превербы или именные компоненты составных глаголов. Поскольку и превербы, и именные основы сложных глаголов, и немаркированные глагольные основы в этих языках часто обладают некоторой степенью самостоятельности, в большинстве таких случаев корректнее говорить не о редупликации как о процессе, предполагающем полный или частичный повтор фонологической или морфосинтаксической составляющей [Rubino, 2005], но, скорее, о совместном использовании в клаузе двух словоформ одной и той же глагольной леммы.

В настоящей статье описывается конструкция с повтором глагола в аштынском диалекте кубачинского языка, которая не может быть описана в подобных терминах: в ней, как будет показано далее,

повтору могут подвергаться элементы глагольной словоформы, определяемые фонологически (первая в словоформе последовательность CV (C)C), но не обладающие завершенной морфологической структурой.

Подобного рода правила повтора в целом характерны для редупликации и пока что в литературе описывались только для процессов, протекающих в пределах словоформы. В аштынском же редуцированный элемент обладает определенной самостоятельностью: между ним и исходной словоформой может быть вставлен синтаксический материал. Фактически, в аштынском речь идет о фонологически обусловленной редупликации на синтаксическом уровне. Поскольку современные подходы к редупликации рассматривают ее как процесс, ограниченный рамками словоформы (причем, как правило, локальный), данная конструкция представляет теоретический интерес и ждет полноценного анализа.

В статье дается первичное предварительное описание аштынской конструкции с удвоением глагола наряду с описанием других видов повтора глагольной основы: отрицательной и прохибитивной редупликации. В разделе 2 дается обзор основных сведений об аштынском даргинском. В разделе 3 описываются аштыньские конструкции с повтором глагола или его частей: отрицательная редупликация, прохибитивная редупликация и эмфатическое удвоение глагола, которое, в свою очередь, разделяется на два подтипа: морфологически и фонологически мотивированное. Наконец, в разделе 4 дается предварительный теоретический обзор описанных явлений, высказываются некоторые диахронические гипотезы о возникновении обсуждаемых конструкций.

2. Основные сведения об аштынском даргинском. Традиционно аштыньский описывается как один из говоров кубачинского диалекта — единственного представителя кубачинской группы диалектов даргинского языка [Гасанова, 1971]. Он распространен в с. Ашты и с. Дирбаг Дахадаевского района Республики Дагестан. Лексикостатистический анализ даргинской базовой лексики позволяет говорить о кубачинском как о самостоятельном языке [Коряков, Сумбатова, 2007], на это указывает и устоявшееся в литературе наименование *кубачинский язык* [Магомедов, 1963]. Аштыньский, в таком случае, является одним из диалектов кубачинского².

Эпиграфические памятники, найденные в с. Ашты, указывают на то, что предки аштыньцев в 1318 г. переселились из аула Анчибачи вблизи селения Кубачи [Магомедов, Саидов-Аккутта, 2010: 16]. Аш-

---

² В работе [Алексеев, Перехвальская, 2001] для кубачинского предложен оригинальный термин *урбугский язык* (от самоназвания кубачинцев *zu^h:ybug*), однако такое словоупотребление не прижилось.

аштынский по большинству основных фонетических и грамматических признаков совпадает с кубачинским; аштынский и кубачинский до сих пор взаимопонимаемы. По подсчетам Ю.Б. Корякова [Коряков, 2013], доля общей лексики составляет 91%. На этом основании аштынский и кубачинский можно считать диалектами единого кубачи-аштынского языка, или, в традиционной классификации, двумя говорами кубачинского диалекта.

Кратко изложу основные сведения о морфологической структуре аштынского глагола. Все базовые глагольные основы в аштынском, как и в других даргинских языках, имеют форму (R)V (R)C, т.е. являются односложными и состоят чаще всего из сочетания гласной с одной согласной или с кластером, состоящим из сонорной (*r*, *l*, *m*) или фонемы *b*. Каждому корню соответствуют две основы: совершенного и несовершенного вида; основы не производны друг от друга и образуются нерегулярно, но имеют общую корневую согласную, которой является последняя согласная корня. Большинство основ обязательно присоединяют префиксальный показатель грамматического класса, который согласуется с абсолютным актантом клаузы; я буду условно обозначать позицию такого показателя символом ~³. Никогда не присоединяют классный показатель основы, начинающиеся на согласную, а также ряд основ с начальной гласной (впрочем, последние можно анализировать как содержащие начальную фонему *ʔ*). Примеры глагольных корней (даются в порядке совершенный вид ~ несовершенный вид): ~*a:q'* ~ ~*i:q'* 'делать'; ~*ug-* ~ ~*ulg-* 'разрушать', ~*ilx:-* ~ ~*lux:-* 'варить'.

Словоизменительные грамматические категории, за исключением отрицания и классного согласования, выражаются суффиксами. Поскольку все виды повтора глагола, помимо основы, затрагивают лишь префиксальную зону, опишем ее более подробно. В префиксальной зоне аштынского глагола может быть до пяти элементов (табл. 1).

Таблица 1

Префиксальная зона аштынской глагольной словоформы

-5	-4	-3	-2	-1	0
NOM	PV. LOC	PV. DIR	NEG	GEND	STEM
	<i>či</i> 'на' <i>wi</i> 'под' <i>ta</i> 'перед' ~ <i>iš</i> (<i>i</i>) 'среди' ~ <i>e:ni</i> 'внутри' <i>kʷi</i> 'в руках'	<i>ka-</i> 'вниз' <i>ha-</i> 'вверх' <i>sa-</i> 'к говорящему' ~ <i>id-</i> 'от говорящего'	<i>a-</i> (индик.) <i>mta-</i> (пронх.)	<i>b-</i> 'M, NPL' <i>j-</i> 'F' <i>w-</i> 'M' <i>d-</i> 'NPL'	

³ Выбор символа — дань дагестановедческой традиции отделять классный показатель символом =. В Лейпцигских правилах этот символ ассоциируется с клитиками, поэтому я его не использую.

В позиции –1 находится показатель согласования с абсолютным актантом по грамматическому классу (у тех глаголов, которые присоединяют такой показатель).

В позиции –2 находится показатель отрицания; эти показатели, как правило, используются только при наличии направительного преверба (см. ниже); показатель *a:*- также используется с ограниченным количеством вспомогательных и модальных глаголов.

В позиции –3 находится один из так называемых направительных превербов, обозначающих направление движения или действия. Следует отметить, что префикс *~id-* сам содержит в своем составе классный показатель, и при его наличии классный показатель на основе не используется, ср. *b-ax-ij* (N-идти.IPFV-INF) → *b-id-ax-ij* (N-тнӀтнер-идти.IPFV-INF) ‘идти’. Кроме того, если за направительным превербом следует отрицательный префикс, то преверб используется в варианте с конечным *d*, ср.: *ha-b-alč-ij* (UP-N-взять.PFV-INF) ‘взять’ → *ha.d-a:-b-alč-ij* (UP-NEG-N-взять.PFV-INF) ‘не взять’.

В позиции –4 находится так называемый пространственный преверб, обозначающий место совершения действия. Такие превербы имеют сложную внутреннюю структуру, аналогичную структуре пространственных наречий и существительных с показателем локализации. Они состоят из одного из показателей пространственной локализации, перечисленных в табл. 1, и показателя пространственной ориентации. Использование основы пространственного преверба без показателя ориентации предполагает лативную ориентацию; эссивная ориентация маркируется суффиксацией показателя согласовательного класса.

Наконец, в позиции –5 находятся неглагольные (смысловые) компоненты составных глаголов; последние в аштытском, как и в других языках данного ареала, составляют большую часть глагольного лексикона.

3. Конструкции с повтором глагола. В аштытском имеется три типа конструкций, в которых удваивается глагол либо глагольный корень: отрицательная и прохибитивная редупликация, а также эмфатический повтор глагола. В этом разделе я опишу правила, по которым происходят все три типа, с уделением особого внимания последнему типу –основному объекту описания в настоящей статье.

3.1. Отрицательная редупликация. Как и во многих других даргинских диалектах, в аштытском языке редупликация глагольного корня может выражать значение отрицания. Хотя грамматикализованная редупликация встречается и в других группах нахско-дагестанской семьи, например, в аварском языке [Алисултанов, 2011], полноценным средством маркирования отрицания она стала, по-видимому, только в даргинском. К сожалению, обобщающих работ, посвящен-

ных глагольной редупликации в даргинском языке, не существует; в диссертации [Ибрагимова, 2004] редупликация как самостоятельное средство выражения отрицания не выделяется, хотя и упоминается удвоение глагола как признак, сопутствующий присоединению отрицательного префикса в некоторых диалектах.

Кубачинская редупликация как отрицательная, так и прохибитивная подробно описана в грамматике А.А. Магометова [Магометов, 1963: 224–236]. Правила этого процесса в аштынском диалекте отличаются незначительно.

В синтетических формах глагола редупликация — единственный способ выражения отрицания кроме упомянутых ранее отрицательных приставок, имеющих ограниченную дистрибуцию. В аналитических формах возможно также использование отрицательного префикса *a-* на вспомогательном глаголе (предикативном показателе)⁴.

Учитывая весьма ограниченную фонологическую структуру глагольного корня, отрицательная редупликация может быть описана следующими правилами.

1. Если корень имеет вид VC, то в отрицательной форме гласная заменяется на *a*⁵ с сохранением исходной долготы:

b-a:q'-ij 'сделать' → *b-a:q'~a:q'-ij* 'не сделать'

b-i:q'-ij 'делать' → *b-i:q'~a:q'-ij* 'не делать'

b-uč'-ij 'пить' → *b-uč'~ač'-ij* 'не пить'.

2. Если корень имеет вид RVC или VRC, то согласный R выпадает, а корневая гласная заменяется на долгую *a:*:

b-ilč'-ij 'прочитать' → *b-ilč'~a:č'-ij* 'не прочитать'

luχ-ij 'резать' → *luχ~a:χ-ij* 'не резать'.

Как уже указывалось ранее, если глагол имеет направительный преверб, редупликации не происходит; вместо нее используется отрицательный префикс *a-*, находящийся между превербом и классным показателем, например: *ka-b-a:q'-ij* 'уложить' → *kad-a-b-a:q'-ij* 'не уложить'.

⁴ В отличие от других даргинских диалектов в кубачинском вспомогательный отрицательный глагол *ak:*^w не существует, за исключением отрицательных форм экзистенциальных глаголов, например *li-b-ak:-u* (быть-N-NEG-PRS.3SG) 'отсутствует'. В таких контекстах элемент *ak:*^w можно рассматривать как отрицательный суффикс, а не самостоятельный клитический элемент.

⁵ По справедливому замечанию анонимного рецензента, процесс, описанный мной ранее как замена корневой гласной на *a*, может быть описан и иначе: как редупликацию глагольного корня с присоединением отрицательного префикса *a-* к редулицированному элементу. Такое описание хорошо соответствует диахроническому происхождению отрицательной редупликации (см. далее), однако с синхронной описательной точки зрения я не вижу принципиальных доводов в пользу одного или другого решения.

Примечательно, что при наличии морфонологически мотивированных изменений корня (палатализации и делабиализации велярных) эти изменения распространяются на оба его вхождения, ср.: *w-ax-u* (M-идти.1PFV-PTCP) ‘идуший’ → *w-ax~ax-u* (M-идти.1PFV~NEG-PTCP) ‘не идуший’ (палатализации нет); *w-aš-ij* (M-идти.1PFV-INF) ‘идти’ → *w-aš~aš-ij* (M-идти.1PFV~NEG-INF) ‘не идуший’. Такие явления достаточно типичны для редупликации и известны в литературе под термином *overapplication* [Wilbur 1973].

3.2. Прохибитивная редупликация. Иной тип редупликации встречается в формах прохибитива и отрицательного оптатива. Она отличается от простой отрицательной редупликации тем, что корневая гласная заменяется не на *a*, а на целый слог *ma*⁶.

1. Если корень имеет вид VC, то в редуплицированной форме он заменяется на *maC* с сохранением долготы гласной:

b-a:q'-ab ‘пусть сделает’ → *b-a:q'~ma:q'-ab* ‘пусть не сделает’

b-uč':-ab ‘пусть пьет’ → *b-uč':~mač':-ab* ‘пусть не пьет’.

2. Если корень имеет вид RVC или VRC, то в редуплицированной форме он заменяется на *ma:C*:

b-ulg-ab ‘пусть остается’ → *b-ulg~ma:g-ab* ‘пусть не остается’.

Как и в случае с простым отрицанием, префикс *mma-* используется вместо редупликации в случае, если у глагола есть направительная приставка: *ka-mma-w:i:k-u-t* ‘не падай’.

3.3. Эмфатический повтор глагола. Обсуждавшиеся ранее типы редупликации являются чисто морфологическими процессами, маркирующими глагольное отрицание. Кроме них, в аштынском существует также продуктивный вид синтаксического повтора, использующийся при эмфатическом выделении глагола⁷:

(2) *murad-li*   *ʔa'č'i*   **b-a:q' = ja**   **b-a:q'-ip:i**
 Мурад-ERG   работа   N-делать.PFV = ADD   N-делать.PFV-PRF [3]
 ‘Мурад работу сделать-то сделал’.

Этот повтор имеет два типа: морфологически мотивированный, когда повторяется глагольная основа либо один из префиксальных элементов целиком, и фонологически мотивированный, когда повторяется цепочка фонем, не представляющая из себя какого-либо морфологического комплекса. Второй по своим свойствам аналогичен классической редупликации, но при этом выходит за рамки границ словоформы.

⁶ Аналогично отрицательной редупликации прохибитивная редупликация также может быть описана в терминах присоединения префикса *ma-* к редуплицированному элементу.

⁷ По-видимому, повторение глагола используется для контрастивной топикализации или фокализации предиката, но данный вопрос пока что недостаточно изучен, и его обсуждение выходит за рамки настоящей статьи.

3.3.1. *Морфологически мотивированный повтор.* В (2) представлен пример эмфатического повтора, когда базовый глагол не имеет преверба или именной части. В этом случае повторяется простая основа глагола с классным префиксом, если таковой имеется.

Похожая ситуация бывает в случае, если глагол имеет пространственный преверб или именную часть. Наиболее простой тип повтора с такими глаголами заключается в повторении преверба и именной части соответственно.

(3) **be:ni-j** = ja   **be:ni-j-b-alc'**-illa
внутри-EL = ADD   {внутри-EL}-N-собрать.PFV-FUT2.1SG⁸
'Собрать-то (я) соберу'.

(4) **han-t-a-j** = ja   **han-t-a-j-b-ug-un** = da
память-PL-IN-EL = ADD   {память-PL-IN-EL}-N-разрушить.PFV-PRF = 1
'Забыть-то (я) забыл'.

В (3) глагол *be:nij-b-alc'*- 'собирать' состоит из основы с классным префиксом *b-alc'*- и сложного преверба *be:ni-j* 'изнутри', состоящего из основы и элативного показателя. При повторе дублируется пространственный преверб, включая элативный показатель.

В (4) сложный глагол *hantaj-b-ug-* состоит из основы *b-ug-* и именной части *hantaj*, которая, в свою очередь, представляет собой регулярную форму инэлатива множественного числа от существительного *han* 'память'. Буквальное значение глагола — 'разрушить (стереть) из памяти'. Именная часть неотделима от глагольной части и поэтому может считаться своего рода префиксальным компонентом глагольной словоформы, аналогичным пространственному превербу.

3.3.2. *Фонологически мотивированный повтор.* Если в примерах (2)– (4) повтору подвергаются элементы, образующие составляющие на морфологическом уровне, то по-другому обстоит дело в случае, когда глагол имеет направительный преверб без пространственного. Тогда редупликации подвергается преверб совместно с префиксальным классным показателем (5) либо первым согласным основы (6).

(5) **ka-b** = ja   **ka-b-iš:i**
DOWN-N = ADD   DOWN-N-положить-IMP [SG]
'Положить-то положи'.

(6) **ha-ʔ** = ja   **ha-ʔ-ip:i**
UP-сказать.PFV = ADD   UP-сказать.PFV-PRF [3]
'Сказать-то сказал'.

⁸ Синтетические формы будущего времени на *-illa* и под. характерны для собственно кубачинского диалекта [Магометов, 1963]; в аштыгском обычно используются формы на *-an* с лично-числовым показателем аналитического типа [Беляев, 2012]. По-видимому, «кубачинские» формы в аштыгском используются с дополнительным модальным значением, однако подробно функции этих форм пока не изучены. Условно я глоссирую их как «второе будущее».

Повтор в (6) в целом принципиально не отличается от (2), если считать *haʔ*- расширенной основой, тем более, что основа *ʔ*- без преверба в аштынском практически не употребляется⁹. Сложнее объяснить (5): исходя из общей структуры аштынской глагольной словоформы, классный префикс образует составляющую с основой, но не с направительным превербом (сочетание «классный показатель + основа» может употребляться самостоятельно, в отличие от сочетания «направительный преверб + классный показатель»; кроме того, основа не может употребляться без классного показателя). Примеры (5)– (6) позволяют предположить, что редупликации могут подвергаться не только морфологические элементы (глагольные основы, префиксы, именные части), но и начальная фонологическая последовательность *CVC*-, вне зависимости от ее внутренней структуры. Эта гипотеза подтверждается: примеры (3) и (4) имеют варианты, в которых редупликации подвергается не преверб или именная часть глагола, а начальная последовательность *CV* (*C*)*C*:

(7) **be:n** = ja   **be:ni-j-b-alc'-illa**
 внутри = ADD   {внутри-EL}-N-собрать.PFV-FUT2.1SG¹⁰
 ‘Собрать-то (я) соберу’.

(8) **han-t** = ja   **han-t-a-j-b-ug-un** = da
 память-PL = ADD   {память-PL-IN-EL}-N-разрушить.PFV-PRF = 1
 ‘Забить-то (я) забыл’.

Если в (7) редулицированной можно считать основу преверба *be:n* (гласный *i* можно рассматривать как эпентезу между основой преверба и элативным суффиксом), то к (8) такой анализ неприменим: сочетание *han-t морфологически невозможно (номинатив плюралиса имеет вид *han-ti*, косвенные падежи образуются от основы *han-t-a*). Данный тип редупликации полностью продуктивен и возможен от любых сложных и превербных глаголов. Приведу несколько других примеров.

(9) **ʔaʔɯ^w** = q'e du   **ʔaʔɯ^wni-l** = da
 ?? = ведь   я   нужен-ADV = 1
 ‘Нужен-то я ведь нужен’.

⁹ Имеющийся в аштынском комплементаризер *ʔep:ri*, используемый при некоторых глаголах (‘бояться’ и др.), по-видимому, восходит к деепричастию **ʔ-ib.li* (сказать-св) ‘сказав’, которое в других диалектах часто используется в качестве цитативной частицы. Однако в аштынском *ʔep:ri* с синхронной точки зрения уже не членим. Других примеров, в которых можно предположить сохранение основы *ʔ*- без преверба, мне неизвестно.

¹⁰ Синтетические формы будущего времени на *-illa* и под. характерны для собственно кубачинского диалекта [Магометов, 1963]; в аштынском обычно используются формы на *-an* с лично-числовым показателем аналитического типа [Беляев, 2012]. По-видимому, «кубачинские» формы в аштынском используются с дополнительным модальным значением, однако подробно функции этих форм пока не изучены. Условно я глоссирую их как «второе будущее».

- (10) **wan** = q'e   be:g^wala-l   **wana**-j-i:q'-an-ni
 ?? = ведь   солнце-ERG   теплый-F-делать.IPFV-FUT [3]
 'Солнце **греть**-то ее ведь будет **греть**'.
- (11) **tam** = q'e   **taman**-b-a:q'-ip:i
 ?? = ведь   конец-N-делать.PFV-PRF [3]
 'Закончить-то ведь закончил'.
- (12) а. **b-ik**: = q'e   ?a**-b-ik**:-ul = da
 N-хотеть.IPFV = ведь   NEG-N-хотеть.IPFV-PRS = 1
 á. ?**ab** = q'e   ?a**-b-ik**:-ul = da
 ?? = ведь   NEG-N-хотеть.IPFV-PRS = 1
 'Хотеть-то ведь не **хочу**'.

В (9) «глагол» по происхождению является предикативным употреблением прилагательного ?a^zni 'нужный' (суффикс адвербиалиса -l (i) в этом контексте в аштынском появляется регулярно). Ни о какой морфологической самостоятельности элемента *?a^zni речи быть не может. Следует также обратить внимание на то, что в (9) между повторенным элементом и полной словоформой стоит местоимение *du*. Это говорит о том, что обе части конструкции с повтором глагола являются автономными синтаксическими единицами.

В (10) элемент *wan* также не имеет собственной морфологической структуры: он является фрагментом прилагательного *wana* 'теплый', входящего в состав сложного глагола.

В (11) *tam* является первым сегментом CVC широко распространенной в дагестанских языках и за их пределами именной основы тюркского происхождения *taman* 'конец'. Очевидно, что внутреннюю структуру *tam-an в рамках аштынского этой основе приписать никак невозможно.

Пример (12) демонстрирует независимость морфологической и фонологической редупликации. В аштынском языке небольшое число модальных и служебных глаголов, в том числе глагол *b-ik*:- 'хотеть', может присоединять отрицательный префикс ?a-. В (12 а) мы видим повтор глагольной основы вопреки наличию отрицательного префикса. В (12 б), напротив, имеем фонологически мотивированный повтор: выделяется морфологически бессмысленное сочетание *?ab, состоящее из отрицательного и классного префикса.

Наконец, приведу пример, показывающий, что фонологический повтор происходит после применения всех морфонологических правил:

- (13) uʒ = ja/*ug = ja   uʒ-ip:i
 [M]остаться.PFV = ADD   [M]остаться.PFV-PRF [3]
 'Остаться-то **остался**'.

Глагол 'оставаться' ав аштынском, как и практически во всех даргинских диалектах, имеет основу совершенного вида *ug*-, ср. форму

оптатива *ug-ab*. Согласная *ž* в форме *už-īp:i* является результатом регулярного процесса палатализации *g* перед гласными переднего ряда. Тем не менее при редупликации в (13) повторяется именно сочетание *už*, а не базовая форма основы *ug-*. Как и в случае с отрицательной редупликацией, наблюдается явление *overapplication*, само по себе достаточно распространенное, но не характерное для элементов, обладающих синтаксической самостоятельностью.

В данном разделе примеры, безусловно, не охватывают всех представленных в аштынском типов сложных и префиксальных глаголов, и предложенное мной обобщение, согласно которому повтор может подвергаться любая начальная последовательность CV (C)C, является лишь предварительным. Наблюдаемых фактов, однако, достаточно для того, чтобы сформулировать те проблемы, которые аштынский эмфатический повтор глагола может потенциально представлять для будущего формального анализа.

4. Обсуждение. 4.1. Проблемы для формального анализа.

4.1.1. Отрицательная редупликация и морфологически мотивированный эмфатический повтор. Оба типа отрицательной редупликации и морфологически мотивированная редупликация не представляют собой сколько-нибудь серьезной аналитической проблемы. Первая представляет собой фактически полное повторение глагольного корня с заменой корневой гласной на *a* или *ta* с незначительными фонологическими изменениями и описывается через небольшое число правил. Поскольку глагольный корень в аштынском в принципе не может состоять более чем из одного слога, частичной редупликации не происходит. Данный процесс проходит в пределах глагольной словоформы и в этом смысле представляет собой достаточно стандартный случай редупликации.

Морфологически мотивированный эмфатический повтор глагола, на первый взгляд, может представлять собой аналитическую проблему, так как при ней синтаксическому повтору подвергается не полная словоформа, а ее части. Однако следует иметь в виду, что как глагольная основа, так и пространственные префиксы в аштынском обладают или недавно обладали некоторой степенью самостоятельности. Так, чистая основа совершенного вида выступает в роли перформативного или фактитивного оптатива [Добрушина, 2009]: *b-a:q* ‘да сделает’. Большинство пространственных превербов синхронно выступают в роли пространственных наречий, ср. преверб *či-* ‘вверх’ и наречие *či-j* (наверху-EL) ‘сверху’. Наличие у пространственных превербов внутренней структуры, аналогичной структуре локативных словоформ, также указывает на то, что если не синхронно, то в недавнем прошлом они представляли собой самостоятельные наречия.

4.1.2. *Фонологически мотивированный эмфатический повтор глагола.* Фонологический повтор глагола сам по себе, без рассмотрения его синтаксического характера, также не представляет серьезных описательных проблем и, в общем, может быть охарактеризована как достаточно стандартный тип редупликации. Как минимум, начиная с работы [Moravcsik, 1978] известно, что частичная редупликация часто бывает привязана к структуре слога, причем повторяется не первый слог слова, а фиксированная последовательность типа CVC. Начиная с работы [Marantz, 1982] редупликацию принято описывать в виде *шаблонов* (templates), которым должна соответствовать редуплицированная последовательность фонем. Согласно теории просодической морфологии [McCarthy, Prince, 1986], эти шаблоны должны соответствовать одной из элементарных просодических единиц (мора, слог, стопа, просодическое слово и т.п.). Аштынская эмфатическая редупликация не противоречит этому обобщению, так как именно CV (C)C — прототипическая структура слога в этом языке (ср. хотя бы форму глагольного корня). С явлением, проиллюстрированным в (13) и известным в литературе под названием *overapplication*, успешно справляются подходы в рамках теории оптимальности, ср., например, [McCarthy, Prince, 1995].

Таким образом, по своей фонологической структуре аштынский фонологический повтор глагола, если считать его разновидностью редупликации, типологически довольно обычен. В связи с этим я не буду предлагать в настоящей статье полный формальный анализ данного явления. Вместо этого сосредоточусь на проблеме, которая, на мой взгляд, пока не имеет адекватного решения: проблеме *уровня применения* этого вида редупликации.

Редупликацию принято описывать как фонологический процесс, проходящий в пределах словоформы или фонетического слова. Так, классический анализ примера (8) в терминах шаблонов выглядел бы приблизительно следующим образом:

(14)

C	V	C	C	+	C	V	C	C	V	C	...
h	a	n	t	a	j	h	a	n	t	a	j

Некоторую проблему в данном случае представляет наличие между двумя частями глагольного комплекса частицы $\Rightarrow ja$, однако, поскольку круг таких частиц, в принципе, фиксирован, это явление можно объяснить либо через инфиксацию (эндоклитизацию) частицы, либо как случай так называемой нелокальной редупликации [Riggle, 2004]: поскольку редуплицированный элемент находится на

левой границе фонетического слова, его позицию можно описать исключительно просодически.

Аналитическую сложность, как кажется, представляют примеры типа (10), где между двумя частями глагольного комплекса вставляется полная именная словоформа *be:g^wala-l* (солнце-ERG). Очевидно, что такую словоформу нельзя рассматривать как эндоклитику. Кроме того, круг элементов, способных вставляться между двумя частями глагольного комплекса, в принципе представляет собой открытый класс; это отличает аштынскую редупликацию от в чем-то схожего явления, известного в литературе под названием *эксплетивная инфиксация* [McCarthy, 1982], как в англ. *abso-bloomin'-lutely* и подобных примерах.

Пока неясно, как корректно анализировать фонологически мотивированный повтор глагола. Если придерживаться взгляда на повтор как на чисто синтаксический процесс¹¹, то приходится считать, что синтаксической самостоятельностью в аштыном обладают не только отдельные морфемы, но и фонологические цепочки, не имеющие никакой собственной морфологической структуры. Помимо чисто технических трудностей, подобная линия рассуждения приведет нас к искусственному описанию, в котором такие фрагменты словоформ, как *ʔa^ʔʔ^w* в (9), окажутся самостоятельными синтаксическими вершинами.

Другой путь — искать просодическую единицу, которой соответствовала бы сфера действия аштынской редупликации. Иначе говоря, редупликация в таких примерах, как (10) остается чисто фонологическим процессом, однако задается этот процесс не на уровне фонетического слова (как обычно бывает при редупликации), а, например, на уровне акцентной или интонационной группы — тогда можно сказать, что усеченный фрагмент привязан к левой границе такой группы. Из этого следует, что такие примеры, как (10) допустимы только при определенных просодических условиях. Данная гипотеза требует эмпирической проверки, однако уже сейчас можно говорить о том, что на «вставку» элементов между двумя частями глагольного комплекса, по-видимому, существуют некоторые ограничения. Так, вставить между двумя частями глагольного комплекса одновременно подлежащее и прямой объект невозможно:

---

¹¹ Вопреки замечанию анонимного рецензента, описанное явление представляет собой проблему не только для лексикалистских подходов. Лексикализм — лишь наиболее сильный вариант гипотезы о противопоставлении морфологии и синтаксиса; отказ от лексикализма допускает некоторую степень самостоятельности морфологических компонентов слова, но никак не предполагает самостоятельность элементов, определяемых фонологически (таких, как начальная цепочка CV (C)C в нашем случае).

(15) а. **j-ič**: = q'e   damm-ij **j-ič**:i:q-i-d   pat'imat
 F-любить.PFV = ведь я-DAT F-любить.PFV-CAUS-TR-1 [SG] Патимат
 б. ***jič**: = q'e dammij pat'imat **jič**:i:qid
 'Любить-то я Патимат ведь люблю'.

Даже если гипотеза о таком просодическом ограничении на редупликацию подтвердится, ее формальный анализ, скорее всего, потребует существенного пересмотра современных представлений об этом явлении. Насколько мне известно, большинство синтаксических теорий плохо совместимы с идеей постсинтаксического заполнения узлов фонологическим материалом на основании просодических ограничений.

4.2. Происхождение конструкций с повтором глагола.

4.2.1. *Происхождение отрицательной редупликации.* Диахронический источник отрицательной редупликации в даргинских языках достаточно прозрачен: это эмфатическая конструкция, описанная в разделе 3.2, в которой полная глагольная словоформа стоит в отрицательной форме. Ср. (16) из агульского языка, где отрицательная редупликация пока еще не грамматикализована в той же степени, что в даргинском.

(16) **на-j~da-на-j**   fas   e   wun   ав.а-je-f?
 знать-CVB~NEG-знать-CVB   почему COP ты (ERG) говорить.PFV-PTCP.PRS-S
 'Точно не зная, зачем говоришь?' [Майсак, Мерданова, 2014: 410]

Замена корневой гласной на *a* является именно следом старого отрицательного префикса *a-*, сохранившегося в аштынском при некоторых глаголах (12) и в отрицательных формах вспомогательного глагола (например, 1 л. утв. =*da*, отриц. =*a-da*). В других даргинских диалектах этот префикс более продуктивен: так, в литературном языке он является основным средством оформления отрицания [Абдуллаев, 1954]; в тантынском диалекте наблюдается свободная вариативность отрицательного префикса и редупликации [Сумбатова, Ландер, 2014: 119]. Сосуществование одиночных и двойных отрицательных форм отмечают [Усларь, 1892: 148] для урахинского диалекта и А.А. Магомедов [Магомедов, 1963: 226–227] для уркарахского, ср. уркарахские формы *ħa-b-arq'-ib-da* (NEG-N-делать.PFV-AOR-1) и *b-arq'-ħa-b-arq'-ib-da* (N-делать.PFV-NEG-N-делать.PFV-AOR-1).

Аналогичное происхождение имеет и прохибитивная редупликация: префикс *ma-* зафиксирован как показатель прохибитива в литературном языке и во всех известных диалектах, но, насколько можно судить по имеющимся материалам, только в кубачинском и аштынском он вызывает редупликацию.

Следует отметить, что описанные в разделе 3.3 свойства эмфатического повтора глагола, возможно, объясняют запрет отрицательной редупликации при наличии направительного преверба. Действи-

тельно, в этом случае повторяется либо глагольная основа, либо начальный сегмент CV(C)C, т.е. сочетание преверба и классного показателя (5). При наличии же отрицательного префикса и исходной словоформе, например, *ʔa-ka-b-iʃ:-ib* отрицательная редупликация имела бы вид **biʃ:-~ʔakabiʃ:ib* (при применении морфологически мотивированного варианта исходной конструкции) или **ʔak~ʔakabiʃ:ib* (при фонологически мотивированном варианте). В обоих случаях существенно нарушается нормальный порядок аффиксов; возможно, именно поэтому в таких контекстах отрицательная редупликация не была грамматикализована.

4.2.2. *Происхождение эмфатического повтора.* Аштынский эмфатический повтор глагола необычен на общедагестанском фоне тем, что он может строиться по правилам просодической структуры, игнорируя морфологическую структуру слова. В других нахско-дагестанских языках повторение глагола в основном имеет прозрачную морфологическую структуру [Майсак, 2012; Майсак, Мерданова, 2014] и в этом смысле может быть сопоставлено с русской конструкцией вида *прийти-то он пришел* [Paillard, Плунгян, 1993; Abels, 2001].

Позволю себе осторожно предположить, что просодический характер эмфатического повтора в аштынском возник в результате реанализа исходного, морфологически мотивированного типа редупликации, представленного в таких примерах, как (2). Этому весьма способствует структура даргинского глагольного корня. Действительно, даргинская глагольная словоформа без преверба всегда начинается с сегмента CVC или CVCC¹². При этом при редупликации в даргинском повторяется лишь глагольная основа без суффиксов — этому способствует наличие форм, состоящих из чистой основы, в глагольной парадигме. Материал, ограниченный в основном примерами типа (2), легко может быть реанализирован в терминах фонологического, а не морфологического правила¹³. Это предположение едва ли доступно эмпирической проверке, однако оно, как кажется, хорошо соответствует тому, что известно о процессах реанализа и грамматикализации. Предположительно, в языках, где редупликации подвергается полная глагольная словоформа, а не чистая основа, подобный реанализ и развитие просодической редупликации невозможны.

¹² Корни типа *ag-* ‘выйти’, не присоединяющие классный показатель, всегда имеют перед собой гортанную смычку, если перед ними нет префиксом, т.е. тоже имеют структуру CVC.

¹³ Анонимный рецензент выразил скептическое отношение к подобным доводам о доступности материала для реанализа при усвоении языка. Однако такого рода рассуждения стандартны для литературы о грамматикализации, в том числе в тех случаях, когда доступ к данным об усвоении языка невозможен.

5. Заключение. В статье описаны три типа повтора глагола в аштынском даргинском: два вида отрицательной редупликации (простая и прохибитивная) и эмфатический повтор глагола. Показано, что в аштынском, в отличие от других нахско-дагестанских языков, для которых описано последнее явление, эмфатический повтор может подчиняться не только морфологическим, но и чисто фонологическим правилам: редупликации подвергается начальный сегмент CV (C)C словоформы, вне зависимости от того, представляет ли собой этот сегмент какую-либо составляющую на морфологическом уровне. В целом по своей структуре аштынская эмфатическая редупликация соответствует тому, что известно о так называемой неполной редупликации в других языках мира. При этом важным отличием аштынского от других описанных случаев является тот факт, что редуплицированный фрагмент не только может располагаться дистантно от основной глагольной словоформы, но отделяется от нее полными именными словоформами. Это явление, как кажется, представляет собой проблему для стандартных представлений о взаимодействии фонологии и синтаксиса. Возможное решение — определение правила редупликации не на уровне фонетического слова, а на уровне просодической группы. Эта гипотеза, однако, требует более эксплицитной формулировки и проверки на более широком эмпирическом материале аштынского диалекта.

Список литературы

1. *Абдуллаев С.Г.* Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология). Махачкала, 1954.
2. *Алисултанов А.С.* Редупликация как грамматическое средство в лезгинских языках. Махачкала, 2011.
3. *Беляев О.И.* Аспектуально-темпоральная система аштынского даргинского // Acta Linguistica Petropolitana — Труды ИЛИ РАН. Т. VIII, ч. 2. 2012. С. 181–227.
4. *Гасанова С.М.* Очерки даргинской диалектологии. Махачкала, 1971.
5. *Добрушина Н.Р.* Семантическая зона опатива в нахско-дагестанских языках // Вопросы языкознания. 2009. № 5. С. 48–75.
6. *Ибрагимова Р.Ш.* Категория отрицания и ее выражение в даргинском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2003.
7. *Коряков Ю.Б., Сумбатова Н.Р.* Даргинские языки // Большая российская энциклопедия. Т. 8. М., 2007. С. 328.
8. *Магомедов А.Дж., Саидов-Аккутта Н.И.* Кубачи: язык и фольклор: Исследование и материалы. Махачкала, 2010.
9. *Магомедов А.А.* Кубачинский язык (исследование и тексты). Тбилиси, 1963.
10. *Майсак Т.А.* Конструкции с топикализацией предиката в дагестанских языках // Контенсивная типология естественных языков: Мате-

- риалы III Международной научно-практической конференции языковедов. Махачкала, 2012. С. 30–39.
11. *Майсак Т.А., Мерданова С.Р.* Конструкции с повтором глагола в агульском языке // *Acta Linguistica Petropolitana — Труды ИЛИ РАН*. Т. X, ч. 3. 2014. С. 394–422.
  12. *Сумбатова Н.Р., Ландер Ю.А.* Даргинский говор селения Танты. М., 2014.
  13. *Усларь П.К.* Этнография Кавказа. Языкознание. V. Хюркилинский язык. Тифлиς: Издание Управления Кавказского Учебного Округа, 1892.
  14. *Abels K.* The predicate cleft construction in Russian // *Formal approaches to Slavic linguistics 9* / Ed. S. Franks, T. King, M. Yadroff. Bloomington, IN, 2001. P. 1–19.
  15. *Korjakov Yu.* Convergence and divergence in the classification of Dargwa languages // *Societas Linguistica Europaea — 46th Annual Meeting. Book of abstracts*. Split, 2013.
  16. *Marantz A.* Re Reduplication // *Linguistic Inquiry*. 1982. № 13 (3). P. 435–482.
  17. *McCarthy J.J.* Prosodic structure and expletive infixation // *Language*. 1982. № 58 (3). P. 574–590.
  18. *McCarthy J.J., Prince A.* Prosodic morphology. Unpublished manuscript. Boston, MA, 1986.
  19. *McCarthy J.J., Prince A.* Faithfulness and reduplicative identity // *University of Massachusetts occasional papers in linguistics*. Vol. 18 / Ed. J. Beckman, L. Walsh Dickey, S. Urbanczyk. Amherst, MA, 1995. P. 249–384.
  20. *Moravcsik E.* Reduplicative constructions // *Universals of human language*. Vol. 3 / Ed. J. Greenberg. Stanford, CA, 1978. P. 297–334.
  21. *Paillard D., Плуменя В.А.* Об одном типе конструкций с повтором глагола в русском языке // *Russian Linguistics*. 1993. № 17. P. 263–277.
  22. *Riggle J.* Nonlocal reduplication. Unpublished manuscript, 2004.
  23. *Wilbur R.* Reduplication and rule ordering // *Proceedings from the Annual Meeting of the Chicago Linguistic Society*. Vol. 9. Chicago, 1973. P. 679–687.

Oleg Belyaev

RE-BLOOMIN'-DUPLICATION: DOUBLE VERBS IN ASHTI DARGWA

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

*Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
1 bld. 1 Bolshoi Kislowsky lane, Moscow, 125009*

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
82 Vernadsky Ave., p. 1, Moscow, 119571*

This paper analyzes three types of verbal reduplication in the Ashti dialect of Kubachi Dargwa (Dargwa > East Caucasian): negative reduplication, prohibitive

reduplication, and so-called emphatic reduplication, the latter being of special concern. It shows that this type of reduplication in Ashti can be based on both morphological and phonological rules; in the latter case, the first CV(C)C sequence of the wordform is reduplicated, regardless its internal morphological structure. Although this type of reduplication is cross-linguistically rather typical, what is unusual is that discourse particles and full word forms can be inserted between the reduplicated fragment and the main verb. This is to suggest that this process is syntactic-level rather than word-level. There are several hypotheses on the nature of this phenomenon and on the diachronic of each type of reduplication in the paper.

Key words: East Caucasian; Dargwa; phonology; morphology; reduplication.

About the author: *Oleg Belyaev* — PhD (in Philology), Senior Teaching Fellow, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Research Fellow, Department of Typology and Areal Linguistics, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Senior Research Fellow, Center for Oriental Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (e-mail: belyaev@ossetic-studies.org).

References

1. Abdullaev S.G. *Grammatika darginskogo jazyka (fonetika i morfologija)*. [A grammar of Dargwa: Phonetics and morphology] Makhachkala, Dagestanskij filial AN SSSR, 1954. (In Russ.)
2. Alisultanov A.S. *Reduplikacija kak grammatičeskoe sredstvo v lezginiskix jazykax*. Makhachkala, 2011.
3. Belyaev O.I. Aspektual'no-temporal'naja sistema aštynskogo darginskogo. [Tense and aspect in Ashti Dargwa] *Acta Linguistica Petropolitana*, 2012, 8 (2), pp. 181–227. (In Russ.)
4. Gasanova S.M. *Očerki darginskoj dialektologii*. [Sketches of Dargwa dialectology] Makhachkala, Dagestanskij filial AN SSSR, 1971. (In Russ.)
5. Dobrushina N.R. Semantičeskaja zona optativa v naxsko-dagestanskix jazykax. [The semantic area of optative in East Caucasian languages] *Voprosy jazykoznanija*, 2009, 5, pp. 48–75. (In Russ.)
6. Ibragimova R.Š. *Kategorija otricanija i eë vyraženie v darginskom jazyke*. [The category of negation and its expression in Dargwa] Kandidat dissertation. Makhachkala, 2003.
7. Koryakov Yu.B., Sumbatova N.R. Darginskie jazyki. [Dargwa languages] *Boľšaja rossijskaja ènciklopedija* [Great Russian encyclopaedia], vol. 8. Moscow, Boľšaja rossijskaja ènciklopedija, 2007, 328 p. (In Russ.)
8. Magomedov A.Dzh., Saidov-Akkutta N.I. *Kubachi: jazyk i fol'klor: Issledovanie i materialy*. Makhachkala, Nauka, 2010
9. Magometov A.A. *Kubačinskij jazyk (issledovanie i teksty)*. [Kubachi language (study and texts)] Tbilisi: Mecniereba, 1963. (In Russ.)
10. Maisak T.A. Konstrukcii s topikalizaciej predikata v dagestanskix jazykax [Predicate topic constructions in Daghestanian languages]. *Kontensivnaja ti-*

- pologija estestvennyx jazykov. Materialy III meždunarodnoj naučno-praktičeskoj konferencii jazykovedov.* Makhachkala: DGU, 2012, pp. 30–39. (In Russ.)
11. Maisak T.A., Merdanova S.R. Konstrukcii s povtorom glagola v agul'skom jazyke. [Verb repetition in Aghul] *Acta Linguistica Petropolitana*, 2014, 10 (3), pp. 394–422. (In Russ.)
  12. Uslar P.K. Etnografiya Kavkaza. YAzykoznanie. V. Hyurkilinskij yazyk". Tiflis": *Izdanie Upravleniya Kavkazskago Uchebnago Okruga*, 1892.
  13. Sumbatova N.R., Lander Yu.A. *Darginskij govor selenija Tanty*. [The Dargwa dialect of Tanty] Moscow, Languages of Slavic Culture, 2014.
  14. Abels K. The predicate cleft construction in Russian. *Formal approaches to Slavic linguistics* 9, ed.S. Franks, T. King, M. Yadroff. Bloomington, IN, 2001, pp. 1–19.
  15. Korjakov Yu. Convergence and divergence in the classification of Dargwa languages. *Societas Linguistica Europaea — 46th Annual Meeting. Book of abstracts*. Split, 2013.
  16. Marantz A. Re Reduplication. *Linguistic Inquiry*, 1982, 13 (3), pp. 435–482.
  17. McCarthy J.J. Prosodic structure and expletive infixation. *Language*, 1982, 58 (3), pp. 574–590.
  18. McCarthy J.J., Prince A. *Prosodic morphology*. Unpublished manuscript. Boston, MA, 1986.
  19. McCarthy J.J., Prince A. Faithfulness and reduplicative identity. *University of Massachusetts occasional papers in linguistics*, vol. 18, ed. J. Beckman, L. Walsh Dickey, S. Urbanczyk. Amherst, MA, Graduate Linguistics Students Association, 1995, pp. 249–384.
  20. Moravcsik E. Reduplicative constructions. *Universals of human language*, vol. 3, ed. J. Greenberg. Stanford, CA: Stanford University Press, 1978, pp. 297–334.
  21. Paillard D., Plungian V.A. Ob odnom tipe konstrukcij s povtorom glagola v rus'skom jazyke. *Russian Linguistics*, 1993, 17, pp. 263–277.
  22. Riggle J. *Nonlocal reduplication*. Unpublished manuscript, 2004.
  23. Wilbur R. Reduplication and rule ordering. *Proceedings from the Annual Meeting of the Chicago Linguistic Society*, vol. 9. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1973, pp. 679–687.

Е.Б. Степанова, Ю. Чжан

СЕМАНТИКА ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ СО СЛОВОМ КУДА

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье рассматриваются вопросительные предложения с наречием *куда*, выполняющие различные коммуникативные функции. Цель статьи — проанализировать семантический потенциал данных предложений, т.е. определить, что может быть предметной областью вопросов с *куда*. Вопросительные предложения с *куда* обычно употребляются, когда речь идет о направлении перемещения субъекта/объекта и *куда* заполняет валентность конечного пункта перемещения. Однако, как показывает языковой материал, данные вопросительные предложения могут использоваться и тогда, когда предметом интереса говорящего становится не только направление перемещения, но и местонахождение субъекта/объекта, цель субъекта или причина его отсутствия в поле зрения говорящего. Для реализации того или иного значения *куда* оказывается важным лексический состав вопросительного предложения, особенности которого подробно анализируются в статье. *Куда* может также функционально сближаться с частицей, в результате чего мы имеем дело с фразеологизированными конструкциями с определенной семантикой (например, *Куда он денется! Куда это годится! Куда ему! Куда там!* и под.). Разные значения *куда* могут реализоваться, когда вопросительные предложения с этим словом выполняют как первичные, так и вторичные коммуникативные функции, в том числе в риторических вопросах, которые могут использоваться для обоснования мнения говорящего, выражения отказа выполнить некоторое действие или оценки поведения адресата как неуместного.

Ключевые слова: вопросительное предложение; вопросительное местоименное наречие; предметная область вопроса; первичные/вторичные коммуникативные функции вопросительных предложений.

Вопросительные предложения (далее — ВП) с местоименными словами неоднократно привлекали внимание лингвистов, см., например, работы [Барулин, 1980; Крейдлин, Рахилина, 1984; Сам-

---

Степанова Екатерина Борисовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: estepa@inbox.ru).

Чжан Юэ — стажер кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: zhangyuelarisa@yandex.ru).

сонова, 1989; Рахилина, 1990; Мостовая, 2010]. Исследователей интересовали, с одной стороны, коммуникативные функции, выполняемые данными ВП, а с другой — семантическая специфика конкретных вопросительных слов.

В данной статье анализируется ВП с местоименным наречием *куда*. В словарях отмечается, что вопросительное *куда* может иметь разные значения. Так, например, МАС выделяет два значения вопросительного *куда*: (1) В какое место; (2) Зачем? Для чего? К чему? [МАС, т. 2: 145]. Однако семантический потенциал ВП с *куда* гораздо шире. Цель данной статьи — выявить значения, которые может выражать ВП с *куда*, и описать условия, в которых эти значения реализуются.

ВП с *куда* будут рассматриваться в разных коммуникативных функциях — как в первичной, когда они служат для выражения вопроса, так и во вторичных, когда они реализуют другие речевые акты, например, выражают обоснование мнения говорящего (далее — Г), поддержку мнения адресата (далее — А), указывают на неуместность или нецелесообразность речевого или неречевого поведения А, передают отказ, возражение, запрет и т.д. (о вторичных функциях ВП см., например, [Кобозева, 1988; Падучева, 2010; Мостовая, 2010; Дастамуз, 2013]).

Пространственные значения ВП с *куда*. ВП с *куда* в первую очередь употребляются, когда речь идет о перемещении субъекта/объекта (о таких предложениях см. [Рахилина, 1990]) и *куда* реализует валентность конечного пункта. Например:

(1) *Но позвольте вас спросить, куда вы направитесь отсюда? — Конечно, в милицию, — ответил Иван уже не так твердо и немного теряясь под взглядом профессора* (М. Булгаков)¹.

(2) *Необходимо быстрее охладить бутылку с лимонадом. Куда для этого следует поместить бутылку: в снег или в измельченный лед, если температура их одинакова?* (В. Лукашик, Е. Иванова).

В приведенных примерах ВП выражают локативные вопросы. В (1) предметной областью вопроса является множество мест, которые могут служить конечным пунктом перемещения субъекта, а в (2) — множество мест, которые могут служить конечным пунктом перемещения объекта.

Конечный пункт перемещения может стать предметом интереса Г и тогда, когда ВП употребляется во вторичной функции, например:

(3) — *Тебе нужно уезжать, — сказал друг. — Куда я поеду? У меня тут родители, — отмахнулся Миша* (М. Трауб).

---

¹ Все использованные в статье примеры взяты из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru).

Риторический вопрос *Куда я поеду?* означает, что места, которое могло бы служить конечным пунктом перемещения Г, не существует, поэтому Г отказывается выполнить действие, к которому его косвенно побуждает А.

В приведенных примерах речь идет о процессе перемещения Х и о направлении этого перемещения. Однако ВП с *куда* может делать акцент на результате данного перемещения, т.е. нынешнем местонахождении Х.

Ситуация местонахождения, а не перемещения, регулярно вводится предложениями с *куда* в двух случаях. Во-первых, такие предложения содержат предикаты, обозначающие каузацию местонахождения или перемещения объекта, например глаголы *послать, деть, положить, спрятать, засунуть* и под. Значение местонахождения в данных предложениях возникает за счет импликатуры: Х переместили/переместят в Z, значит, он сейчас там находится/будет там находиться.

Например:

(4) — *Жить-то тебя куда определили?* — *Да у меня, — засмутился Илья Ропня, — сестра крёстного прописана здесь...* (А. Азольский).

(5) — *Друг мой! [...] А, друг мой! Скажите, где моя дочь? Куда вы ее дели?* — *Она в хорошем месте, Елена Федоровна, не беспокойтесь!* (А. Солженицын).

(6) — *Где у нас ножницы? Я искал в ящике, их там нет. Куда ты положила мои шорты? Я потерял один синий носок. А пельмени надо кидать в горячую воду или в холодную?* (М. Трауб).

(7) *Ты не видела мой зонт? Черт, куда я его засунул? А, вот он* (А. Маринина).

В (4) предметом интереса Г является место жительства объекта, в (5) — (7) — его местонахождение, и ВП с *куда* оказываются синонимичными ВП с *где*: *Где живет Х? Где находится Х?*

Во-вторых, для представления ситуации местонахождения регулярно используются ВП, описывающие ситуацию, когда субъект обнаруживает себя в некотором неожиданном месте, например:

(8) *Я сошел на следующей остановке. Вокруг простирался незнакомый мир. Он назывался Плющица. Куда я попал? И я заплакал. Ах как страшно было потеряться!* (Б. Окуджава).

ВП такого типа обычно выражают рефлексивный или эмоционально-констатирующий вопрос и употребляются, когда Г не может идентифицировать место, в котором он оказался, и испытывает по этому поводу соответствующие чувства.

Объектные значения ВП с *куда*. ВП с *куда* — как в первичной, так и во вторичной функции — могут употребляться и тогда, когда предметом интереса Г является не конечная точка перемещения или

местонахождение субъекта/объекта, а объект или адресат действия. При этом конкретный вид объектного значения определяется типом предиката.

В частности, значение объекта актуализируется в предложениях с предикатом зрительного восприятия *смотреть*:

(9) *Ольга спросила: — Куда вы смотрите? Он хмуро буркнул: — На смуглую льдинку (Л. Зорин).*

(10) — *Смотри, — сказал священник. Крестьянин вздрогнул и оглянулся. — Куда ты смотришь? Ты на дороге, говорю, смотри (Н. Лесков).*

В (9) Г спрашивает о том, какой объект интересует А, а в (10) Г выражает свои чувства по поводу того, что объект интереса А выбран неправильно.

Отметим, что ВП с *куда* и глаголом *смотреть* могут использоваться в другом значении:

(11) — *В вашем металлоломе попадают детали межконтинентальных баллистических ракет! Это секретнейшие изделия! Безобразия! Куда вы смотрите? (В. Баевский).*

По мнению Г, в центре внимания X должна находиться ситуация Y, описываемая в предтексте (в данном случае — наличие деталей межконтинентальных баллистических ракет в металлоломе), однако X ведет себя неадекватно, не обращая внимания на Y. Это значение реализуется только во вторичной функции — при выражении эмоционально-констатирующего вопроса.

Значение адресата появляется в предложениях с предикатами апелляции, например:

(12) [Анна, pick] *У меня распалась на части книга в мягком переплете. Куда мне обратиться, чтобы книгу вернули в нормальное состояние? (коллективный. Форум: Реставрация книг. Переплетное дело (2006)).*

(13) — *Вы тетя Зина? — Куда вы звоните? — Тете Зине. Это вы? (Г. Щербакова).*

В обоих случаях *куда* подразумевает «(к) кому», т.е. предметом интереса Г является адресат. При этом (13) означает, что, по мнению Г, адресат выбран неправильно.

ВП с глаголом *звонить* могут сигнализировать о том, что в сознании Г актуализирован способ, с помощью которого субъект устанавливает контакт с адресатом:

(14) *На следующий день часов около двенадцати дня мне стало понятно, что вторая половина дня у меня свободна, и я сам позвонил Дроздецкому и сказал, что можно ехать. — Куда вы ему звонили? Домой или на службу? (А. Маринина).*

(15) — **Куда** они его [повели]? — спросила Ирина. — Работать, — хмуро ответила Снежана (В. Токарева).

(16) С тех пор котенок иногда встречался с ней [белкой] и даже разговаривал. Правда, белка всегда сидела высоко на дереве. На всякий случай. — **Куда** собрался? — спросила белка, помахивая хвостом. — Погулять, — ответил котёнок. — Согреться, еды поискать (Е. Каретникова).

Целевое значение ВП с **куда**

Е.В. Рахилина обратила внимание на то, что на вопрос с *где* можно ответить, указав причину отсутствия субъекта [Рахилина 1990]. Аналогичным образом на вопрос о конечном пункте перемещения субъекта/объекта можно ответить, сообщив о цели его перемещения:

Г устраивает такой ответ: информация о конечном пункте перемещения выражается в данном случае метонимически — повели туда, где работают (15), собрался туда, где гуляют и ищут еду (16).

Однако ВП с *куда* могут употребляться и тогда, когда предметом интереса Г становится именно цель действия субъекта, т.е. ВП с *куда* оказывается синонимичным ВП с *зачем* (о синонимии *куда* и *зачем* см. [МАС, т. 2: 145; Муравенко, 1998: 76; Мостовая, 2010: 45–46]).

Как показывают примеры, целевую интерпретацию, во-первых, регулярно получают ВП с предикатами, обозначающими способ перемещения, см. глаголы *торопиться*, *спешить* и т.д., вторую валентность которых могут замещать словоформы со значением конечного пункта движения (*торопиться/спешить в университет*). Такие ВП употребляются только во вторичной функции:

(17) *Пятов говорил сбивчиво, глотая слова, будто боялся, что я вот-вот уйду, так что я даже рассмеялся: — Да куда вы торопитесь, Аркадий Петрович? Сейчас снова за чаем пошлем* (М. Шишкин).

(18) *Паша вернулся не скоро — а куда ему торопиться?* (В. Попов).

В обоих случаях Г показывает, что разумной цели, ради которой имело бы смысл торопиться, не существует, а значит, поведение А бессмысленно и нецелесообразно (см. (17)) или сомнения в уместности поведения Х были бы необоснованны (см. (18)).

Интересно, что в первичной функции такие ВП обычно свидетельствуют о том, что предметом интереса Г является причина поведения Х, см.:

(19) *Алишер поднялся, собираясь уходить. — Куда вы торопитесь? Вас ждет семья?* (Е. Чижов).

В данном случае Г пытается объяснить поведение Алишера и предлагает вариант объяснения (*Вас ждет семья?*).

Во-вторых, *куда* означает «зачем» в ВП, в которых говорится о превышении нормы в количестве объектов, размере, объеме и т.д.,

см. *Куда столько? Куда такой большой? Куда так много?* и под. Например:

(20) — *Девчонки, мы берем «Балтики» четыре кейса и две водки. А вам красного или белого? — Дима, куда вам столько пива?* (А. Иванов).

(21) *Депутат Думы в ответ на требование избирателей увеличить зарплату: — Дорогие мои избиратели! Куда вам столько денег? Вы и так их уже носите в корзинах, а продукты в кошельках!!!* (Коллекция анекдотов: Верховный совет и Дума (1989—2000)).

(22) *Девочки прыгали во дворе на большой надувной кровати, которую Томка купила для сестры Муродали. — Ну, куда ей такая огромная? — ворчал в магазине Степан. — Пригодится. У них там обычно детей знаешь сколько!* (А. Геласимов).

Во всех трех примерах поведение А (намерение купить четыре кейса пива, требование увеличить зарплату, покупка большой кровати) оценивается Г как не соответствующее его представлениям о количественной норме и поэтому как нецелесообразное.

Интересно, что в данных контекстах *куда* может отличаться от *зачем*. ВП с *куда* обычно употребляются тогда, когда речь идет о намерении А совершить некоторое действие, и указание на нецелесообразность данного действия может означать попытку Г повлиять на поведение А (отговорить его). *Зачем*, в отличие от *куда*, может быть направлено и на намерение А совершить действие, и на уже свершившийся факт. Например, ВП *Куда тебе такой большой стол?* уместно использовать в ситуации выбора стола, а ВП *Зачем тебе такой большой стол?* — и в ситуации выбора стола, и в ситуации, когда речь идет о столе, стоящем в комнате А. Именно поэтому в (23) *зачем* нельзя заменить на *куда*:

(23) *А у Наташи, которая в колодец свалилась, не только папа был, но и две бабушки и два дедушки. Так вот, считалось, что это вроде как ненормально. Зачем одной девочке столько родных? И все ей одной!* (М. Трауб).

Причинное значение ВП с *куда*. В определенных контекстах *куда*-вопросы могут пониматься как вопросы о причине отсутствия X: *Почему X нет?* [Рахилина, 1986: 27]. Причина какой-либо ситуации становится предметом интереса Г тогда, когда данная ситуация не соответствует его ожиданиям или его представлениям о нормальном ходе вещей. О таком несоответствии обычно сигнализируют предикаты, обозначающие неожиданное исчезновение X из поля зрения Г, — глаголы *деться/деваться, исчезнуть, пропасть*:

(24) *Так мы сидели и в этот вечер, ни о чем не подозревая. Но вот проходит один, второй, третий танец, а наших всё нет. — Куда они делись? — говорю я, заглядывая в глаза сестре. — А я знаю? — отвечает она и, пожав плечами, смотрит на меня своими сонными под нежными веками глазами* (Ф. Искандер).

(25) Звонила Соня. *Что случилось? Куда пропал? Он объяснил как есть: зарабатывал деньги* (Ю. Трифонов).

Такую же интерпретацию могут получать вопросы со словом *где*. Как пишет Е.В. Рахилина, «причинное понимание вопросов со словом *где* возможно... в том случае, когда говорящий обнаруживает несоответствие между имевшейся у него презумпцией о том, что объект А должен находиться в поле его зрения, и реальным положением вещей» [Рахилина, 1990: 128]. То же самое можно сказать о вопросах со словом *куда*: в (24) и (25) Г не видит Х, который, по его представлениям, должен находиться в поле его зрения, и он интересуется причиной отсутствия Х, которая ему непонятна.

Если первую валентность предиката исчезновения замещает не предметное, а событийное существительное, ВП с *куда* обозначает ситуацию, которая неожиданно для Г перестала иметь место, например:

(26) *Доброта была в нем безграничная, святая. Куда она потом делась? По мере того как Валюн вырастал, доброта сменялась в нем эгоизмом, эгоизм — жестокостью* (И. Грекова).

(27) *Убежденность в том, что пока он и следует своей стезе, ему ничего не угрожает, занимала все место в его сознании. Куда подевался неизбежный, казалось, страх туннелей? Куда пропали усталость и неверие?* (Д. Глуховский).

В обоих случаях Г констатирует неожиданное для него изменение в развитии событий. При этом он может либо думать о причинах такого изменения (26), либо просто выражать свои чувства по поводу того, что ожидаемая ситуация не имеет места (27).

Фразеологизированные ВП со словом *куда*. 1. Конструкции с глаголами *деться/деваться*.

Рассмотрим конструкции трех типов: *Куда (X-у) деться/деваться?/Куда X денется?* (28); *Куда (X-у) деться/деваться от ...?/Куда X денется от...?* (29); *Куда (X-у) деться/деваться с/без...?/Куда X денется с/без...?* (30):

(28) — *Как вы думаете, придет?* — Конечно, — сказал я, — **куда** он денется... (Ф. Искандер).

(29) *Теперь, из нынешних дней, добавлю, что на это нельзя было оглядываться, лучше б обойтись. Но жизнь напоминала ей об этом снова и снова. Куда денешься от воспоминаний? И она всё оглядывалась, подобно библейской жене Лота, перед тем как та превратилась в соляной столп* (А. Рекемчук).

(30) *Пораженный Давыдов, еще ничего не знавший о том, что Лушка уже несколько дней тому назад навсегда распростилась с Гремячим Логом и родными и памятливыми ей местами, убежденно сказал: — Не может этого быть! Куда она денется без документов? Наверняка*

у тетки живет, выжидает, когда улягутся разговоры о Тимофее (М. Шолохов).

Конструкция *Куда (X-у) деться/деваться?/Куда X денется?* означает, что, по мнению Г, X не хотел бы участвовать в некоторой актуальной ситуации (в частности, в (28) X предпочел бы не приходиться), но уклониться от участия в этой ситуации для него невозможно, поэтому все сомнения в том, будет ли он вовлечен в описываемую ситуацию, необоснованны.

В конструкции *Куда (X-у) деться/деваться от ...?/Куда X денется от...?* существительное в форме род. пад. также представляет ситуацию, в которой, как считает Г, X не хотел бы участвовать (например, в (29) X не хотел бы вспоминать прошлое), но это для него невозможно, поэтому данная ситуация не может не иметь места.

Конструкция *Куда (X-у) деться/деваться с/без...?/Куда X денется с/без...?* предполагает, что, по мнению Г, X хотел бы, чтобы некоторая актуальная ситуация развивалась определенным образом, благоприятно для него (например, в (30) Лушка хотела бы уехать подальше от Гремячего Лога), но имеется условие (описываемое существительным с предлогом *с/без*), которое делает такое развитие событий невозможным, и Г подчеркивает свою уверенность в невозможности желаемого субъектом развития событий.

2. Конструкция *Куда (это) годится?*

Данная конструкция употребляется тогда, когда некоторая актуальная ситуация, оказавшаяся в поле зрения Г, не соответствует его представлениям о норме, в частности, о норме поведения человека в определенных условиях, и поэтому оценивается им как крайне неуместная:

(31) *Построже бы с вашей Ритой... Ваша Рита дерется с мальчиками, куда это годится!* (Д. Рубина).

Если первой валентности глагола *годиться* соответствует не прономинализация (*это*), а предметное существительное, данная конструкция означает, что некоторый объект не удовлетворяем предъявляемым к нему требованиям, см.:

(32) *Вообще на свете много лишнего. Дикобраз, например. Ну куда он годится? Камин им чистить, что ли?* (Саша Черный).

Обосновывая утверждение, что на свете много лишнего, Г приводит в качестве примера дикобраза, который, с его точки зрения, не приносит никакой пользы человеку.

3. Конструкции *Куда X-у + инфинитив; Куда X-у!; Куда X-у до Y!*

В заключение рассмотрим конструкции, которые находятся на периферии ВП. Некоторые исследователи считают, что в них употребляется не вопросительное местоименное наречие, а частица *куда*, см., например, [МАС, т. 2: 145; Шимчук, Щур, 1999: 80–81]. В «Сло-

варе структурных слов русского языка» как частица рассматривается где в аналогичном употреблении [Словарь структурных слов, 1997: 87]. Это конструкции *Куда X-у + инфинитив* и ее редуцированный вариант *Куда X-у!*; *Куда X-у до Y!* Например:

(33) *Володя не скрывал, как сильно нравилась ему Клавдия. Его отношение к ней выражалось примерно так: любовь моя безнадежна, куда мне, повару, тягаться с членом Военного совета...* (В. Гроссман).

(34) — *Не хочешь ко мне под начало пойти?* — *хохотнул успокоившийся генерал. — Куда мне! Я человек не военный, я все больше по торговой части* (П. Галицкий).

(35) [Петров Иван, pick] *Во брешет и даже не краснеет!!! Куда до него Хлестакову.* (коллективный. Форум: Что нам ветер, да это ответит... Обсуждение (2012)).

По мнению Л.А. Мостовой, конструкция *Куда X-у + инфинитив* синонимична соответствующей конструкции с *зачем* [Мостовая, 2010: 45]. С нашей точки зрения, данные конструкции не синонимичны. Сравним для примера предложения *Куда ему поступать в университет?! и Зачем ему поступать в университет?! Предложение с куда* означает, что со стороны X имеются препятствия, мешающие ему поступать в университет, из-за чего сама ситуация оценивается как невозможная. Напротив, предложение с *зачем* имплицитно, что такие препятствия отсутствуют, т.е. описываемое действие в принципе возможно, но нецелесообразно. Ср. также (33) ... *куда мне, повару, тягаться с членом Военного совета...* и (33') ... *зачем мне, повару, тягаться с членом Военного совета...*

Итак, конструкции *Куда X-у + инфинитив* и *Куда X-у!* имплицитно, что описываемая ситуация невозможна, так как со стороны X имеются препятствия, мешающие ее реализации. Такие конструкции, как и все риторические вопросы, могут служить для обоснования мнения Г, см. (33), для выражения отказа выполнить некоторое действие, см. (34) и др.

Отметим, что в контекстах типа (33) и (34) употребляется также синонимичное *куда* слово *где*:

(36) *Ну, теперь ты, конечно, приятелей узнавать не будешь! Где уж нам с Шекспирами водить дружбу!* (М. Булгаков).

Конструкция *Куда X-у до Y!* означает, что, по мнению Г, Y по своим качествам настолько превосходит X, что их нельзя сравнивать. Так, в (35) объект речи (Y) так умеет врать, что с ним нельзя сравнить даже Хлестакова (X).

4. Конструкция *Куда там!*

Отметим также коммуникативный фразеологизм *Куда там!* Он употребляется, когда, по мнению Г, некоторая ситуация, рассматривавшаяся как реальная или ожидаемая, не имеет места в действительности. Например:

(37) *И ведь сколько раз экологические службы предупреждали Уваровский завод — вывезите немедленно вашу помойку. Куда там! Дымит заводик* (Истребление чистоты (2003) // «Криминальная хроника», 2003.07.24).

(38) — *Очень вы изменились. Похорошели... Махнула рукой: — Куда там! Уже старая. Тридцать два стукнуло* (И. Грекова).

В (37) должна иметь место ситуация «завод вывез помойку», но Г утверждает, что этого не произошло. В (38) Г указывает на несоответствие действительности утверждения А (*Вы похорошели*).

Итак, предметная область вопросов с *куда* может быть различной. Г может интересоваться не только направлением перемещения субъекта/объекта, но и его местонахождение, его цель или причина его отсутствия, причем разным значениям *куда* соответствует разный лексический состав ВП. В риторических вопросах ВП с *куда* могут приобретать особые значения. Все это отражается на коммуникативных функциях ВП с *куда*.

Список литературы

1. Барулин А.Н. Некоторые проблемы семантического анализа вопросительных местоимений (на материале русского языка) // Теория и типология местоимений. М., 1980. С. 27–50.
2. Дастамуз С. Русские вопросительные инфинитивные предложения в коммуникативно-прагматическом аспекте: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2013. 153 с.
3. Кобозева И.М. О первичных и вторичных функциях вопросительных предложений // Текст в речевой деятельности: Перевод и лингвистический анализ. М., 1988. С. 39–45.
4. Крейдлин Г.Е., Рахилина Е.В. Семантический анализ вопросно-ответных структур со словом «какой» // Известия АН СССР, СЛЯ. Т. 43. 1984. № 5. С. 457–470.
5. Мостовая Л.А. Семантические особенности и иллокутивные функции конструкций с вопросительными словами *зачем* и *почему*: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010. 174 с.
6. Муравенко Е.В. О случаях нетривиального соответствия семантических и синтаксических валентностей // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998. С. 71–81.
7. Падучева Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. М., 2010. 296 с.
8. Рахилина Е.В. К описанию вопросно-ответного отношения // НТИ. Сер. 2. № 2, 1986. С. 24–28.
9. Рахилина Е.В. Семантика или синтаксис? (к анализу частных вопросов в русском языке). Munchen: Sagner, 1990. 206 с.
10. Самсонова Н.Н. Структура и функции вопросительных предложений (типа русских вопросов со словом *как*): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1989. 168 с.

11. Словарь русского языка (МАС): В 4 т./АН СССР, Ин-т русского языка; под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1986. Т. 2. 736 с.
12. Словарь структурных слов русского языка / В.В. Морковкин, Н.М. Луцкая. Г.Ф. Богачева и др. М., 1997. 420 с.
13. Шимчук Э., Шур М. Словарь русских частиц / Под ред. В. Гладрова. Берлин, 1999. 147 с.

Ekaterina Stepanova, Yue Zhang

SEMANTICS OF INTERROGATIVE SENTENCES WITH *KUDA*

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Interrogative sentences with the adverb *kuda* can be used for different communicative functions. Exploring the semantic potential of such sentences, this study aims to identify the object area of questions with *kuda*. Interrogative sentences with *kuda* are used to point out directions of a certain subject/object, when *kuda* fills the valency of verbs, meaning end of movement. However, research shows that such interrogative sentences are frequently used in cases where the focus of interest is, aside from movement direction, the placement of a certain subject/object, the purpose of a speaker, as well as the cause of absence of some subject/object from the speaker's field of view. This study specifies realization of each of these meanings and discusses lexical items in these sentences. It is claimed that *kuda* sometimes undergoes desemantization and consequently, obtains characteristics of particles. This is a common phenomenon in phraseological sentence patterns such as *Kuda on denetsya!* (*He has no alternative*), *Kuda ehto goditsya!* (*It won't do*), *Kuda emu!* (*He's too immature to do it*), *Kuda tam!* (*Fat chance*), and so on. This study argues that *kuda* can realize different meanings in sentences, fulfilling both primary and secondary communicative functions. Moreover, desemantization of *kuda* occurs particularly in rhetorical questions, used to convey justification of the speaker, refusal to perform a certain act or deeming an addressee's action as inappropriate.

Key words: interrogative sentence; interrogative adverb; object area of a question; primary/secondary communicative functions of interrogative sentences.

About the authors: *Ekaterina Stepanova* — PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Language, Lomonosov Moscow State University (e-mail: estepa@inbox.ru); *Zhang Yue* — Intern, Department of Russian Language, Lomonosov Moscow State University (e-mail: zhangyuelarisa@yandex.ru).

References

1. Barulin A.N. Nekotorye problemy semanticheskogo voprositel'nykh mestoimenij (na materiale russkogo yazyka). Teoriya i tipologiya mestoimenij. М., 1980, pp. 27–50.

2. Dastamuz S. *Russkie voprositel'nye infinitivnye predlozheniya v kommunikativno-pragmaticheskom aspekte*: Diss. ... kand. filol. nauk. M., 2013, 153 p.
3. Kobozeva I.M. O pervichnykh i vtorichnykh funktsiyakh voprositel'nykh predlozhenij [On primary and secondary functions of interrogative sentences]. *Tekst v rechevoj deyatel'nosti*: Perevod i lingvisticheskij analiz. Moscow, 1988, pp. 39–45.
4. Krejdlin G.E., Rakhilina E.V. Semanticheskij analiz voprosno-otvetnykh struktur so slovom “kakoj” [Semantical analysis of question-answer structure with word *kakoj*]. *Izvestiya AN SSSR, SLYA*. T. 43. 1984. № 5, pp. 457–470.
5. Mostovaya L.A. *Semanticheskie osobennosti i illokutivnye funktsii konstruktivnykh voprositel'nykh slovami zachem i pochemu*: Diss. ... kand. filol. nauk. [Semantic specialities and illocutionary functions of constructor with interrogative *zachem* and *pochemu*]. Moscow, 2010, 174 p.
6. Muravenko E.V. O sluchayakh netrivial'nogo sootvetstviya semanticheskikh i sintaksicheskikh valentnostej. [Cases of nontrivial accordances in semantic and syntactic valency]. *Semiotika i informatika*. № 36. Moscow, 1998, pp. 71–81.
7. Paducheva E.V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s dejstvitel'nost'yu: Referentsial'nye aspekty semantiki mestoimenij* [Utterance and its accordance with reality]. Moscow, 2010. 296 p.
8. Rakhilina E.V. K opisaniyu voprosno-otvetnogo otnosheniya [On description of relationship between question and answer pair]. *NTI*. Ser. 2. 1986, № 2, pp. 24–28.
9. Rakhilina E.V. *Semantika ili sintaksis? (k analizu chastnykh voprosov v russkom yazyke)* [Semantics or syntax? Analysis of questions in Russian language]. Munchen: *Publ. Sagner*, 1990. 206 p.
10. Samsonova N.N. *Struktura i funktsii voprositel'nykh predlozhenij (tipa russkikh voprosov so slovom kak)*: Diss. ... kand. filol. nauk. [Structure and functions of interrogative sentences (on Russian questions with *kak*)]. Moscow, 1989, 168 p.
11. Slovar' russkogo yazyka (MAS) [Dictionary of Russian language]: v 4-kh t. AN SSSR, In-t russkogo yazyka; pod red. A.P. Evgen'evoj. Moscow, 1986. T. 2, 736 p.
12. Slovar' strukturnykh slov russkogo yazyka [Dictionary of structural words in Russian]. V.V. Morkovkin, N.M. Lutsкая. G.F. Bogacheva i dr. Moscow, *Publ. Lazur'*, 1997. 420 p.
13. Shimchuk Eh., Shhur M. *Slovar' russkikh chastits*. [Dictionary of Russian Particles] Pod red. V. Gladrova. Berlin, 1999. 147 p.

Ма Яньхун

ТИПЫ МОТИВАЦИИ СЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В СРАВНЕНИИ С КИТАЙСКИМ ЯЗЫКОМ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье рассматривается трактовка термина «мотивация» в российском и китайском языкознании, анализируются словообразовательная и другие типы мотивации слов в сопоставляемых языках с предварительной классификацией и систематизацией этих типов, исследуются сходства и различия между принципами мотивации. В целом типы мотивации слов в русском и китайском языках совпадают, несмотря на различие языковой структуры этих языков; расхождения касаются иерархии типов, а также специфически китайской графической мотивации, обусловленной иероглифическим письмом. В русском языке словообразовательная мотивация — это основной тип мотивации слов, в китайском языке к основным типам мотивации можно отнести семантическую и графическую. Соответственно, наибольшее внимание в статье уделяется словообразовательной мотивации как центральному понятию русского словообразования, в котором основным предметом изучения являются производные слова, мотивированные значением и формой других слов. Целью проводимого сопоставления является характеристика особенностей словообразовательной мотивации в русском языке на китайском фоне. Делается вывод о том, что словообразовательная мотивация в современной русистике — это понятие исключительно синхронного словообразования. В китайском языке не проводится разграничения между диахронической и синхронической мотивацией.

Ключевые слова: мотивация; синхронное словообразование; производное слово; русский язык; китайский язык.

1. Понятие мотивации слов в российской и китайской лингвистике.

1.1. Типы мотивации. Проблема обусловленности, т.е. мотивированности языкового знака, — это традиционный вопрос в лингвистике. В российской лингвистике мотивация изучается прежде всего в словообразовании, но не ограничивается только этой сферой. Китайские лингвисты в силу специфики структуры и графики китайского языка изначально трактуют это понятие широко. Лу Гуоцян считает, что «под мотивированностью слова подразумевается “обоснование”»

Ма Яньхун — аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: 18817332367@163.com).

того, почему определенной вещи или явлению присваивается то или иное наименование, мотивированность показывает отношения между семантикой слова и признаками вещи или явления, которые оно характеризует» [Лу Гуоцян, 1980: 17].

В целом мы можем констатировать, что типы мотивации, изучаемые в русистике, славистике и китайском языкознании в целом сходны и соответствуют типам, которые выделил М. Докулил. Речь идет о 1) звуковой, или подражательной; 2) словообразовательной; 3) семантической мотивации [Докулил, 1962: 103]. Сюй Юйлун выделяет в китайском языке еще один тип мотивации, а именно графическую мотивацию, которая определяется особенностями иероглифов [Сюй Юйлун, 2001: 137].

Основное внимание в данной статье уделено словообразовательной мотивации в русском и китайском языках. Но предварительно мы должны рассмотреть и сопоставить все выделенные четыре типа мотивации.

1.2. Звуковая мотивация. По мнению М. Докулила, звуковая мотивация проявляется в ассоциативной связи между звуковой формой слова и его семантикой [Докулил, 1962: 103]. Слова, относящиеся к такому типу мотивации, называют «звукоподражательными». Они представляют звучания, сопровождающие действия, воспроизводимые человеком, животными или предметами. Сравним примеры данного типа мотивированности, приводимые в таблице, в русском и китайском языках.

Таблица

Русские звукоподражания	Китайские звукоподражания	Значения
ква, квак	呱呱 — guagua/гуагуа	звуки, которые издает лягушка (<i>квакать</i>)
му	哞 — mou/моу	звуки, которые издает корова (<i>мычать</i>)
мяу	喵 — miao/мяо	звуки, которые издает кошка (<i>мяукать</i>)
тик-так	滴答 — dida/дида	звуки, которые издают часы (<i>тикать</i>)
шелестеть	沙沙 — shasha/шаша	‘издавать легкий шум’ (<i>страницы книги, листья деревьев шелестят</i>)
шуршать	沙沙 — shasha/шаша	‘издавать легкий шум’ (<i>шуршат камыши, сухие листья</i>)

Несмотря на то что китайский и русский языки принадлежат к разным языковым системам, нетрудно заметить, что некоторые звукоподражательные русские слова очень похожи на китайские по

произношению. Отметим, что в русском и китайском языках непосредственные звукоподражания мотивируют глаголы, их называющие, такие как *квакать*, *мяукать*, *мычать*, *тикать* (они приведены в правой колонке). В китайском языке это тоже регулярная модель: к звукоподражаниям добавляется формант 叫 — *jiào* со значением ‘кричать’. Это уже словообразовательная мотивация, о которой речь пойдет во втором разделе. Но в некоторых случаях в сопоставляемых языках наблюдается асимметрия между звукоподражаниями и образованными на их основе глаголами. Так, в русском языке есть звукоподражание *тик-так*, имитирующее звучание часов, и на его основе образуется глагол *тикать*, а в китайском языке есть звукоподражание, а соответствующего глагола нет. В русском языке имеются глаголы, имитирующие звук, исходящий от предмета, животного или человека, типа *шуршать*, *шелестеть* (ср. *Шелестели страницы; За печкой шуршала мышка*), но отсутствуют соответствующие звукоподражания. В китайском языке эти звуки не различаются и передаются одним звукоподражанием (沙沙 — *shasha*) и одним глаголом (沙沙响 — *shashaxiang*).

1.3. *Семантическая мотивация.* М. Докулил считал, что семантическая мотивация наблюдается «в словах с переносными (метафорическими или метонимическими) значениями, связанными с прямыми значениями» [Докулил, 1962: 103]. В русском языке, как и в китайском, многозначные слова широко распространены, поэтому в обоих языках довольно много слов, в определенном значении мотивированных семантически. Семантическая мотивация связана с развитием многозначности слова. Например, китайское слово 桥 — *qiao* имеет основное значение ‘сооружение для перехода, переезда через реку, овраг, железнодорожный путь’. Второе значение данного слова ‘человек или предмет, как посредник, связующее звено’ вступает в отношения семантической мотивации со своим основным значением при помощи расширения и переноса значения слова. Стоит обратить внимание на то, что в русском и китайском языках многие слова, выражающие одинаковые понятия, вступают в аналогичные отношения семантической мотивации. Например, русское слово *чернить* и китайское 抹黑 — *mohei* (‘чернить’) обозначают одно и то же действие, и у обоих глаголов имеется переносное значение: ‘клеветать, наговаривать на кого-нибудь’, т.е. как бы окрашивать все, о чем идет речь, в черный цвет. Аналогично в результате семантической деривации от основного значения глагола *переварить* ‘переработать в процессе пищеварения’ в обоих языках развивается переносное значение ‘усвоить, воспринять’, причем русский глагол, в отличие от китайского, характеризуется разговорностью. Но, конечно, между русским и китайским языками больше различий в семантической

мотивации многозначных слов, которые в рамках данной статьи, ввиду ограниченности ее объема, мы не можем рассмотреть.

1.4. Графическая мотивация. Графическая мотивация, как мы уже указывали, имеется лишь в китайском языке — это отношение между изображением или начертанием иероглифа (графического символа) и его значением [Вэй Чжичэн, 2003: 63]. В иероглифическом письме большое значение придается начертанию и идеограммам. Вэй Чжичэн считает, что иероглиф в истории китайского языка был связан с образом, имитацией внешних черт и признаков обозначаемого предмета или явления [там же]. Это отчасти справедливо и для современного китайского языка, но значительно большее значение имеют теперь идеограммы, т.е. понятия или комбинации понятий, представленные в символической форме. Например, иероглиф 男 — *nan* ('мужчина') образован путем слияния двух иероглифических ключей: 田 — *tian* ('поле') (наверху) и 力 — *li* ('сила') (внизу), получается: *мужчина* = ' (сильный) мужчина, который возделывает землю, работает в поле'. Иероглиф 好 — *hao* ('хорошо') состоит из левой графемы 女 — *nu* ('женщина') и правой графемы 子 — *zi* ('сын'). Получается такая мотивация: *хорошо* = 'когда у женщины есть ребенок, сын'. Иероглиф 林 — *lin* ('лес') состоит из двух графем 木 — *mu* ('дерево'), в то время как иероглиф 森 — *sen*, составленный уже из трех 'деревьев', изображает 'чащу'.

2. Словообразовательная мотивация в российской и китайской лингвистике. Словообразовательная мотивация выделяется и в русской, и в китайской лингвистике, но для русского языка этот тип мотивации имеет большее значение, чем для китайского языка. Она определяется как отношение между двумя однокоренными словами, значение одного из которых либо а) определяется через значение другого, например, *дом* — *домик* (маленький дом), *победить* — *победитель* ('тот, кто победил'), либо б) тождественно значению другого во всех своих компонентах, кроме грамматического значения части речи (*обсуждать* — *обсуждение*) [РГ, 1980: 131]. Словообразовательная мотивация обычно рассматривается в связи с производностью. Г.О. Винокур использовал данные термины как синонимичные. В статье «Заметки по русскому словообразованию» (1946) Г.О. Винокур различал немотивированные и мотивированные слова, используя термин «мотивированность» по отношению к значению производного слова. Соответственно он противопоставлял «слова, по структуре своей составляющие вполне условные обозначения соответствующих предметов действительности, и слова, составляющие в известном смысле не вполне условные, мотивированные обозначения предметов действительности» [Винокур, 1946: 421].

Термины «производность» и «мотивированность» в современной российской лингвистике, вслед за Г.О. Винокуром, используются обычно исключительно по отношению к синхронному словообразованию. Но И.С. Улуханов считает, что термины «производность» и «мотивированность» надо последовательно различать, поскольку синхронные словообразовательные отношения не всегда тождественны реальной истории образования слова [Улуханов, 2015: 23]. Большинство ученых тем не менее считают, что словообразование как раздел науки о современном русском языке изучает только синхронические, т.е. существующие в языке нашей дней, а не диахронические (исторические) формально-семантические связи между словами. Реальная же история словообразования слов — это предмет исторического языкознания, этимологии [Клобуков, 2009: 346]. В китайской лингвистике нет такого противопоставления синхронического и диахронического словообразования, поэтому многие случаи графической мотивации рассматривается как вид словообразовательной мотивации, хотя по сути дела она представляет историю формирования иероглифов для обозначения определенных понятий. Можно сказать, что и в других случаях в китайской лингвистике не разграничиваются история формирования слова и его мотивационные отношения с другими словами в современном языке. Большое внимание при этом уделяется также соотношению формы иероглифа и признаков вещи или явления, которые он обозначает. По мнению Цао Вэй, «мотивированность слова — это основание для формирования семантики слова, мотивированность исследует этимологию слова через происхождение самих вещей и явлений» [Цао Вэй, 2001: 54].

Исходя из вышесказанного, мы можем сделать вывод о том, что в теории русского словообразования последовательно различается синхроническое словообразование и этимология, а в китайской лингвистике такое строгое разграничение не проводится. Таким образом, мотивированность в российской лингвистике — это синхроническое понятие, а в китайской лингвистике — и синхроническое, и диахроническое.

Хотя словообразовательная мотивация не является основным способом словообразования в китайском языке, но, тем не менее, она демонстрирует в современном китайском языке активность. Известный китайский лингвист Ван Хунци считает, что по словообразовательной структуре все китайские слова делятся на три типа: 1) одноморфемные слова; 2) сложные слова; 3) производные слова [Ван Хунци, 1995: 267].

1. Одноморфемные слова, то есть простые слова, состоящие из одной морфемы (корня) (например, 水 — *shui* ('вода'); 头 — *tou* ('го-

лова’); 书 — *shu* (‘книга’); 鸟 — *niao* (‘птица’) и т.д.). В количественном отношении в китайском языке больше одноморфемных слов, чем в русском. Согласно исследованию, проведенному Пекинским институтом иностранных языков совместно с Китайской академией общественных наук, простые (одноморфемные) слова занимают примерно 20% от всех слов [Ван Хунци, 1995: 270].

2. Сложные слова, состоящие из двух свободных морфем. Например, 开 — *kai* (‘открыть’) + 关 — *guan* (‘закрыть’) = 开关 — *kaiguan* (‘выключатель’); 买 — *mai* (‘покупать’) + 卖 — *mai* (‘продавать’) = 买卖 — *maimai* (‘торговля’); 辞 — *ci* (‘уволить’) + 职 — *zhi* (‘должность’) = 辞职 — *cizhi* (‘увольняться’); 改 — *gai* (‘изменить’) + 良 — *liang* (‘хорошо’) = 改良 — *gailiang* (‘улучшать’) и др. Процент сложных слов в китайском языке составляет более 70% всех слов, и это самая объемная группа [Ван Хунци, 1995: 276].

3. Производные слова, определение которых в китайском и русском языках существенно различается. В китайской лингвистике производное слово понимается уже, чем в русской: производными не считаются сложные слова, к производным относят только такие слова, которые образованы прибавлением к одноморфемному слову аффиксальной морфемы. А в российской лингвистике принято считать, что производное слово — это любое слово, образованное от какого-либо другого слова или двух (трех) слов [Моисеев, 1980: 208]. Приведем примеры китайских слов, которые рассматриваются как производные: 作 — *zuo* (‘писать, творить’) + 家 — *jia* (суффикс лица) = 作家 — *zuojia* (‘писатель’); 画 — *hua* (‘рисовать’) + 家 — *jia* (суффикс лица) = 画家 — *huajia* (‘художник’). Но процент подобных слов в китайском языке относительно мал (не более 10%). В русском же языке аффиксальными способами словообразования образована большая часть производных слов.

В русском языке, по подсчетам китайских лингвистов, на первом месте по количеству стоят аффиксальные производные слова, за ними идут сложные слова, третья и самая малочисленная группа — это простые одноморфемные слова [Ван Хунци, 1995: 6]. В китайском языке по количеству лидируют сложные слова, на втором месте располагаются простые слова, а производных относительно мало, поэтому они на последнем месте [Ван Хунци, 1995: 236]. В этом выражается специфика словарного состава сопоставляемых языков.

Как мы уже упоминали, производные слова в китайском языке образуются прибавлением к одноморфемному слову аффиксальной морфемы. Поэтому при сравнении производных слов в китайском и русском языках, важно сопоставить количество аффиксов обоих языков. Согласно Словарю морфем [Кузнецова, Евремова, 1986: 16],

в русском языке более 500 суффиксов и 70 префиксов. Словарь словообразовательных аффиксов [Лопатин, Улуханов, 2016] включает 445 словообразовательных суффиксов и 98 префиксов [Улуханов, 2019]. В китайском языке всего лишь 30 суффиксов и 10 префиксов [Чжэн Цифу, 2007: 6]. Хотя количество китайских и русских аффиксов несопоставимо, но есть и общая черта: в обоих языках суффиксов больше, чем префиксов. Приведем некоторые примеры китайских суффиксов и их русских соответствий. В китайском языке есть такие суффиксы со значением лица: 子 — *zi*, 生 — *sheng*, 师 — *shi*, 迷 — *mi*, 士 — *shi*, 官 — *guan*, 匠 — *jiang*, 工 — *gong*, 族 — *zu*, 翁 — *weng*, 者 — *zhe*, 家 — *jia*. Они соответствуют русским суффиксам: *-тель*; *-ник*; *-чик* (*-щик*); *-ец*; *-ист*; *-ун* и др.

Главное различие между суффиксами русского и китайского языков состоит в том, что в русском языке один и тот же суффикс, например, суффикс *-тель*, может использоваться в номинации как лиц (*учитель*, *преподаватель*), так и предметов, механизмов (*выключатель*, *распылитель* и др.). В китайском языке суффиксы вообще не используются для создания номинации предметов. Кроме того, в русском языке имеются суффиксы со значением женского пола: *-к* (*а*), *-ниц* (*учительница*, *студентка*), в китайском языке таких суффиксов нет. Значение женскости выражается лексически: прибавлением морфемы-иероглифа со значением 'женщина'.

Таким образом, в русском языке многие суффиксы существительных имеют обобщенную семантику предмета, субстанции — как собственно предмета (т.е. вещи), так и лица. В китайском языке суффиксы имеют более конкретную семантику. При этом многие русские производные имена, образованные суффиксальным способом (типа *чайник*, *сахарница*), соответствуют в китайском языке одноморфемным или сложным словам (без аффиксальных морфем). Кроме того, имеются и другие существенные различия между русским и китайским языками в составе аффиксальных морфем, которые мы не имеем возможности здесь подробно рассмотреть. Например, в китайском языке нет глагольных префиксов со значением направления движения, эти пространственные значения выражаются при помощи наречий.

3. Выводы. Итак, можно сделать следующие выводы.

1. Основные типы мотивации в русском и китайском языках совпадают, несмотря на различие языковой структуры этих языков. В обоих языках есть звуковая, семантическая и словообразовательная мотивации. Основным различием является то, что для китайского языка характерна также графическая мотивация, которой нет в русском языке.

2. В русском языке словообразовательная мотивация — это основной тип мотивации, в китайском языке к основным типам мотивации можно отнести семантическую и графическую мотивации.

3. Словообразовательная мотивация в современной русистике — это понятие исключительно синхронного словообразования. В китайском языке не проводится разграничения между диахронической и синхронической мотивацией.

4. В русском языке на первом месте по количеству стоят аффиксальные производные слова, за ними идут сложные слова, третья и самая малочисленная группа — это простые одноморфемные слова. А в китайском языке по количеству лидируют сложные слова, на втором месте располагаются простые слова, а производные слова, образованные аффиксами, находятся соответственно на последнем месте.

5. В обоих языках суффиксов больше, чем префиксов. Для русского языка характерна обобщенная семантика аффиксов, а китайскому языку при образовании и сложных, и аффиксальных производных свойственна образная и конкретная мотивация.

Список литературы

1. *Винокур Г.О.* Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку. М., 1946.
2. *Клобуков Е.В.* Словообразование // Современный русский литературный язык. Учебник / Под ред. П.А. Леканта. М., 2009.
3. *Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф.* Словарь морфем русского языка. М., 1986.
4. *Лопатин В.В., Улуханов И.С.* Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М., 2016.
5. *Моисеев А.И.* Основные вопросы словообразования в современном русском языке: Учебное пособие. Л., 1980.
6. *Русская грамматика* / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980.
7. *Улуханов И.С.* Мотивация в словообразовательной системе русского языка. М., 2015.
8. *Улуханов И.С.* О «Словаре словообразовательных аффиксов современного русского языка» (комментарии и дополнительные сведения). М., 2019.
9. *Цао Вэй.* Семантика современного китайского языка. Цзинань, 2001.
10. *Докулил М.* Словообразование слов в чешском языке. Прага, 1962.
11. *Лу Гоцянь.* Лексикология современного английского языка. Шанхай, 1980.
12. *Ван Хунци.* Общее введение в языкознание. Пекин, 1995.
13. *Вэй Чжичэн.* Сравнительная теория лингвистики. Шанхай, 2003.
14. *Сюй Юлун.* Введение в контрастную лингвистику. Шанхай, 2001.
15. *Чжэн Цифу.* Словарь современного китайского слова формирующих аффиксов. Ханчжоу, 2007.

MOTIVATION TYPES IN RUSSIAN AND CHINESE

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article discusses interpretations of the term ‘motivation’ in Russian and Chinese linguistics, analyzes motivation types in the compared languages, examines the similarities and differences between motivation principles. By and large, motivation types in Russian and Chinese are the same. Besides the structural differences in the languages, different is the hierarchy of motivation types. In Russian, word-formation motivation is the main type, in Chinese, these are semantic and graphic motivations. Hence, the focus on word-formation. Word-formation motivation is the central concept of synchronous word-formation, in which the main subjects of study are derived words motivated by the meaning and form of another word. The purpose of the comparison is to characterize features of word-formation motivation in Russian against the background of Chinese. It is claimed that word-formation motivation in modern Russian studies is the concept of exclusively synchronous word-formation. In Chinese, there is no distinction between diachronic and synchronous motivation.

Key words: motivation; synchronous word formation; derived word; Russian; Chinese.

About the author: *Ma Yanhong* — PhD Student, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: 18817332367@163.com).

References

1. Vinokur G.O. Zametki po russkomu slovoobrazovaniyu [Notes on Russian Word Formation]. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku*. Moscow, 1946, 421 p. (In Russ.)
2. Klobukov E.V. Slovoobrazovanie [Word formation]. *Sovremennyy russkij literaturnyj yazyk*. Uchebnik. Pod red. P.A. Lekanta. Moscow, 2009, 346 p. (In Russ.)
3. Kuznecova A.I., Efremova T.F. *Slovar morfem russkogo yazyka* [Dictionary morphemes of the Russian language]. Moscow, 1986, 16 p. (In Russ.)
4. Lopatin V.V., Uluhanov I.S. *Slovar' slovoobrazovatel'nyh affiksov sovremenogo russkogo jazyka* [Dictionary of word-formational affixes of the modern Russian language]. Moscow, 2016. (In Russ.)
5. Moiseev A.I. *Osnovnye voprosy slovoobrazovaniya v sovremennom russkom yazyke* [The main issues of word formation in the modern Russian language]. Leningrad, *Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta*, 1980, 16 p. (In Russ.)
6. *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Pod red. N. Yu. Shvedovoj. Moscow, 1980, 131 p. (In Russ.)

7. Ulukhanov I.S. *Motivaciya v slovoobrazovatel'noj sisteme russkogo yazyka* [Motivation in the Russian language derivational system]. Moscow, Knizhnyj dom, 2015, 23 p. (In Russ.)
8. Uluhanov I.S. *O "Slovare slovoobrazovatel'nyh affiksov sovremennogo russkogo jazyka" (kommentarii i dopolnitel'nye svedeniya)* [about the "Dictionary of derivational affixes of the modern Russian language" (comments and additional information)]. Moscow, 2019, 1 p. (In Russ.)
9. Cao Wei. The semantics of modern Chinese. Jinan, 2001, 54 p. (In Chinese)
10. Dokulil M. Tvoření slov v češtině. [Word formation in Czech]. Praha, 1962, 103 p. (In Czech)
11. Lu Guoqiang. The vocabulary of modern English. Shanghai, 1980, 17 p. (In Chinese)
12. Wang hongqi. General Introduction to linguistics. Beijing, 1995, pp. 236–270. (In Chinese)
13. Wei Zhicheng. Comparative theory of linguistic. Shanghai, 2003, 63 p. (In Chinese)
14. Xu Yulong. Introduction to Contrastive Linguistics. Shanghai, 2001, 137 p. (In Chinese)
15. Zheng Qifu. A Dictionary of Modern Chinese Word Formative Affixes. Hangzhou, 2007, 6 p. (In Chinese)

Н.А. Редько

СЕМАНТИКА ДОБРА В НАРОДНОЙ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЕ (на материале говоров архангельского региона)

*Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье на материале семантики слов *добрый* и *добро* рассматривается содержание понятия «добро» в народной речевой культуре. Анализ диалектного материала показал, что народные представления о добре связаны не столько с абстрактной моралью, сколько с материальными благами. Слова с корнем *добр-* сохраняют как архаические пласты семантики, соотносящиеся с этимологическим значением слова *добрый*, так и значения, сформировавшиеся позднее под влиянием христианской доктрины. Совокупность словозначений с корнем *добр-* может быть представлена как морфо-семантическое поле «ДОБРО», ядерным значением которого является оценочное значение «все хорошее», а ближнюю периферию составляет группа значений, связанных общим семантическим признаком «ценность» (здоровье, богатство и т.д.). На дальней периферии оказываются значения «доброта», «отзывчивость» и др., характеризующие душевные качества человека и морально-нравственную оценку его окружающими. В ироничных контекстах рассматриваемые слова, называя «нечто, противоположное добру», выходят за пределы данного поля.

Ключевые слова: народная речевая культура; говоры архангельского региона; морфосемантическое поле «добро».

Противостояние добра и зла — вечная тема, издревле занимавшая умы ученых и философов. Н.О. Лосский писал, что «русский человек обладает особенно чутким различием добра и зла» [Лосский, 1991: 98]. Н.Д. Арутюнова и Т.И. Вендина включают ДОБРО (вместе с ИСТИНОЙ и КРАСОТОЙ) в «вечную триаду ценностей русской культуры» [ЛАЯ, 2004: 5, 143]. *Добро* стало объектом исследования таких российских лингвистов, как В.В. Колесов, Л.В. Максимов, Н.В. Сафонова¹ и др.

Редько Наталья Александровна — аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: nataliairedko@rambler.ru).

¹ См.: Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Добро и зло. СПб., 2001; Максимов Л.В. О дефинициях добра: логико-методологический анализ // Логический анализ языка. Языки этики. М., 2000. С. 17–31; Сафонова Н.В. Ментальная и языковая репрезентация концепта «благо/добро» в русском языковом сознании: Дисс. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2004.

В толковых словарях современного русского языка семантика данного слова охватывает и абстрактное, идеальное *добро* (*желать добра, помнить добро*), и конкретное, материальное (*украденное добро, этого добра у нас хватает*) [МАС, I: 409 и др.]. Однако носитель литературного языка считает добро скорее категорией морали, нежели совокупностью ценных/неценных предметов (конкретные значения слова *добро* стилистически маркированы и приводятся в словарях с пометой «разг. »). По данным «Русского ассоциативного словаря», реакции на стимул «добро», имеющие отношение к представлениям о нравственности (*зло* 14, *делать* 10, *мама* 4, *хорошо* 3, *добрый человек* 1, *дурно* 1 и др.), заметно преобладают над реакциями, связанными с материальным *добром* (*нажитое* 1, *хранить* 1, *выпивка* 1 и др.) [РАС: URL].

Языковой материал дает нам основание полагать, что так было не всегда. По меткому замечанию Н.Д. Арутюновой, «*добрый молодец* скорее красив и силен, чем добр» [ЛАЯ, 2004: 5]. Не связанное с моралью значение прилагательного *добрый*, от которого позднее будет образовано существительное *добро*, поддерживается этимологией: праславянское слово ***добрь** восходит к индоевропейской корню ***dhabh-** ‘подходить, быть удобным’, родственно лат. *faber* ‘ремесленник’ и арм. *darbin* ‘кузнец’, т.е. изначально означало ‘годный, доброкачественный’ [ЭССЯ, 5: 45–46 и др.]. Еще в словаре В.И. Даля на первом месте конкретное значение слова *добро*: «Добро — вещественно все доброе, имущество или достаток... В духовном значении — благо, что честно и полезно...» [Даль, I: 443].

С течением времени духовная составляющая семантики *добра* выходит на передний план. Этот семантический сдвиг можно объяснить влиянием христианской доктрины, в которой противопоставление добра и зла тесно коррелирует с такими ключевыми оппозициями, как «рай — ад, Бог — дьявол, свет — тьма» [Палеха, 2007: URL]. Вдохристианскую эпоху природные языческие божества и противопоставленные им низшие духи также наделялись амбивалентными функциями, но их деятельность связывалась с чем-то материальным — увеличением богатства или нанесением урона человеку: «о.-слав. *Бог* как первоначальное обозначение существа, наделяющего долей, богатством, при пол. *богинка* ‘злой дух, вредящий роженице и младенцу’» [СДЭС, II: 99].

Проанализировав значения этических концептов с XI в. до наших дней, В.И. Жданова приходит к выводу, что вещная семантика *добра* уступает место чисто этической только к XX в. [Жданова, 2004].

В говорах архангельского региона общерусское слово² *дброй* зафиксировано в нескольких значениях, самое распространенное из

---

² Об особенностях функционирования общерусских слов в системе диалекта см. [Нефедова, 2013].

которых — ‘обладающий положительными качествами, свойствами; хороший’. Это значение охватывает множество денотативных сфер, связанных с натурфактами (природными объектами и явлениями), артефактами и человеком³.

Добрыми в исследуемых говорах именуется растения и грибы, обладающие качествами спелости и зрелости, готовые к сбору (*ягоды добрые, не рыхлые*⁴; *белянка матёрая, добра*; *лук вырастет доброй*). *Добрые* животные — отличающиеся важными и нужными для человека свойствами (*добрая рыба* — ‘крупная, мясистая’; *добра корова* — ‘дойная, дающая много молока’). Кроме растительного и животного мира *добрым* называется все, что хорошо, полезно для сельского жителя в окружающей среде: погодные явления (*доброй день* — ‘солнечный’, *доброй дождь* — ‘кратковременный, несильный’), обрабатываемые участки земли (*пóжни добры* — ‘богатые разнотравьем’, *добрые поля* — ‘плодородные’). Эта диалектная семантика является наследием древнерусского языка: в древнерусских текстах *добрые земли* — ‘лучшие по качеству’; *дорогою доброю* — ‘прочной, надежной’; *добрымь вѣтромь* — ‘благоприятным’ и др. [Сл. РЯ XI–XVII вв., 4: 270–271].

В человеке как *добрые* высоко оцениваются его физические (*добры волосы, доброе лицо*), духовные (*добрая дѣвка, покладистая*) и даже профессиональные качества (*добрый повар стóит дóктора*).

Добрыми могут быть крепкие, качественные постройки (*добра мельница, хорóмы добры*); добротная, нарядная (*самый доброй наряд одевáла на свáдьбу*) или целая, не рваная одежда (*чулкі добры*); качественные, полезные в быту предметы (*доброй карандаш, доброй óхлупень*); обладающие хорошими вкусовыми качествами продукты питания (*добро молоко, добра колбаса*).

Добрыми также называются абстрактные явления, положительно оцениваемые носителями диалекта: *пѣсня добра* ‘красивая, мелодичная’, *добрая смерть* ‘легкая, безболезненная’, *дѣньги добры* ‘достойные, соответствующие усилиям, затраченным на их получение’. В сознании говорящего *доброе* всегда приносит человеку что-то хорошее: *Овод крупный — к доброму году, хлеб рóдится. Траву рváли с шестóго на седьмóе, и приговóр был: я, раба Бóжьа, от Адáма, а ты, трава, от Ивáна, так будь, трава, на всячину добра*.

Другое значение прилагательного *дбброй* в говорах архангельского региона — ‘полный, упитанный, крепкий’: *Катерина-та добрее: выше рóстом да сложѣнием полúше. Корóва большúща, да добра, да выменúста. А у нас лóшадь-то большá и добра — самóй поры*. Слово в

³ Материалом для исследования послужили данные бумажной и электронной картотек «Архангельского областного словаря», а также его одиннадцатого выпуска [АОС, 11: 187–206].

⁴ Здесь и далее примеры из картотеки АОС даются в орфографической записи с показом места ударения.

этом значении обычно употребляется при описании женщин, а также некоторых домашних животных, как правило, репродуктивного пола и возраста. Внешние признаки полноты и силы, таким образом, являются показателями здоровья как самой особи женского пола, так и ее будущего потомства. В говорах у слова *дóброй* на основе данного развивается значение ‘здоровый’, не связанное с полнотой и молодостью: *А там, в волості, ба́бка дóбра ещѐ? Молóдку свѐржіли, а самá живѐт, кукушка она́ стáра.*

Оценка в коллективе может даваться не только по внешним признакам. Еще одно значение *дóброго* — ‘уважаемый, авторитетный’, реализуемое в сочетании *дóбрые люди*: *Как люди дóбры живѐт, так нам не живáть. Ты не включáй покá (диктофон), а то нагорожѐ, бѹдут хохотáть люди дóбры.*

Значения, связанные с моралью, являются в говорах периферийными. *Дóброй* — ‘отзывчивый, не злой’: *Ак вот он уж как мáму меня́ держáл, ші́бно для меня́ уж дóброй был. Мѹж-то путѐвой? С рукáми, с ногáми да с дóбрым сѐрдцем нáдо; ‘основанный на расположении к людям, желании добра’: Валенті́н-то вам ничѐ дóброго не скáжет. Дóбро слóво не поймѐт, так худóго тóжко не поймѐт (о воспитании).*

В народной речи слово *дóброй* может приобретать и противоположный смысл при ироническом обозначении высокой степени проявления каких-н. отрицательных качеств: *Он пьяница, дóброй пьяница, а такóй ворі́на, дак ой, никакі́ замкі́ егó не дѐржат. У телевизору́ просидя́т, дóбры лентя́йки.*

Прилагательное *дóброй* в исследуемых говорах является вершиной разветвленного словообразовательного гнезда. Наибольшим деривационным потенциалом в данном гнезде обладает производное существительное *дóбрó*. Остановимся на рассмотрении его семантики. Диалектный материал подтверждает, что народные представления о добре тесно связаны не столько с абстрактной моралью, сколько с материальными благами.

Огромным корпусом контекстов представлено в говорах архаичное значение — ‘имущество, вещи, материальные ценности’: *А что дóбрá бѹло, все склáды заклáдены. Сундуки́ бѹли. Там всѐ дóбрó храни́ли: одѐжду, украшѐния, дѐньги. Дóбрóм считается все, что может быть полезно человеку: Глѹкосе, вы мне скóлько наклáли дóбрá! Тѐлка-та жирнá, мнóго у ней дóбрá-то бѹло. Зачастую под дóбрóм подразумеваются природные объекты, дары природы, которые необходимо беречь: *Так не погибáть-то дóбрѹ, мóжет кто и спрóсит, чѐ ли приспі́чит (о сене). Ой, дóбрá бѹло вѹброшено бóльно мнóго (о лесе).**

Дóбрóм в изучаемых говорах называют продукты, необходимые для приготовления сдобной выпечки: масло, сметану, яйца. *Мáло дóбрá, навѐрно, полóжила в шáньги, дóбрó — это мáсло, молóкó, яйца. Дóбрá-то наклáдѐшь, и шáньги вкѹсные.* Данное значение соотносится с одним из

значений прилагательного: *добро́* — это вкусные продукты, которые делают человека *добрым* — ‘полным, упитанным, крепким’.

Добро́, обозначая также ‘нечто положительное, хорошее’, не исключает и представлений о нравственности и добром отношении внутри коллектива: *Пусть сама́ расска́жет, что она́ мне добра́ сде́лала. Без худа́ добра́ не быва́ет* (посл.). Это значение наиболее ярко проявляется в диалектных фраземах и благопожеланиях: *к добру́ ли к ху́ду, добро́м по добру́, добра́-здоровья, остава́йся с добро́м* и др. *Добро́* — ‘отзывчивость, душевное расположение, доброта’: *Оди́н-то де́лат с добро́м, а друго́й-то врёде и хоро́ше сде́лат, а ду́мат, как бы назли́ть*.

Как и производящее прилагательное, существительное *добро́* в ироничных контекстах приобретает антонимичное значение ‘что-н., не представляющее никакой ценности’: *Тепе́рь э́того ма́ло хозя́йства* (клопов и тараканов), *всё жо́ выво́дят э́то добро́. Го́споди, у меня́ что шло добра́* (о поносе)! *Привезли́ сюда́, в э́тот дом два я́щчыка добра́* (неодобрит. об алкоголе).

Кроме того, слово *добро́* употребляется как эвфемизм при ироническом обозначении полового органа, чаще мужского: *Де́вки в ба́йну на по́лг, я за ни́ми в уголо́к. Де́вок испуга́лся, в уголо́к залéз, де́ржит своё добро́. Мене́ поду́шечку под жо́пу пеха́т: Не отморо́зь своё добро́!*

Выборка из картотеки «Архангельского областного словаря» показала, что большинство контекстов для слова *добро́* распределяется между значениями, имеющими отношение к материальным объектам, а не духовным ценностям. Прослеживается параллелизм значений существительного *добро́* и прилагательного *доброй* (табл. 1); обе лексемы имеют стилистически окрашенные, антонимичные первич-

Таблица 1

Семантика слов *добро́* и *доброй* в говорах архангельского региона

<i>Доброй</i>	<i>Добро́</i>
1. ‘Хороший, обладающий положительными качествами’ <i>се́но добро́е</i>	1. ‘Нечто положительное, хорошее, полезное’ <i>не погиба́ть-то добру́</i>
2. ‘Уважаемый, знатный, богатый’ <i>что добры́е люди́ ска́жут</i>	2. ‘Имущество, богатство, ценные вещи’ <i>добро́ в сунду́ках храни́ли</i>
3. ‘Полный, крепкий’ <i>добра́я де́вка, баска́я</i>	3. ‘Продукты, используемые для приготовления сдобной выпечки’ <i>добро́ кла́ли в ша́нежки</i>
4. ‘Не злой, отзывчивый’ <i>добро́е се́рдце</i>	4. ‘Отзывчивость, беззлобность’ <i>он с добро́м пришел</i>
5. <i>Иронич.</i> ‘не обладающий положительными качествами’ <i>добра́й пьяница́</i>	5. <i>Иронич.</i> ‘что-то, не представляющее ценности’ <i>э́то добро́ выкину́ть на́до</i>
	6. <i>Эвф.</i> ‘половой орган’ <i>бахва́ля сво́йм добро́м</i>

Сегмент морфо-семантического поля 'ДОБРО'

ЦЕНТР	БЛИЖНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ (общий СП — 'ценность')		ДАЛЬНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ	ВНЕ ПОЛЯ
	'полнота, здоровье'	'богатство'		
'все хорошее'			'не зло' (по отношению к другому)	'нечто плохое'
<i>добро</i> — 'нечто хорошее' <i>добрый</i> — 'хороший' <i>доброхотница</i> — 'хорошая женщина' <i>добрёшенько</i> — 'очень хорошо' и др.	<i>добрый</i> — 'здоровый', <i>добрый</i> — 'здоровый, крепкий', <i>добро</i> (н) — 'много, сильно' и др.	<i>добро</i> — 'наследство', <i>добрелькое</i> (с) — 'имущество', <i>доброты</i> — 'качественные продукты' и др.	'отзывчивый, добрый' <i>доброхоткой</i> (н) — 'добротой, ласково' <i>добриться</i> — 'проявлять доброту' и др.	<i>добрó</i> — 'нечто ненужное, бесполезное' <i>добрóд</i> — 'любовник' <i>добрóхóтец</i> — 'кто-н., совершивший нечто плохое' и др.

ным значения (ср. значения 1 и 5 у обоих слов). При этом в семантике существительного в говорах преобладает материальный аспект (*добрó* ‘имущество’), тогда как прилагательное в своем основном значении выражает общую положительную оценку (*дóброй* ‘хороший’).

В результате проведенного анализа можно сделать вывод, что в диалектном языке прослеживается связь слова с его этимологом (*дóброй* = ‘годный, качественный’), сохраняются архаичные пласты семантики (*добрó* = ‘имущество, богатство’). Однако в то же время носителям диалекта свойственны представления о добре как о полюсе нравственности — в противопоставление злу: *Свекрóва всё учíла: «Молóдка-молóдка, вы против зlá сдéлайте добрó», — вот это свекрóвины словá.*

ДОБРО в говорах архангельского региона семантически многомерно. Совокупность словозначений с корнем *добр-* может быть представлена как морфо-семантическое поле⁵, имеющее центр и периферию (табл. 2).

Ядерным значением поля ‘ДОБРО’ является оценочное значение ‘все хорошее’, а ближнюю периферию составляет группа значений, связанных общим семантическим признаком ‘ценность’ (здоровье, богатство и т.д.). На дальней периферии оказываются значения ‘доброта’, ‘отзывчивость’ и др., характеризующие душевные качества человека и морально-нравственную оценку его окружающими. В ироничных контекстах рассматриваемые слова, называя ‘нечто, противоположное добру’, выходят за пределы данного поля.

Вероятно, изначально ядром концепта ДОБРО в русской лингвокультуре было материальное восприятие добра как имущества и богатства. Современная народная речь, несмотря на тесное переплетение более ранних и поздних значений, сохраняет этот культурный код.

Список литературы

1. Архангельский областной словарь / Под ред. О.Г. Гецовой, Е.А. Нефедовой. Вып. 11. М., 2001.
2. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М., 1981.
3. *Жданова В.И.* Семантическое поле этической оценки в его историческом развитии (на материале русского языка): Дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004.
4. ЛАЯ — Логический анализ языка: Языки эстетики / Под ред. Н.Д. Арутюновой. М., 2004.

⁵ Под морфосемантическим полем понимается совокупность слов, для которых кроме общего (интегрального) семантического признака характерно наличие общего аффикса или основы.

5. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М., 1991.
6. МАС — Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. I. М., 1981.
7. Нефедова Е.А., Качинская И.Б., Коконова А.Б. Архангельский областной словарь: прошлое и настоящее // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. № 3. М., 2013. С. 39–60.
8. Палеха Е.С. Концептосфера лексико-семантического поля добра в русском языке // Вестник ЧГУ. 2007. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptosfera-leksiko-semanticheskogo-polya-dobra-v-russkom-yazyke> (дата обращения: 04.03.2019).
9. РАС — Русский ассоциативный словарь / Под ред. Ю.Н. Караулова. М., 2002. URL: <https://thesaurus.ru/dict/index.php> (дата обращения: 04.03.2019).
10. Славянские древности: этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. Т. II. М., 1999.
11. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Под ред. С.Г. Бархударова. Вып. 4. М., 1977.
12. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 5. М., 1978.

Natalya Redko

THE SEMANTICS OF GOOD IN ARKHANGELSK DIALECTS

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Drawing on the database of the Arkhangelsk Regional Dictionary, this article discusses the semantics of the concept GOOD in the Russian linguistic culture. It aims to compare the Russian lexemes *dobro* and *dobryj* in literary speech with their derivatives in dialects. Research shows that the derivational nest is represented as a morpho-semantic field ‘GOOD’, the nuclear meaning of which is ‘all good’ and the proximal periphery is a group of meanings related to health, wealth, etc. The meanings ‘kindness’, ‘responsiveness’, etc. in the dialects, that are common with the literary language, are on the far periphery. Moreover, some contexts display negative semantics that call ‘something opposite to good’ (for example, *dobrodetel’* — ‘someone who has hurt another’) and go beyond this field.

Key words: folk speech culture; the dialects of the Arkhangelsk region; morpho-semantic field ‘good’.

About the author: *Natalya Redko* — PhD Student, Department of the Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: nataliaeredko@rambler.ru).

References

1. Arkhangel'skiy oblastnoy slovar'. [Arkhangelsk Regional Dictionary] Ed. O.G. Getsova, Ye.A. Nefedova. Vol. 11. M., 2001. (In Russ.)
2. *Dal' V.I.* Tolkovnyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. [Explanatory dictionary of the living Great Russian language] Vol. 1. M., 1981. (In Russ.)
3. *Zhdanova V.I.* Semanticheskoye pole eticheskoy otsenki v yego istoricheskom razvitiy (na materiale russkogo yazyka). [Semantic field of ethical evaluation in its historical development (on the material of the Russian language)]: dis. ... kand. filol. nauk. Ufa, 2004. (In Russ.)
4. LAYa — Logicheskiy analiz yazyka: Yazyki estetiki. [Logical analysis of the language: Languages of aesthetics] Ed. N.D. Arutyunova. M., 2004. (In Russ.)
5. *Losskiy N.O.* Usloviya absolyutnogo dobra [Terms of absolute good]. Moscow, 1991. (In Russ.)
6. MAS — Slovar' russkogo yazyka. [Dictionary of the Russian language] Ed. A.P. Yevgen'yeva. Vol. 1. M., 1981. (In Russ.)
7. *Nefedova Ye.A., Kachinskaya I.B., Kokonova A.B.* Arkhangel'skiy oblastnoy slovar': proshloye i nastoyashcheye. [Arkhangelsk Regional Dictionary: Past and Present] *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*. N 3. M., 2013, pp. 39–60.
8. *Palekha Ye.S.* Kontseptosfera leksiko-semanticheskogo polya dobra v russkom yazyke. [The conceptual sphere of the lexical-semantic field of goodness in the Russian language] *Vestnik ChGU*. 2007. N 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptosfera-leksiko-semanticheskogo-polya-dobra-v-russkom-yazyke> (date: 04.03.2019). (In Russ.)
9. RAS — Russkiy assotsiativnyy slovar'. [Russian associative dictionary] Ed. Yu.N. Karaulov. M., 2002. URL: <https://thesaurus.ru/dict/index.php> (date: 04.03.2019).
10. Slavyanskiye drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'. [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary] Ed. N.I. Tolstoy. Vol. 2. M., 1999. (In Russ.)
11. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian language XI–XVII centuries] Ed. S.G. Barkhudarov. Vol. 4. M., 1977. (In Russ.)
12. Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond. [Etymological dictionary of Slavic languages. Proto-Slavic lexical fund] Ed. O.N. Trubachev. Vol. 5. M., 1978. (In Russ.)

Р.А. Говорухо

ГЛАГОЛЫ МЫСЛИ В ИТАЛЬЯНСКОМ И РУССКОМ ТЕКСТАХ (пропозициональный аспект)

*ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ)
125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6*

В статье рассматриваются итальянские конструкции с глаголами мысли как глаголами пропозициональной установки и их русские эквиваленты. Материалом для исследования послужили около 250 примеров, собранных в ходе анализа более ста оригинальных текстов на двух языках и их переводов.

Глаголы мысли в обоих языках часто употребляются с целью подчеркнуть оценку говорящего и образуют особый модус мнения. В статье определяются контексты употребления таких глаголов, исследуется степень их обязательности/факультативности, причины их включения в структуру высказывания. В целом элементы модуса получают в итальянском тексте развернутое выражение по сравнению с русским текстом, где наблюдается тенденция к их полной или частичной редукции, что указывает на существование разных стратегий концептуализации и языкового кодирования элементов когнитивной структуры в двух языках. В формальном плане в итальянском тексте преобладает гипотаксис, элементы текста организованы иерархически. Дополнительный глагол присутствует как строевой элемент, даже когда система не требует его присутствия. Во многих случаях глаголы, присутствующие в итальянском тексте, с точки зрения русского языкового сознания могут показаться лишними, в русском тексте существует ярко выраженная тенденция заменять эксплицитную конструкцию эпистемической модальности вводно-модальными элементами — показателями достоверности высказывания.

Представляется, что на примере анализа конструкций с этими словами можно проиллюстрировать и некоторые более общие тенденции, существующие в построении итальянского и русского текстов.

Ключевые слова: пропозициональные глаголы; глаголы мысли; итальянский текст; русский текст.

0. Вводные замечания. Данная работа — часть более обширного исследования принципов построения текста в русском и итальянском языках (см., например: [Говорухо, 2007; 2014; Govorukho, 2010; 2017]).

Говорухо Роман Алексеевич — кандидат филологических наук, доцент, директор Российско-итальянского учебно-научного центра РГГУ (e-mail: govorroman@mail.ru).

Языковые явления, находящиеся в фокусе нашего внимания, относятся к коллективному речевому узусу, под которым понимается естественное употребление слова или выражения, связанное с выбором наиболее адекватной единицы из множества возможных синонимичных языковых средств. Этот выбор может показаться произвольным, но в конечном итоге он отвечает определенным тенденциям, заданным языковой системой. Основным материалом наблюдения служат двусторонние литературные переводы (более ста), привлекались также материалы итальянско-русского подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Перевод можно рассматривать как особый случай межъязыкового перефразирования. Это сложный индивидуальный творческий процесс, лишь в незначительной мере поддающийся типологизации. При переводе происходит трансформация смысла, при которой говорящий/пишущий вынужден добавлять, эксплицировать одни элементы смысла и, наоборот, опускать, устранять другие элементы. Некоторые трансформации при этом носят обязательный грамматический характер и позволяют делать выводы о системных различиях между языками. Другой выбор — выбор между синонимичными средствами выражения — описать сложнее, поскольку переводчик может пренебрегать речевыми стилистическими нормами, копировать оригинал вопреки узусу родного языка. В то же время перевод — естественный процесс, происходящий объективно, независимо от деятельности лингвистов, и имеющий вполне наблюдаемые и доступные научной систематизации (в том числе и количественным измерениям) результаты, а именно — корпусы параллельных текстов. Исследование большого массива данных позволяет увидеть определенную тенденцию в употреблении конкурирующих форм и предложить их интерпретацию, которая, однако, не всегда имеет вид обязательной грамматической модели. Вместе с тем частотный, регулярно воспроизводимый говорящими выбор той или иной языковой единицы или конструкции, по нашему мнению, непосредственно связан с грамматикой, если понимать грамматическое значение как пучок свойств, а границу между грамматическим и неграмматическим рассматривать как градуальную [ср.: Плуноян, 2011: 19]. Подход к грамматике как к системе, управляющей языковыми выборами, в последние годы все больше утверждается в лингвистике. В грамматическом описании итальянского языка Микеле Пранди “Le regole e le scelte”, наряду с традиционной «грамматикой правил» (*una grammatica delle regole*), в описание включена также «грамматика выбора» (*una grammatica delle opzioni*), которая выражается на уровне сложного предложения и текста [Prandi, 2006].

Предметом исследования в данной статье будут глаголы мысли, формирующие эпистемический модус высказывания и выражающие

суждение человека о факте. Наряду с эмотивами, выражающими эмоциональную оценку факта и глаголами воли и желания, глаголы мысли образуют кластер присоединяющих сентенциальный актанта предикатов, имеющих отношение к «разумной» природе человека. Кроме того, предикаты мысли тесно связаны с двумя другими группами глаголов пропозиционального отношения, а именно — с глаголами речи, описывающими активную деятельность человека, а также с глаголами восприятия, характеризующими человека прежде всего как живое существо.

1. Типы глаголов ментальной семантики. Предикаты эпистемического модуса традиционно делятся по значению на предикаты знания и предикаты мнения и предположения (см. подробнее [Алисова, 2009: 176–177; Арутюнова, 1999: 428–437; Апресян, 2009: 62–81]).

С точки зрения семантики присоединяемого пропозиционального актанта, глаголы эпистемического модуса можно условно разделить на два подтипа: объектный и модальный. Лишь в конструкциях первого типа, описывающих ментальные процессы, как в русском, так и в итальянском тексте возможна номинализация придаточной части. Ср.:

- (1) *Le guardavo e cercavo di capire¹ i loro discorsi nel dialetto per me nuovo...* Я смотрел на них и пытался **понять**, о чем они говорят на своем диалекте...
(Carlo Levi)

Для высказываний модального типа, с помощью которых передается отношение говорящего к содержанию диктума, его оценка истинности пропозиции, подобная компрессия невозможна, поскольку «первичным выражением смысла “мнения” в обоих языках является сложная изъяснительная конструкция» [Верниковская, 1978: 13].

Анализ корпуса примеров (245 контекстов) показывает, что при несовпадении оригинала и перевода (отсутствии модуса в одном из текстов) эпистемическая модальность значительно чаще (228 примеров — 93%) не получает поверхностного выражения в русском тексте, тем самым устраняется указание на конкретный субъект пропозициональной установки, высказывание приобретает обобщенный характер. Ср.:

- (2) *E perché mai, ho pensato, non dovrei fare anch'io qualche bel viaggio?* (Malerba) А почему бы **Ø** и мне не совершить какое-нибудь приятное путешествие?
- (3) *E poi, ho sempre pensato che si può sempre cambiare idea, magari... investendo...* (Lunari) **В конце концов**, **Ø** убеждения можно менять — например, с возрастом, когда стареешь.

¹ Здесь и далее полужирным шрифтом выделены анализируемые модусы и элементы, их заменяющие; курсивом обозначены существенные для предлагаемого описания фрагменты текста.

В примере (2) компрессии подлежит модальный элемент вводного типа, не имеющий собственного места в составе грамматической схемы сложного предложения, но осуществляющий временную референцию высказывания-вопроса. В примере (3) — предикат, управляющий диктальным придаточным, который заменяется вводным выражением *в конце концов*, не имеющим показателей лица и времени.

В отличие от мнения, которое всегда должно быть выражено эксплицитно, модус знания часто не выражается, на него указывает ассертивный характер самого высказывания. Ср.: *Иван приехал* = *Я знаю/уверен, что Иван приехал*.

В этой связи Е.С. Яковлева говорит о высказываниях с объективной эпистемической характеристикой, которые либо описывают перцептивно очевидные факты, либо сообщают о безусловных истинах [Яковлева, 1994: 212–213].

Как показывает анализ примеров, тенденция к выбору эксплицитного модуса знания характерна для непрототипических случаев выражения пропозиционального знания, когда придаточное является оценочным или модальным, относится к плану будущего, передает чужое сознание, то есть соотнесено с субъективным модусом и всеми теми элементами, и коннотациями, которые вводятся им в высказывание.

Так, в примере (4) экспликацию модуса знания (*мы знаем, что P*) в итальянском тексте можно рассматривать как иллюкутивный акт угрозы со стороны женихов Пенелопы по отношению к адресату — свинопасу Эвмею:

(4) Sappiamo che <i>ti lamenti</i> ogni volta che ti chiediamo di sgozzare i porci per la nostra mensa... (Malerba)	Ø <i>Ты ноешь</i> каждый раз, когда надо заколоть свинью для нашего пира...

Ср. также следующий диалог, где, отвечая на вопрос о намерениях третьего лица, говорящий подчеркивает ограниченность своего знания ‘*so che ...*’ — ‘я знаю лишь то, что ...’, избегая тем самым прямого ответа:

(5) [— <i>Si è deciso finalmente a chiedere la mia mano?</i>] — So che te ne vuole parlare lui ... ri- spose sorridendo Raquel, ma <i>tenendosi sul vago</i> . (Faletti) НКРЯ	[— Решился наконец попросить моей руки?] — Ø Хочет поговорить с тобой ... — улыбнулась Рабель, <i>уклонившись от ответа</i> .

В примере (6) отсутствие понимания со стороны собеседника провоцирует говорящего эмоционально акцентировать свою уверенность в том, что собеседник не хочет ему поверить. В русском тексте эта дополнительная модализация отсутствует. Ср.:

(6) [“Mi stanno cercando.” “Ma chi?” Stentavo ancora a capire.] “I Templari, perdio Casaubon, **lo so** che non vorrà crederci, ma era tutto vero” (Есо) НКРЯ

[— За мной охотятся. — Да кто охотится? — я все еще не понимал.] — Храмовники, о господи, Казобон, **О вы не хотите верить**, но все это правда!

Интересен также пример (7), где в русском тексте присутствуют два смысловых блока, посылка и вывод: ‘думаю, мы друг друга поняли’ и ‘ты не допустишь, чтобы бабуля...’, связанные между собой сочинительным союзом:

(7) **Думаю**, мы с тобою друг друга хорошо поняли, и **О ты не допустишь**, чтобы бабуля трепала себе последнее здорovie. (Политковская) НКРЯ

Penso che tu *capisca* cosa voglio dire, e **so** che non permetterai che quel poco di salute che le rimane venga compromesso.

Модус знания, введенный в итальянский текст, управляет придаточным изъяснительным со сказуемым в будущем времени, то есть описывается неverifiedируемое положение вещей, создавая, тем самым, риторический эффект. Высказывание приобретает оттенок долженствования: ‘so che non permetterai...’ = ‘non devi permettere...’ и представляет собой иллюкутивный акт предписания.

В итальянском тексте чаще присутствует и «риторический» императив ментального статива *sapere*, который не имеет прототипического для повелительного наклонения значения побуждения, а выполняет, согласно определению Ю.Д. Апресяна, нетривиальную иллюкутивную функцию, «сообщение адресату собственного знания» [Апресян, 1995: 150]. Ср.:

(8) [... Per l'appunto oggi non so leggere. — Bravo bue! Allora te lo leggerò io.] **Sappi dunque** che in quel cartello ... c'è scritto ... (Collodi)

[... Как раз сегодня я не умею читать. — Bravo, осел! В таком случае я тебе прочитаю.] **Так вот**, на афише написано ...

(9) [— Paziienza! Mi spiegherò meglio, — soggiunse il Pappagallo.] — **Sappi dunque** che, mentre tu eri in città, la Volpe e il Gatto sono tornati in questo campo... (Collodi)

[— Ну что ж, тогда я скажу яснее, — продолжал он.] — **О** Когда ты был в городе, Лиса и Кот вернулись сюда, в поле...

Такое употребление глагола *sapere* предполагает, как правило, более низкий ролевой статус адресата. В наших примерах незнакомый мальчик (8) и попугай (9) свысока «поучают» простодушного Пиноккио. В примере (8) в русском тексте прагматическую роль привлечения внимания собеседника выполняет выражение с усиленной частицей *так вот*. Помимо предиката пропозициональной установки *sapere* в итальянских примерах присутствует логический коннектор следствия *dunque*.

Компрессии в русском тексте может подвергаться также модус памяти «помню, что/как ...», обозначающий прежде всего «опытную

память» (о разнице между ‘опытной’ и ‘информационной’ памятью см. [Зализняк Анна А., 2013: 334–338]), тесно связанную с локализацией субъекта в пространстве и времени. Речь идет в основном о контекстах от первого лица, где рассказчик является субъектом переживания. Ср.:

(10) ...*Anni fa*, dopo un’alta marea molto forte, **mi ricordo** le bancarelle improvvisate fuori dai negozi che svendevano scarpe alluvionate, rovinate. (Scarpa)

Однажды после очень сильного прилива **Ø** из магазинов на улицу *повыставляли* лотки, на которых распродавалась намокшая, испорченная обувь.

(11) [... Dopo alcuni giri *ci parve* di essere tornati laggiù.] Ma **ricordavamo** che la porta davanti alla finestra immetteva in una stanza in cui era scritto “Primogenitus mortuorum” (Eco)

[*Мы решили было*, что это та самая комната, из которой мы недавно вышли]. Но **Ø** в той напротив окна *имелась* дверь, уводившая в соседний зал, именовавшийся “Primogenitus mortuorum” ...

В итальянском тексте примера (10) есть прямое указание на память как на ретроспективное непосредственное восприятие (*mi ricordo*). В русском переводе наречие *однажды* и оценочный интерпретационный глагол *повыставляли* в рамках дискурса от первого лица в прошедшем времени являются достаточными элементами, указывающими на локализацию знания о прошлом. В итальянском примере (11) субъект восприятия выражен в форме *ci parve* — ‘мы решили’/‘нам показалось’. Характерным представляется и замена в русском тексте модуса памяти бытийным глаголом *иметься*, что указывает на связь концептов памяти/забвения и обладания/потери [Туровский 1991: 93], в рамках которой стативный предикат *помнить* можно рассматривать как обладание некоторым впечатлением о единичной ситуации в прошлом.

В итальянском тексте часто встречаются безличные предикаты со значением логического вывода, близкие к словам коннекторного типа, тогда как в русском тексте подобные логические связки — модусы, как правило, опускаются. Ср.:

(12) По русскому денежному курсу XVI–XVII веков **Ø** итальянские ткани оценивались очень высоко. (Итальянские ткани)

In base al corso di denaro in Russia nei secoli XVI e XVII **si deduce** che le stoffe italiane venivano stimate di gran valore.

(13) Questo singolare sistema <...> garantiva ad ogni piano un’atmosfera omogenea <...> **Ne derivava** che gli ammalati erano divisi in sette progressive caste. (Buzzati)

Необычное это устройство ... позволяло как нельзя лучше проводить курс лечения. **Ø** Все пациенты делились на семь категорий.

(14) Luca è penseroso, **lo si intuisce** da come fuma, lascia che tra le dita la sigaretta divenga un cilindro di cenere... (Lodoli)

Лука сидит, глубоко задумавшись. **Ø** Горящая сигарета дымится в руке, скоро обожжет пальцы...

В случае экспликации эпистемического модуса в русском тексте, он часто бывает представлен не однозначными предикатами, а частицами и другими незнаменательными словами. Ср.:

- (15) Un magnifico centro, sicuro. È proprio *quello che* il Matti *sta meditando* (e **pensare** che quando il Moretto ha sparato era già buio...). (Buzzati) Да, конечно, прицел был точным. Именно *об этом* думает сейчас Матти (**а ведь** когда Чернявый стрелял, было уже темно.)
- (16) **No capito** che devo essere più prudente altrimenti Eumeo si insospettisce. (Malerba) Да, мне следует быть осторожнее, не то Эвмей заподозрит подвох.
- (17) Белый **как бы** и не чувствовал ничего. (Зайцев) **Pareva** che Belyj non si fosse accorto di nulla.

В примере (17) модальной частице *как бы*, которую следует считать модальным оператором [Аругюнова, 1999: 840 и след.], соответствует итальянский глагол перцептивного модуса *parere* (*казаться*) в эпистемическом значении. Соответствие русского модального оператора *как бы* и пропозиционального предиката *pare* — ‘кажется’ представляется неслучайным, поскольку оба модальных показателя относятся к одной группе единиц, которые кодируют информацию, позволяющую говорящему судить о событии непосредственно, не привлекая логические выводы или общие знания [Яковлева, 1994: 218–219].

Незаятность позиции Экспериенцера в дат. падеже (ср.: *Ci/mi pareva* — *нам/мне казалось*) указывает на генерализованный характер конструкции, при том что эпистемическая оценка принадлежит говорящему. Подобный генерализованный модус, при котором субъектом восприятия и оценки может быть как повествователь, так и герой повествования, часто не выражается в русском тексте. Ср.:

- (18) Teresa *guarda dal vetro* gli edifici vecchi e nuovi intorno, gli enormi casoni dove **pare** che i mutuati *amino* abitare... (D'Agata) Тереза *смотрит* сквозь стекло на старые и новые постройки вокруг, огромные домища, в которых **любят** жить члены больничной кассы...
- (19) Però si studiava seriamente, mentre **pareva** che a Parigi gli studenti *facessero* di tutto, meno che studiare. (Eco) К ученью относились уважительно, не то, что в Париже, где **любят** студенты интересовались любыми вещами помимо науки.

Глаголы *parere* (*sembrare*), по определению Е.Р. Иоанесян, являются «показателями недостаточной информации, но свидетельствуют о наличии у говорящего однозначной трактовки ситуации. Ближе всего эти предикаты оказываются к русскому глаголу *казаться* в парентетической позиции» [Иоанесян, 2000: 118–119]. Отсутствие эпистемического модального «фильтра» в русском тексте никак не влияет на его истинностную интерпретацию, и при этом в формальном отношении удается избежать дополнительной гипотактической структуры.

2. Ментальные предикаты и перцептивный модус. В литературе неоднократно отмечалась близость предикатов ментальной семантики к перцептивным связанным с приобретением знания субъектом перцепции. «Поскольку восприятие является одним из главных источников формирования знаний ... при продвижении по иерархии внутренних систем предикаты восприятия “повышаются” до предикатов знания» [Кустова, 2004: 420]. Оторванность от акта зрительного восприятия, возможность его интерпретации в когнитивном смысле (ср. определение «эвиденциальное заключение», данное этим структурам А. Вежбицкой [Вежбицкая, 1986: 361]) объясняет частую взаимозамену в корпусе перцептивных и ментальных глаголов, причем в итальянском тексте преобладает перцептивный модус, а в русском — предикаты ментальной семантики, т.е. в итальянском тексте отдается предпочтение метафорическим способам кодирования знания и мнения. Ср.:

(20) [... Rimasi solo in mezzo alla strada.] Mi accorsi allora che il paese non si vedeva arrivando ... (Carlo Levi)	[Я ... остался один посреди улицы.] Тут я понял , что, подъезжая, я видел не весь поселок ...
(21) [А эти! Ташат ее, черти, выворачивая руки, как пойманную воровку!] Но он тут же понял , что ошибается. У Лары подкашивались ноги. (Пастернак) НКРЯ	[E quelli là! Maledetti, la trascinano torcendole i polsi come a una ladra colta sul fatto.] Ma si accorse subito d'aver sbagliato. Lara non si reggeva in piedi.

В обоих примерах глагол *accorgersi* — ‘замечать’ отчасти сохраняет основное значение установления перцептивного контакта, из первичного смысла вырастает ментальное значение: *заметив*, что поселок продолжается дальше, говорящий *понимает*, что ранее не видел его целиком. В примере (21) ментальное значение глагола *accorgersi* (ср. *заметить ошибку* = ‘понять, в чем она заключается’) является непосредственным результатом наблюдения. Фактивность пропозиционального употребления глагола *замечать* сближает его в перфективных контекстах с модусом понимания, непосредственно связанным с семантикой знания [Июмдин, 2006: 523–526].

Безличная форма глагола пропозициональной установки в русском тексте ослабляет связь с субъектом мнения, как бы указывая на неконтролируемость ментального состояния. Ср.:

(22) Глебову подумалось , что другого выхода нет и надо сказать. (Трифонов)	Glebov si accorse che non c'era altra via d'uscita, che bisognava parlare.

В целом для глаголов восприятия эпистемический модус всегда вторичен, он является производным от перцептивных смыслов. В то же время аргументативный контекст однозначно превращает перцептивную конструкцию в ментальную:

(23) ... Non vedo perché la cosa interessi al maresciallo. (Cervi)	Не понимаю , почему этот вопрос интересует старшину ...

Метафора получения знания через визуальное восприятие является достаточно типичным явлением: ментальная интерпретация увиденного, извлечение импликаций субъектом восприятия обеспечивают переход от перцептивного модуса к эпистемическому:

(24) ...No provato un certo fugace piacere **nel vedere** ... che è stato aggregato al mio Kommando. (Primo Levi) ... Я обрадовался, **узнав**, что Резника включили в нашу команду.

В том случае, когда в русском тексте выбирается перцептивный глагол, вся конструкция приобретает метафорическое значение, снимается условие синхронизированности восприятия и его объекта. Ср.:

(25) Я **увидел** внезапно расстояние и дни, которые ей надо преодолеть, чтобы добраться до меня ... (Казаков) **Mi resi conto** all'improvviso della distanza che avrebbe dovuto superare, dei giorni che sarebbero occorsi per arrivare fino da me ...

Глагол *увидеть* употребляется в данном случае в значении внутреннего зрения, воображаемого восприятия, в итальянском же тексте выбирается предикат ментальной семантики *rendersi conto* — 'осознавать'.

В русском тексте существует выраженная тенденция заменять эксплицитную конструкцию перцептивной модальности вводно-модальными элементами — показателями достоверности:

(26) Ah, **vedo** che anche lei si è fatto influenzare dal nostro amico! (Lunari) ... **Значит**, подцепили заразу от нашего друга!

(27) Алла пришла в громадном колленкоровом сомбреро. Она им **явно** гордилась. (Довлатов) Alla arrivò con un enorme sombrero di percallo. **Si vedeva** che si pavoneggiava.

(28) **Certo, si sa** che il guardone dietro le fessure degli scuri non va mai a dormire. (Scarpa) **Конечно, Ø** эротоманы за прорезями ставен не дремлют.

В примере (28) в итальянском тексте эпистемический модус выражен дважды: сентенциальным наречием высокой степени достоверности *certo* и безличным модусом со значением пропозиционального знания *si sa che* — 'известно, что'. В русском тексте модальное слово *конечно* указывает на стереотипность события, которое должно быть не неожиданным и не единичным [Яковлева, 1994: 253–257]. Отсюда — возможность употребления этого наречия в нереперентных, не соотносенных с конкретной ситуацией высказываниях, где наличие еще одного модуса деперсонифицированного знания становится избыточным.

Отметим, что многие итальянские модальные наречия, в отличие от русских, легко преобразуются в гипотактические конструкции эксплицитной модальности. Ср.:

(29) Il nonno è lì? **Certo che** ci sono! Дедушка здесь? **Конечно**, я тут.
(Nanetti)

Таким образом, в сфере выражения модальных отношений ментального плана для речевой нормы итальянского языка более характерно эксплицитное выражение зависимости диктума от модуса, тогда как в русском тексте чаще встречается компрессия модальной составляющей, либо ее преобразование во вводные модальные слова, наречия, частицы, которые не находятся в отношениях синтаксической зависимости с диктумом.

3. Глаголы мысли и речи в конструкциях косвенной речи. Сближение перцептивного и ментального модусов становится возможным прежде всего в силу синкретичного характера субъекта перцептивного глагола, который является не только собственно субъектом восприятия, т.е. Экспериенцером, но и производит мыслительное действие. Ментальное действие может, в свою очередь, пересекаться с речевым. Это происходит прежде всего в ситуации «внутренней речи» которая передается в итальянском тексте, как правило, глаголами *dicendi*, тогда как в русском языке предпочтение отдается глаголам *putandi*: ‘Mario si diceva che...’ — ‘Марио думал, что ...’ Если зависимая пропозиция представляет собой не суждение, а вопрос, то в итальянском тексте выбирается соответственно глагол, называющий соответствующее речевое действие, тогда как в русском тексте употребляются глаголы ментальной семантики с компонентом ‘знание’. Ср.:

(30) Ты лучше **подумай**, почему это ты ... Ma tu **domandati perché** stai parlando
вдруг с мертвецом разговариваешь? con un cadavere.
(Пелевин)

(31) ...Mentre **si chiedeva** se doveva pro- ... А сам в это время **думал**, должен ли
prio scendere al rifugio come gli altri. он, как и все остальные, спуститься в
(Augias) убежище.

В итальянских примерах придаточная часть представляет собой косвенный вопрос, вводимый с помощью союза *se* (общий вопрос) или вопросительного слова (частный вопрос). Специфичной для итальянского языка формой кодирования данного смысла является возвратная форма глагола воздействия на ментальное состояние *spiegare* — ‘объяснять’:

(32) Ma non **mi spiegavo perché** se la ... Только я **не понимал**, почему она вы-
prendesse con me e non con lui. (Nanetti) мешает это на мне, а не на нем.

Отметим, что итальянские глаголы включают на одну сему больше, являются лексическими каузативами, тогда как русские указывают на процессы внутри субъекта. Ср.: *объяснять кому-л./себе* (каузировать понимание) = *понимать*; *спрашивать кого-л.* (каузировать ответную речевую реакцию)/*себя* = *думать*.

В русском тексте наряду с косвенным вопросом мы видим конструкции со значением предположения с глаголом пропозициональной установки в парентетической позиции, модальным оператором в которых выступают вводные слова — показатели отсутствия достоверного знания о предмете, что вполне согласуется с ситуацией вопроса. Ср.:

(33) **Mi chiedo** se nella sua mancanza di dubbi gli veniva per caso in mente che io potessi essere meno che contento <...> (De Carlo)

Может, подумал я, до него, даже при полной его неспособности сомневаться, дойдет, что мне не так уж и нравится ...

(34) “**Mi domando**” disse, “se non avresti fatto meglio a portare la bicicletta addirittura dentro...” (Bassani)

— Я вот *думаю*, сказал он, *может быть*, тебе лучше было бы занести велосипед в дом...

Модальные наречия *может* — *может быть*, указывающие на существование альтернативы в трактовке ситуации и на «пассивное ментальное состояние» [Яковлева, 1994: 235] говорящего, в данных примерах выражают предположение относительно будущего. Еще одно вводно-модальное слово — *наверно* — относится к той же группе операторов, указывающих на отсутствие у говорящего непосредственного контакта с ситуацией. Вместе с тем употребление *наверно* предполагает привлечение логического вывода и общих знаний при трактовке ситуации. Ср. его употребление в контексте предположения-догадки:

(35) Я — технический переводчик. Вы, *наверное*, **подумали**, что я сумасшедший, — догадался я. (Токарева)

“Sono un traduttore tecnico. Lei, *probabilmente*, **si è chiesto** se sono matto,” dissi.

В итальянском тексте предполагаемое отсутствие у субъекта пропозициональной установки знаний относительно говорящего подчеркнуто введением общего косвенного вопроса. В подобных примерах в русском тексте может присутствовать как глагол пропозициональной установки, так и исключительно модальное наречие — показатель достоверности. В последнем случае информация о говорящем — субъекте оценки максимально редуцируется. Ср.:

(36) In genere non succedeva, forse quell’anello voleva dire qualche cosa, **si chiese** se avrebbe dovuto prenderne nota. (Augias)

Такого обычно не бывало, это было неспроста, *наверное*, на это следовало обратить внимание.

Из итальянского текста, где есть личная форма глагола, очевидно, что субъектом пропозициональной установки является полицейский, проводящий расследование убийства. В русском тексте тот же вывод может быть сделан лишь на основании более широкого контекста.

Пример (36) хорошо иллюстрирует явление, которое уже отмечалось в литературе, а именно то, что в итальянском тексте прямая речь обычно преобразуется в косвенную, в то время как в русском тексте значительное распространение получает такой литературно-художественный прием, как несобственно-прямая речь [Алисова, 2009: 231–234]. Ср. согласование временных планов в контекстах с внутренней речью персонажа:

(37) Я вдруг **подумал**, что если ее *нет* на катере, а с катера *замеят* мой фонарь, *подумают*, что я *хочу* ехать, и *пристанут* к берегу. (Казаков)

Improvvisamente **pensai** che cosa *sa-rebbe accaduto* se, sul battello, lei non *ci fosse stata* e se, a bordo, *avessero visto* la mia lanterna: *avrebbero pensato* che *volessi* partire e *si sarebbero avvicinati* alla riva.

Не останавливаясь подробно на проблеме согласования времен в двух языках, отметим, что отсутствие подобного согласования в русском тексте, ориентация текста на конструкции с несобственно-прямой речью, представляющие собой ряд синтаксически независимых предложений с преимущественно «актуальными» временами: презенсом и футурумом, еще раз указывает на отсутствие синтагматической иерархии как на одну из важнейших черт русского текста. Напротив, выраженная тенденция к выстраиванию подобной иерархии в итальянском тексте объясняет, в частности, частое введение дополнительного глагола пропозициональной установки в конструкциях с косвенным вопросом.

На данную особенность в свое время обратил внимание Дж. Херкцег [Herczeg, 1972]. Венгерский исследователь цитирует, в частности, следующий пример из Л. Пиранделло: *La signora Léuca rimane a pensare a lungo questa sera, e **si domanda** che cosa quelle bambine abbiano già per lei più delle altre che finora ha soccorso* (Pirandello, цит. по [Herczeg, 1972: 457]). Называя такое употребление глагола речи «риторическим», Херкцег отмечает, что форма *si domanda* служит здесь своего рода связкой, помогающей избежать зияния, и является, скорее, элементом риторической структуры высказывания, в рамках которой задающий вопрос и отвечающий на него является одним и тем же лицом. По мнению Дж. Херкцега, данная фраза была бы более естественной без глагольной формы *si domanda*. Ср.: *La signora Léuca rimane a pensare a lungo questa sera: che cosa quelle bambine abbiano già per lei più delle altre che finora ha soccorso* [ibid.: 457]. Отметим, что этот «прием», связанный с введением дополнительного глагола пропозициональной установки, достаточно характерен для итальянского литературного языка, причем как в прямой, так и в косвенной речи, тогда как в русских текстах указание на подобный «внутренний вопрос» часто просто отсутствует. Ср.:

(38) Perché Floppy, con quella pancia che sembrava il mio pallone e le gambe rachitiche, era brutissimo e io **mi domando** come potevo essere più brutto di lui. (Nanetti)

(39) Se non riconosco più nemmeno la mia terra che è rimasta immobile nei secoli, **mi domando** come sarà cambiata Penelope... (Malerba)

(40) А потом спохватилась $\emptyset$ — кто ж передачу принес? (Горенштейн)

Флоппи была ужасно уродлива — живот, круглый, как мяч, и тонюсенькие лапы. $\emptyset$ Неужели я еще страшнее?

Если я не узнаю даже свою родную землю, остававшуюся такой в веках, то $\emptyset$ как же должна была измениться Пенелопа...

Ma poi si riprese e **si interrogò**: ma chi poteva aver portato il sacco?

В целом экспликация ментального акта вопроса является, по-видимому, приоритетной речевой стратегией в итальянском тексте, а синтаксическое оформление вопроса в виде зависимой или независимой клаузы носит факультативный характер. В русском же тексте подобные элементы субъективно-оценочного модуса часто остаются невыраженными.

4. Предикаты ментального состояния с эмотивной составляющей. В речевом акте вопроса объединяются оценочная модальность незнания и желания узнать, а также коммуникативная модальность побуждения говорящего к ответному речевому акту [ср.: Апресян, 2009: 24]. При этом каждый язык имеет свои приоритетные способы кодирования данного набора модальных смыслов.

Особую группу образуют модусы типа *удивительно, странно, любопытно, интересно*, описывающие ментальное состояние переживающего субъекта. Они выражают спонтанную психическую реакцию на происходящее, и в этом смысле близки к эмотивам. В итальянском тексте разные виды модальности, объединенные в данных конструкциях, часто бывают представлены отдельно. Прежде всего эксплицитное выражение может получить коммуникативная модальность побуждения говорящего к ответному речевому акту. Ср.:

(41) А когда, **интересно**, ты в последний раз целовал девушку? (Евтушенко)

— E **tu dimmi, m'interessa**: quant'è che hai baciato una ragazza per l'ultima volta?

И в русском, и в итальянском тексте субъектом оценки предиката *интересно* (основания вопроса) является говорящий. При этом обращает на себя внимание более личный и адресованный характер итальянского варианта, где эксплицируется, во-первых, активный компонент каузации действия (побуждение к говорению — речевой акт вопроса): $\emptyset$ — *tu dimmi* (*ты скажи мне*), и во-вторых, субъект оценки: *интересно* — *m'interessa* (= *меня интересует*). При передаче внутренней речи предикат *интересно*, образуя модальную рамку, регулярно передается в итальянском тексте *verba dicendi*. Ср.:

(42) — А что, **интересно**, можно сделать в жизни? — спросил Затворник. (Пелевин)

(43) «**Mi chiedo** se se ne potrà trovare una copia qui.» (Есо)

(44) **Интересно**, что сказал бы солидный директор университетского издательства ... (Набоков) НКРЯ

(45) Si pensava che l'Abate avrebbe parlato a tutti, e **ci si domandava** cosa avrebbe detto. (Есо)

“**Mi chiedo** che cosa si possa fare nella propria vita” chiese l'Eremita.

«**Интересно**, отыщется ли здесь экземпляр...»

Mi chiedo che cosa direbbero i miei editori accademici ...

Ожидалось, что Аббат обратится к братьям. **Было интересно**, что он скажет.

В примере (45) субъектом пропозициональной установки является определенная группа лиц (монастырская братия), куда входит и говорящий.

Еще одной речевой стратегией в итальянском тексте является актуализация эпистемической составляющей предиката *interessato*. Ср.:

(46) **Интересно**, а где вы только что были? (Гришковец)

Sono curiosa di sapere dove è appena stato.

В этом случае именно глагол пропозициональной установки *sapere* (*interessato* = *interessato sapere*) берет на себя роль строевого элемента в итальянском тексте. Ср.:

(47) **Интересно** бы *sapere*, кто его искалечил (Булгаков)

“**Vorrei** (proprio) **sapere** chi lo ha conciato a quel modo/chi è che l'ha ridotto così/chi lo ha mutilato.” (Zonghetti) (Olsoufieva) (Dridso) (Demaria)

“**Sarei curioso di sapere** chi lo ha storpiato/lo ha ridotto così.” (Prina), (Срепах)

Mi piacerebbe sapere da che è stato ridotto così (De Monticelli)

Sarebbe interessante sapere chi lo sfigurò. (Arcella)

Но даже в этом случае, как мы видим, безличная конструкция оригинала, близкая к русскому тексту, повторяется лишь в одном из восьми итальянских вариантов (Arcella), во всех же остальных дополнительно обозначен субъект оценки.

Для русского языка наиболее характерно кодирование субъекта состояния дательным падежом, тогда как в итальянском тексте чаще используются глаголы эмоциональной каузации (*mi interessa* — *mi interessa*; *mi è simpatico* — *mi è simpatico*; *mi stupisce* и пр.).

В том случае, когда глагол со значением речевого действия присутствует в русском тексте, в итальянском переводе может дополнительно эксплицитоваться модальный компонент ‘желание узнать’:

(48) — Теперь вот, что **мне интересно**. *Перечислите*, пожалуйста, каких видов бывают увеличительные стекла ... (Пастернак) НКРЯ

“Ora, *scusate la curiosità*, ma **vorrei** che mi *enumeraste*, per favore, i vari tipi di lenti...”

(49) А теперь **интересно**, *ответьте*, в каком году умер Грибоедов? (Пастернак) НКРЯ E adesso *scusate la curiosità*, ma **vorrei sapere** da voi, in che anno morì Griboedov?

Модус волеизъявления ‘хочу узнать’ опирается на деятельность разума человека, указывает на его ментальное состояние. Сходная ситуация наблюдается в русских императивных конструкциях с *verba dicendi*:

(50) И *объясните мне*, кстати, при чем здесь леди Эстер? (Акунин) Fra l'altro **vorrei che** qualcuno *mi spiegasse* cosa c'entra qui lady Ester ...

В итальянском тексте дополнительная модальная рамка, как правило, связана с первым лицом — говорящим, высказывание максимально эксплицитно. Ср.:

При чем здесь леди Эстер? — прямой вопрос.

Объясните мне, при чём здесь леди Эстер? — косвенный вопрос.

Я хочу, чтобы кто-то объяснил мне, при чем здесь леди Эстер? — двойная модальная рамка с заменой лица адресата. В русском тексте в целом существует тенденция избегать подобного двойного подчинения, один из модусов при этом либо опускается, либо — трансформируется.

5. Выводы. В статье были рассмотрены итальянские конструкции с глаголами мысли как глаголами пропозициональной установки и их русские эквиваленты.

Во многих случаях эти глаголы, с точки зрения русского языкового сознания, могут показаться лишними. Были определены контексты употребления таких глаголов, исследована степень их обязательности/факультативности, определены причины их включения в структуру высказывания.

Глаголы мысли в обоих языках часто употребляются с целью подчеркнуть оценку говорящего и образуют особый модус мнения. В целом элементы модуса получают в итальянском тексте развернутое выражение по сравнению с русским текстом, где наблюдается тенденция к их полной или частичной редукции, что указывает на существование разных стратегий концептуализации и языкового кодирования элементов когнитивной структуры в двух языках.

Список литературы

1. Алисова Т.Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка: Семантическая и грамматическая структура простого предложения. 2-е изд. М., 2009.
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С. 199–202.
3. Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. 1: Парадигматика. М., 2009.

4. Арутюнова Н.Д. Типы модусов. Инверсия модуса и пропозиции // Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
5. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
6. Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М., 1978.
7. Верниковская Н.С. Изъяснительные конструкции с предикатами мысли и речи в русском и итальянском языках: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1978.
8. Говорухо Р.А. Некоторые типы итальянских и русских временных конструкций и проблема связности текста // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2007. № 5. С. 81–96.
9. Говорухо Р.А. Выбор детерминатива при анафоре в русском и итальянском языках // Вестник РУДН. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. 2014. № 1. С. 125–138.
10. Зализняк Анна А. Русская семантика в типологической перспективе. М., 2013. С. 155–157.
11. Иоанесян Е.Р. Функциональная семантика эпистемических предикатов (на материале французского языка). М., 2000.
12. Иомдин Б.Л. Языковая модель понимания // Апресян Ю.Д. (ред.) Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006.
13. Кустова Г.А. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.
14. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
15. Туровский В.В. Память в наивной картине мира: *забыть, вспомнить, помнить* // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
16. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.
17. Govorukho R. Qualche osservazione sull'uso dei verbi proposizionali in italiano e in russo // L'analisi linguistica e letteraria. XVIII. Milano, 2010. P. 187–200.
18. Govorukho R. La coesione in italiano e in russo: alcune tendenze nell'espressione dei rapporti di caratterizzazione // Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia de Cultura 9 (1). Krakow, 2017. P. 59–71.
19. Herczeg G. Le proposizioni interrogative indirette nella prosa del Novecento // Giulio Herczeg. Saggi linguistici e stilistici. Firenze, 1972.
20. Prandi M. Le regole e le scelte. Torino, 2006.

Roman Govorukho

THINKING VERBS IN ITALIAN AND RUSSIAN TEXTS: PROPOSITIONAL ASPECT

*Russian State University for the Humanities
6, Miusskaya square, Moscow, GSP-3, 125993*

This article discusses Italian and Russian clauses with thinking verbs as verbs of a propositional attitude. The study is based on 250 examples obtained during the

analysis of over ninety original texts in the two languages and their translations. In both languages, thinking verbs are often used to emphasize the speaker's value judgment. They make up a special mode of knowledge and opinion. The article contextualizes such verbs and studies their degree of obligatoriness/optionality and the reasons for their inclusion in a phrase. On the whole, the elements of this mode are more fully expressed in the Italian text, in the Russian text, they tend to be completely or partially reduced, pointing to the existence of different strategies of conceptualizing and linguistically coding elements of cognitive structure in the two languages. From a formal standpoint, hypotaxis predominates in the Italian text and the textual elements are organized hierarchically. Supplementary verbs are employed as structural units even when the system does not require them. In many cases, verbs occurring in the Italian text may seem superfluous to the Russian speaker, while in the Russian text, there is a clear tendency to replace the explicit construction of epistemic modality with introductory modal elements — indicators of the plausibility of a sentence. It is assumed that clauses with these words may be used to study more general trends in the structure of the Italian and Russian text.

Key words: propositional verbs; verbs of thinking; Italian text; Russian text.

About the author: *Roman Govorukho* — PhD in Philology, Associate Professor, Director of the Russian-Italian Study and Research Center, Russian State University for the Humanities (e-mail: govorroman@mail.ru).

References

1. Alisova T.B. *Očerki sintaksisa sovremennogo ital'janskogo jazyka: Semantičeskaja i grammatičeskaja struktura prostogo predložženija*. Izd. 2-e. M.: Knizhnyj dom "Libro-kom", 2009.
2. Apresjan Ju.D. Izbrannye trudy. T. II. Integral'noe opisanie jazyka i sistemnaja leksikografija. M.: Shkola "Jazyki russkoj kul'tury", 1995, SS. 199–202.
3. Apresjan Ju.D. *Issledovanija po semantike i leksikografii*. T. 1. Paradigmatika. JaSK, 2009.
4. Arutjunova N.D. Tipy modusov. Inversija modusa i propozicii. Arutjunova N.D. *Jazyk i mir cheloveka*. M.: Shkola "Jazyki russkoj kul'tury", 1999.
5. Arutjunova N.D. Tipy jazykovyh znachenij: Ocenka. Sobytie. Fakt. M.: Nauka, 1988.
6. Vezhbicka A. Metatekst v tekste. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. Vyp. VIII. Lingvistika teksta. M.: Progress, 1978.
7. Vernikovskaja N.S. *Iz'jasnitel'nye konstrukcii s predikatami mysli i rechi v russkom i ital'janskom jazykah* (AKD), M.: MGU, 1978.
8. Govorukho R.A. Nekotorye tipy ital'janskih i russkih vremennyh konstrukcij i problema svjaznosti teksta. *Vestnik MGU Ser. 9. Filologija*. 2007. № 5, SS. 81–96.
9. Govorukho R.A. Vybor determinativa pri anafore v russkom i ital'janskom jazykah. *Vestnik RUDN. Serija Teorija jazyka. Semiotika. Semantika*. 2014, № 1, SS. 125–138.

10. Zaliznjak Anna A. Russkaja semantika v tipologičeskoj perspektive. M.: *Jazyki slavjanskoj kul'tury*, 2013, SS. 155–157.
11. Ioanesjan E.R. *Funkcional'naja semantika jepistemičeskih predikatov (na materiale francuzskogo jazyka)*. M.: IJaz RAN, 2000.
12. Iomdin B.L. Jazykovaja model' ponimanija. Apresjan Ju.D. (red.) *Jazykovaja kartina mira i sistemnaja leksikografija*. M.: *Jazyki slavjanskih kul'tur*, 2006.
13. Kustova G.A. Tipy proizvodnyh znachenij i mehanizmy jazykovogo rasshirenija. M.: *Jazyki slavjanskoj kul'tury*, 2004.
14. Plungjan V.A. *Vvedenie v grammatičeskuju semantiku: grammatičeskie znachenija i grammatičeskie sistemy jazykov mira*. Moskva: RGGU, 2011.
15. Turovskij V.V. Pamjat' v naivnoj kartine mira: zabyt', vspomnit', pomnit'. *Logičeskij analiz jazyka. Kul'turnye koncepty*. M., 1991.
16. Jakovleva E.S. *Fragmenty russoj jazykovoj kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vosprijatija)*. M.: Gnozis, 1994.
17. Govorukho R. *Qualche osservazione sull'uso dei verbi proposizionali in italiano e in russo. L'analisi linguistica e letteraria*. XVIII. Milano, 2010, pp. 187–200.
18. Govorukho R. La coesione in italiano e in russo: alcune tendenze nell'espressione dei rapporti di caratterizzazione. *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia de Cultura* 9 (1), Krakow, 2017, pp. 59–71.
19. Herczeg G. Le proposizioni interrogative indirette nella prosa del Novecento. *Giulio Herczeg*. Saggi linguistici e stilistici. Firenze, 1972.
20. Prandi M. *Le regole e le scelte*. Torino: UTET, 2006.

П.Ю. Рыбина

**ВООБРАЖАЕМЫЙ ТЕАТР: МИЗАНСЦЕНИРОВАНИЕ
В ПОЭМЕ ДЖ.Г. БАЙРОНА «ПАЛОМНИЧЕСТВО
ЧАЙЛЬД ГАРОЛЬДА» И ДРАМАТУРГИИ Ю. О'НИЛА**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Статья посвящена интригующему случаю межтекстового диалога, который демонстрирует важность анализа пространственных структур в словесных текстах. Американский театральный модернист Ю. О'Нил, чье творчество испытало влияние целого ряда европейских авторов рубежа XIX–XX вв., использует свой богатый читательский опыт для осуществления формальных экспериментов с драматургическим и — шире — театральным пространством. В статье утверждается, что О'Нил усматривает в классическом поэтическом тексте Дж.Г. Байрона «Паломничество Чайльд Гарольда» особый тип мизансценирования, особую модель «воображаемого театра», которая становится отправной точкой для его пространственных решений в пьесе «Душа поэта». В поэме Байрона О'Нил обнаружил некие общие пространственные принципы и исполнительскую модель: с его точки зрения, они продуктивно работают именно на сцене, в пространстве спектакля. Далее автор статьи доказывает, что «воображаемый театр» Байрона присваивается О'Нилом не в застывшей, готовой форме, но адаптируется модернистским контекстом пьесы, порождая новые смыслы, актуальные для понимания о'ниловской драматургии и — шире — американского театра первой половины XX в. Эти смыслы имеют отношение к широкому кругу вопросов: от разрыва поколений («эдиповы» конфликты у О'Нила важны) до трагического развенчания американской мечты «отцов» и крушения нового идеализма «детей». От творчества О'Нила в статье предлагается переход к обобщениям о роли пространственных моделей в литературном тексте. Воображаемое пространство (в данном случае — театра) становится ключом к базовым формам осмысления реальности: я в окружающем мире, я и другие.

Ключевые слова: театральная мизансцена; театральное пространство; театр XX в.; драматургия американского модернизма; Ю. О'Нил; Дж.Г. Байрон.

Ю. О'Нил был внимательным читателем европейской литературы XIX в. При этом можно утверждать, что О'Нилу интересно

Рыбина Полина Юрьевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры общей теории словесности филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: rybina_polina@mail.ru).

вступать в диалог с авторами именно конца столетия (Х. Ибсен, А. Стриндберг, О. Уайлд, Э. Даусон, Р. Киплинг). В этой связи «встреча» текстов О'Нила и Байрона заслуживает особого внимания.

В пьесе Ю. О'Нила «Душа поэта» (публ. 1957; пост. 1958), действие которой отнесено к первой трети XIX в., протагонист — ирландский эмигрант Кон Мелоди — цитирует Байрона: “I have not loved the World, nor the World me” (Canto III, Stanza CXIII); “But midst the crowd, the hum, the shock of men” (Canto II, Stanza XXVI) [Lord Byron, 2014]. Цитаты поддерживают образ байронической личности, за счет которого персонаж существует. Его изгнанничество (эмигрант), претензии на аристократизм, участие в войне, дурная слава, отставка из армии, совпадающая с публикацией первой книги поэмы, — все это «питается» байроническим¹, стремится воспроизводить байроническое как некий эталон. О'Нил намеренно упрощает понимание байронического за счет выбора хрестоматийных цитат. Неоднозначность фигуры «паломника», с которой ассоциирует себя и свою жажду странствий (“wish to roam”, Canto I, Stanza XII) Чайльд Гарольд, близка другим, более сложным о'ниловским персонажам-скитальцам и поэтам (Эдмунд Тайрон).

Строфы Байрона, созвучные некоторым тематическим аспектам пьесы, «присваиваются» драматургическим текстом и получают новую жизнь в модернистском контексте. Мы ставим перед собой вопросы: как читатель смотрит на текст Байрона, пользуясь оптикой о'ниловской пьесы; как текст О'Нила «впитывает» поэтические фрагменты Байрона, как контекст «присваивает» текст? Ведь строфы Байрона оказываются изъяты из нарратива поэмы и перестают быть органичной частью связного размышления лирического субъекта.

Можем ли мы воспринимать строфу Байрона, ставшую частью текста для театра, лишь как на словесную цитату? Что цитирует персонаж О'Нила? С нашей точки зрения, — не собственно текст Байрона. При том, что текст безусловно присутствует, словесное начинает отходить на второй план, главным в цитатах становится их театральность. Под театральностью мы понимаем воображаемую пространственную (сцена, зал, граница между ними) и исполнительскую модель, которую текст создает для читателя. Театральность присуща поэме Байрона изначально, но включение строф в драму, их непосредственное разыгрывание на воображаемой сцене (при чтении пьесы) многократно усиливает это свойство. Именно эта модель воображаемого театра интересна О'Нилу в первую очередь.

---

¹ Первый биограф О'Нила Б. Кларк и исследователь его творчества Т. Богард упоминают интересный факт: О'Нил сам любил в молодости цитировать первую из упомянутых строф.

Вот строфа из первой песни, которая цитируется Коном Мелоди четыре раза:

СХІІІ.

I have not loved the World, nor the World me;
I have not flattered its rank breath, nor bowed
To its idolatries a patient knee,
Nor coined my cheek to smiles, — nor cried aloud
In worship of an echo: in the crowd
They could not deem me one of such — I stood
Among them, but not of them — in a shroud
Of thoughts which were not their thoughts, and still could,
Had I not filed my mind, which thus itself subdued.

Комментатору начала XX в. Э. Кольриджу, например, было важно указать на ряд содержащихся в этом тексте шекспировских аллюзий: в строфе есть отсылки к «Кориолану» (“rank breath” вызывает в памяти “rank-scented many” <Coriolanus, Act II, Scene 1>) и к «Макбету» (“filed my mind” отсылает к словам Макбета “For Banquo’s issue have I filed my mind” <Macbeth, Act III, Scene 1>). Ко времени создания «Души поэта» шекспировский «слой» в байроновском тексте уже был детально описан. При этом театральность строфы заключается не столько в ее интертексте, сколько в пространственной модели, непосредственно созданной Байроном.

Первая строка описывает оппозицию «я» (I) и «мира» (World). Противопоставленные по сути «я» и «мир» уравниваются в правах графически (пишутся с прописной буквы). «Я» не смешивается с «миром» и не очень им интересуется. «Мир» обозначается в строфе еще двумя способами, как «толпа» (“crowd”) и «они» (“they”), что поддерживает тему по-романтически переживаемого разрыва с окружением, а также объясняет брезгливое отсутствие интереса к «миру», чье «дыхание зловонно» (“rank breath”).

«Я» не занято миром, а поглощено собой. Лирический субъект возвещает о себе через перечисление ряда внешних действий: дан пластический рисунок в пространстве (“nor bowed... a patient knee”, “stood among them, but not of them”), определена мимика (“coined my cheek to smiles”), голосовые характеристики (“nor cried aloud in worship of an echo”). Так возникает воображаемая исполнительская модель: «я» разыгрывает спектакль перед «миром» (публикой).

Но есть опасность превращения спектакля в антиспектакль. Все перечисленные действия исполнителя — это то, что надменный романтический субъект не будет делать (не преклонял колен, не улыбался, не повышал голоса). «Я», зная о том, что публика ждет представления, отказывается представлять, соглашается просто присутствовать.

Как оформлена граница между сценой и залом? Она получает в строфе наименование “shroud”, что может означать одновременно и «саван», и — в более широком смысле — некую условную пелену, в данном случае — пелену мыслей (“shroud of thought”) лирического субъекта. Она служит непроницаемой «четвертой стеной», за которую не проникают импульсы толпы, ее мысли и желания (единственное от чего пелена не защищает брезгливого нарцисса, — это «зловонное дыхание» толпы).

В театральной практике то, о чем мы пишем, называется мизансценой. Мизансценирование — это пространственный язык, на котором режиссер говорит со зрителем без слов. Мизансценическое решение в театре касается действий актера, его положения в пространстве, расположения актеров относительно друг друга, расположения актеров относительно зрителей.

Лирический субъект Байрона берет на себя функцию режиссера и решает пространство поэмы так, чтобы у зрителя возникло ощущение воображаемого театра. Субъект (в процитированном фрагменте) не разговаривает со своими зрителями, а воздействует на публику языком мизансцены.

Персонаж О’Нила цитирует пространственный текст: вписывает в свои мизансцены — мизансцены Байрона. Для О’Нила «Паломничество Чайльд Гарольда» — это средоточие не столько романтических смыслов, сколько словесно оформленных мизансцен. О’Нил интуитивно фиксирует, как через слово поэмы пробиваются пространственные искусства — живопись, архитектура, скульптура, театр.

Попутно скажем, что, когда поэтический текст становится частью драматургического текста, читатель, осознающий богатый аудиовизуальный потенциал драмы, начинает искать в этом поэтическом тексте следы театра, элементы театрального разыгрывания.

Вторая цитата, которую однократно декламирует Кон Мелоди (Canto II, Stanza XXVI), позволяет говорить о другой черте театральности байроновского текста — способности текста апеллировать ко всем каналам человеческого восприятия, создавая иллюзию зрелища, которое воздействует на зрение, слух, телесные ощущения.

XXVI.

But midst the crowd, the hum, the shock of men,
To hear, to see, to feel, and to possess,
And roam along, the World's tired denizen,
With none who bless us, none whom we can bless;
Minions of Splendour shrinking from distress!
<...>

Цитата возникает в следующем контексте: сидя за столом с приятелями, Кон Мелоди подчеркнуто горько декламирует Байрона.

Стихи важны для него тематически: передают опыт одиночества в толпе. Внимание привлекает вторая строка, содержащая перечисление глаголов восприятия и движения: “to hear”, “to see”, “to feel”, “to possess”, “to roam”. Испытывает все эти ощущения лирический субъект, «страдающий» актер, который откликается на впечатления окружающего мира. Он снова в центре толпы, но теперь не отгораживается от нее «пеленой», а воспринимает ее. И толпа получает три разных наименования: “the crowd”, “the hum”, “the shock of men”. Каждое из обозначений высвечивает разные чувственно воспринимаемые стороны «толпы»: “crowd” — это зрительно воспринимаемое множество, “hum” — это толпа «на слух», ее гул, голоса, “shock of men” — это людская масса, с которой субъект соприкасается телесно, в которой его «затолкали».

Аллитерация (повторы начальных и финальных “s”, “f”) усиливает экспрессию, подчеркивая ощущение вовлеченности в жизнь толпы и неудовлетворенность лирического субъекта.

Конкретизация ощущений, которые испытывает субъект, готовит нас к восприятию пластического рисунка, заключенного в этом тексте.

Пластика здесь двух видов: с одной стороны, субъект «влачит-ся» (“roam along”), подчеркивая свою усталость (“the World’s tired denizen”), обреченность «сжиматься» (“shrink”²) из-за жизненных тягот, сожалеть о несделанных жестах (“bless” вызывает в памяти жест благословения); с другой стороны, в последней строке благодаря повторам указательных местоимений и восклицанию читатель начинает воспринимать героя в роли трагика, поднявшего указующий перст и вышедшего на авансцену. Кона Мелоди, безусловно, привлекает это сочетание жалобы и трагической экспрессии.

Присущая фрагментам поэмы театральность, а также сама оптика драматургического контекста меняют восприятие лирического излияния. Забывая о том, что строфа изъята из контекста поэмы, читатель О’Нила концентрирует внимание на ней как на самодостаточном поэтическом монологе, в котором обнаруживается интригующий мизансценический рисунок. Цитата становится частью «номера», исполненного актером.

Протагонист пьесы, бывший майор Кон Мелоди, теперь — эмигрант и содержатель кабака в деревне рядом с Бостоном — читает хрестоматийные строки, когда остается один, перед своим отражением в зеркале. Здесь происходит интересный сплав актера и зрителя, между которыми тем не менее сохраняется граница.

Перед зеркалом Мелоди останавливается, «аккуратно стряхивает пыль с рукава, одергивает фалды», «расправляет плечи» и декламирует

---

² Часто фигурирует в тексте Байрона в значении «страшиться».

ет («словно хочет вернуть свою гордость и оправдаться перед самим собой»). В конце декламации он произносит: “By the Eternal, that expresses it! Thank God for you, Lord Byron — poet and nobleman who made of his disdain immortal music!” [O’Neill, 1978: 361].

Мы говорили о пространственном аспекте строфы, и действительно Мелоди словно интуитивно его чувствует: принимает позу перед зеркалом, декламирует, трансформируется в актера. Но затем сам дает оценку сказанному/услышанному и тогда Кон Мелоди (отметим его «говорящую» фамилию) отмечает музыкальность строк Байрона (в ремарке строфа названа “incantation”). Он одобрительно отзывается о двух сторонах поэзии Байрона: о наивно истолкованном содержании («Клянусь Богом, вот это точно!») и о музыкальности. Как поглощенный спектаклем зритель, он подпадает под власть мелодии, ритма, того, что действует подспудно, «убаюкивает», даже если слов не понимаешь.

Помимо актерского «номера», лирический фрагмент внутри драмы позволяет говорить о «песенном» номере, временно останавливающем сюжет. Важно модернистское сомнение в обоснованности стройного, упорядочивающего хаос нарратива. Поэтические цитаты (в целом ряде пьес О’Нила) — это и сюжетные «остановки» (места «спектакля в спектакле», зрелища в квадрате), и «метафизические двери», ведущие в другое искусство (музыка), в другой век (из XX — в XIX).

Комментарий Мелоди, следующий за его собственной декламацией, говорит о раздвоении персонажа на актера и зрителя, на исполнителя и критика. Заявлена способность героя носить несколько масок и попеременно ими манипулировать. Одна из этих масок — «героя Талаверы», байронической личности — живет на протяжении всей пьесы (именно в рамках этой роли Мелоди цитирует поэму), другая маска — недалекого ирландского крестьянина — появится только в конце драмы. Пережив крушение претензий на аристократизм (он оскорблен богатым «янки», отцом жениха дочери), Мелоди-крестьянин объявит свое артистическое alter ego мертвым, но, что интересно, строфу из поэмы тем не менее процитирует: важно, каким образом (об этом далее).

Соединяя в одном лице и актера, и зрителя, Мелоди, казалось бы, стирает границу между сценой и зрительным залом. О’Нила очень интересуют разного рода границы как между одним субъектом и другим, так и между многообразными проявлениями одного субъекта. О’Нил предлагает разные варианты воплощения этой границы, того, что у Байрона именуется «пеленой». В пьесах американского драматурга персонаж зачастую находится под действием алкоголя, и это «опьянение» (иногда подчеркнуто бодлеровское) становится

«четвертой стеной» между персонажем в его артистической ипостаси и им же самим в его «нормальной», повседневной ипостаси (помимо неизбежной «стены» между персонажем и его близкими). Разбираемая сцена начинается с того, что, оставшись один, Мелоди допивает виски, он начинает действовать, герой переходит к декламации. Интересно, что у О'Нила алкоголизм из бытовой банальности превращается в факт театрального языка: в ремарках даны подробные указания, как мизансценически решать сцены такого общения.

Перформансы Мелоди, несмотря на его стремление уединиться перед зеркалом, постоянно прерываются «подглядывающими». Сначала входит дочь Мелоди Сара, второй раз — будущая свекровь Сары, изысканная дама Дебора Харфорд, третий раз — поверенный Гэдсби. Их вторжения высвечивают главный аспект представления: отличие перформанса перед зеркалом от других спектаклей Мелоди, разлитых в повседневности (ведь он играет практически постоянно, всегда пребывает в образе «благородного джентльмена»).

На первый взгляд, декламации Мелоди словно притягивают зрителя. Это закономерно: в о'ниловском театре поэтическая цитата есть позерская выходка, цель которой — добиться внимания. Мелоди, всегда находящийся «в образе», — фигура, олицетворяющая зависимость от взгляда другого. Не будет зрителя (или хотя бы зеркала) — не будет и его как актера. О'Нил специально комментирует эту черту образа в ремарке: “At first, he poses to himself, striking an attitude — a Byronic hero, noble, embittered, disdainful, defying his tragic fate, brooding over past glories. But he has no audience and cannot keep it up” (57).

Эта зависимость от взгляда делает заметнее ассоциации с пространственными искусствами, которые рождает как строфа из поэмы (неподвижный одиночка среди толпы напоминает статую, памятник), так и перформанс Мелоди: его отражение в зеркальной раме — это своеобразный портрет; его эффектные появления в дверях — изображения в рамке, портрет в полный рост. О пространственной значимости двери и зеркала в мизансценах О'Нила писал, в частности, Т. Богард.

Вторжения зрителей ведут еще к одной теме. Посторонние взгляды столь нежелательны потому, что перформанс перед зеркалом существует не столько для других персонажей, сколько для нас как зрителей/читателей, у которых появляется возможность присутствовать при своеобразной репетиции. Четыре раза повторяет Мелоди одно и то же — четыре раза драматург предоставляет актеру и режиссеру возможность для мизансценической нюансировки, а зрителю для переживания удовольствия от мизансцены. Вторжения посторонних

призваны обострить зрительское восприятие мизансцены, которая искажается, никак не решается.

В конце пьесы (после трех повторений наедине с зеркалом) Мелоди впервые читает фрагмент в присутствии других. Но завершается репетиция полным провалом — отрицанием того образа, который персонаж тщетно пытался создать перед зеркалом. Мелоди, ухмыляясь, смотрит в зеркало, передразнивает свою старую позу, коверкает слова, декламирует, кривляясь, презрительно хохочет: он переживает во время чтения Байрона телесную трансформацию, текст его видоизменяет, а его тело, корчась, видоизменяет текст. Отсюда — появляющийся акцент; расставшись с иллюзией, Мелоди меняется телесно (осанка, походка, пластика), более того — меняется его артикуляция. С помощью байроновского текста происходит превращение актера в шута. «Ему бы служить клоуном в цирке!» (427) — говорит Мелоди. Воображаемый театр трансформируется в цирк или в пародию на театр. Именно перед зрителем образ отрицается. Прочитируем текст пьесы:

I have not loved the World, nor the World me;
I have not **flatthered uts** rank breath, now bowed
To **uts** idolatries a **pashunt** knee,
Nor coined **me** cheek to smiles, — nor cried aloud
In worship **av** an echo: in the crowd
They couldn't deem me **one av such** — I stood
Among thim, but not av thim³... (177).

Произнеся это, Мелоди срывается: “Be God *I'm* alive and in the crowd they *can* deem me one av such! I'll be among thim and av thim, too — and make up for the lonely dog's life the Major led me” (177).

Происходит то, что в полной мере можно назвать «присвоением» байроновской строфы. Текст искажается ирландским акцентом (brogue), фонетическую специфику которого О'Нил стремится передать в целом ряде пьес. Здесь мы читаем “pashunt” вместо “patient», “av thim” вместо “of them”, “one av such” вместо “one of such”. При этом никакого возвращения к себе «настоящему» не происходит, происходит смена масок — с трагической на комическую. Высокая маска носит здесь название «Майор» (Major), а низкая ассоциируется с «я» (I). И как старая маска уступает место новой, так текст Байрона поглощается стихией о'ниловского письма.

Американский драматург создает подчеркнуто сниженный контекст, и именно в таком контексте стихи Байрона становятся «своими», из высокого и далекого идеала превращаются в «домашний» объект осмеяния.

³ Фрагменты текста выделены автором статьи.

Здесь важен ряд аспектов — историко-литературный и тематический.

Байрон — неотъемлемая часть американского культурного контекста XIX в., и О'Нил хорошо об этом осведомлен. Наряду с В. Скоттом, Ч. Диккенсом, Байрон — один из самых популярных авторов в США XIX в. К моменту действия пьесы (27 июля 1828 г. — годовщина битвы при Талавере <27 июля 1809> и дата победы на президентских выборах демократа и выходца из Ирландии Э. Джексона) в США уже выходили биографии Байрона: в 1825 г. в Филадельфии «Воспоминания о жизни лорда Байрона, 1808—1814» Р. Дэлласа, где описаны события, предшествовавшие и сопутствовавшие написанию поэмы. В 1853 г. в Бостоне вышла «Жизнь лорда Байрона, с приложением его писем и дневников» Т. Мура. Произведения Байрона были объектом имитации, особенно среди литераторов южных штатов, где более востребована аристократическая мифология. Помимо южан стоит упомянуть У.Г. Симмса и его поэму «Донна Флорида» (1843), вдохновенную «Дон Жуаном», Фиц-Грин Хэллека, получившего прозвище «американский Байрон». Происходил процесс, который Р. Гранквист [Granqvist, 1995] называет апроприацией английской литературы американскими авторами XIX в. Между 1811 и 1830 гг. некоторые произведения английского поэта выдерживали в США по 48 изданий (и тиражи выходили с потрясающей быстротой).

Цитирование Байрона для американца первой трети XIX в. — дань литературной моде, способ создания имиджа, неважно сколь растиражированного.

Текст Байрона втягивается в существенную для творчества О'Нила дискуссию об идеализме и судьбе идеалистов. В целом ряде пьес присутствует своеобразная ситуация «богоборчества», когда персонажи намеренно высмеивают, искажают, уничтожают свои идеалы. На место идеала может претендовать несбывшаяся мечта, близкий человек (жена или мать), а также важный для персонажа объект искусства — литературный текст или визуальный образ. О'Нил до известной степени платоник, и идеалы его персонажей содержат некие воспоминания о безусловной красоте (пластической или умозрительной). Обычно кульминационный момент пьесы предполагает болезненное расставание с идеализмом через издевательство над прежним кумиром (О'Нил, разделявший общеамериканское увлечение психоанализом 1930—1940-х годов, позволяет посмотреть на эту ситуацию и в фрейдистском ключе). Интересны случаи, когда в ситуацию вовлекается литературный материал. В пьесе «Долгий день уходит в ночь» (публ. 1956) протест сыновей против наркотической зависимости матери решен отсылкой к шекспировской мизансцене. “Mad scene. Enters Ophelia”, — комментирует Джейми появление

матери. Сходятся две линии — личная и литературная: семейная катастрофа сопровождается «бросанием камня» в Шекспира, автора, представляющего родительский круг чтения.

Сходную ситуацию наблюдаем в «Душе поэта»: личное поражение сопровождается уничтожением байроновского текста, его «наказанием» за искушение мечтой. В отличие от «Долгого дня» здесь мишенью оказывается не чей-то любимый автор, а «мой собственный», уничтожение текста превращается в своеобразный суицид (отсюда — мизансценическое выражение трансформации прежнего Мелоди в нового; отсюда и предшествующее этому перерождению символическое убийство лошади). Измерение высокого идеала, которое создавал в повседневности Мелоди текст Байрона, устраняется новой иллюзией — общности с завсегдатаями кабака.

В поэме Байрона все зрелищное, выставленное напоказ, оценивается как поверхностное, сомнительное, пустое. Автор драматических поэм и «драм для чтения» («Манфред», 1817; трагедии «Марино Фальеро, дож венецианский», «Сарданапал», «Двое Фоскари», изданные в 1821 г.; мистерия «Каин», 1821), Байрон традиционно был против постановок этих текстов. В поэме много «театров»: театр светского салона, театр военных действий, объединенные общим словом для предлагаемых ими зрелищ — “sights”; упоминается целый ряд площадок — цирк в Лондоне (“the crowded circus”), арена для боя быков в Кадисе (“the thronged arena shakes with shouts for more”), карнавал в Венеции (“the pleasant place of all festivity”, “the Masque of Italy”), римский Колизей. Порой ландшафт вызывает у паломника ассоциации с театральным пространством: горы греческой Химары образуют вулканический амфитеатр (“Nature’s volcanic amphitheatre”), река Арно опоясана «театром холмов» (“theatre of hills”). И хотя паломник любит смотреть на череду меняющихся картин этой своеобразной диорамы памяти (“invisible but gazing” — так говорит он о себе), он с горечью признает наличие в повседневности театрального измерения (байронический герой вынужден менять маски), с явным презрением отзывается о жаждущих зрелищ посетителях цирка/корриды, крайне пессимистично смотрит на эффектные «театры» прошлого, на доблесть гладиатора (Canto IV, Stanza CXXXIX). Его интересуют зрелища и представления, разыгрывающиеся в его воображении (Canto IV, Stanza V).

Для О’Нила эта внутренняя уверенность в превосходстве воображаемого над реальным является ключевой чертой байронического субъекта, но американский драматург не совпадает с Байроном в оценке театрального. Важный элемент о’ниловского действия — театрализация повседневности, которую осуществляют его персонажи. Театральная игра «в домашних условиях» становится средством соз-

дать особый, более привлекательный способ существования (“more beloved existence”, по Байрону). Этот игровой аспект о’ниловского театра зачастую остается без внимания исследователей, поглощенных серьезностью и драматизмом тем американского модерниста.

О’Нилу, в отличие от Байрона, свойственно доверие к лицедейству как средству приближения к себе (не случайно, кстати, сам драматург экспериментировал с множеством театральных стилей, в поисках собственного театрального языка). В отличие от лирического субъекта Байрона, который подозревает все театральное в поверхностном лицедействе, персонаж О’Нила, пусть неосознанно, помещает строфу из «Паломничества» в контекст доверия к (театральной) игре. Актерство превращается в возможный вариант поиска себя, даже если результатом этого поиска оказывается обнаружение собственной нецельности.

Скажем еще об одном смысле байронической маски, который появляется в контексте пьесы. Цитата втягивается в важный для О’Нила «эдипов вопрос». Конфликт поколений, возникающий в пьесах «Страсть под вязами» (1924), «Траур — участь Электры» (1931), «Долгий день уходит в ночь», может принимать в поздней драматургии О’Нила вид поэтического состязания. К примеру, в пьесе «Долгий день...» противостояние актера-отца сыновьям-«поэтам» тематически поддерживается обилием цитат: отец говорит на языке «классика» Шекспира, сыновья обмениваются цитатами из «радикалов» — Ш. Бодлера, А.Ч. Суинберна, О. Уайлда, Э. Даусона.

Подобная ситуация — конфликт, выраженный на уровне интертекстуальных отсылок — повторяется и в интересующей нас пьесе. Байрон втягивается в противостояние, изобретенное О’Нилом. В контексте пьесы он становится оппонентом американского романтика Г.Д. Торо.

В пьесе есть два персонажа, претендующих на обладание «печатью поэта»: помимо Кона Мелоди, это — Саймон Харфорд, жених дочери Мелоди. По сюжету, Саймон, чтобы доказать отцу свою независимость, уходит в лесную глушь, строит там хижину, ведет простую жизнь наедине с природой, пишет книгу о возможности изменить мир. Хотя имя Торо, конечно, не упоминается в пьесе (время действия — 1828 г.), поступок Саймона — это своеобразная вариация на темы «Уолдона», и, что интересно, с точки зрения молодого поколения — именно такой поступок, а вовсе не чтение наизусть лорда Байрона, обнаруживает в персонаже поэтический потенциал. Старый романтический идеал сменяется принципами американского трансцендентализма, и параллельно происходит целый ряд событий: дочь эмигрантов Сара «вливается» в среду янки, культура отцов уступает культуре детей, а американское словно освобождается от

английского. Правда, согласно пессимистичной логике О'Нила, оба персонажа, отмеченные «печатью поэтического» оказываются едва ли жизнеспособны на американской почве.

О'Нил создает систему зеркальных отражений, специфически театральные возможности для диалога с классической поэмой. Приспосабливая словесный текст для решения мизансценических задач, О'Нил парадоксальным образом размышляет о возможностях для модернистского театра репрезентировать то, что невыразимо словами, — все воображаемое, невидимое, внутреннее. Поэтический фрагмент является важной частью стратегии — представить в театре воображаемое.

Список литературы

1. *O'Neil* Ю. Душа поэта // О'Нил Ю., Уильямс Т. Пьесы: сборник. М., 1985. С. 343–430.
2. *Fischer-Lichte* E. *The Semiotics of Theater*. Bloomington (IN), Indianapolis (IN), 1992.
3. *Granqvist* R. *Imitation as Resistance: Appropriation of English Literature in 19th century America*. Madison (NJ); Teaneck (NJ); L., 1995.
4. *Lord Byron*. *Childe Harold's Pilgrimage*. N. Y., 2014.
5. *O'Neill* E. *A Touch of the Poet*. New Haven (Ct.), L., 1978.
6. *Schechner* R. *Performance Studies: An Introduction*. L.; N.Y., 2003.

Polina Rybina

AN IMAGINARY THEATRE: THE ART OF MISE-EN-SCÈNE IN LORD BYRON'S *CHILDE HAROLD'S PILGRIMAGE* AND THE PLAYS OF E. O'NEILL

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991

The article discusses an intriguing case of intertextual dialogue which demonstrates why analysis of space structures in verbal texts is significant. American modernist E. O'Neill, influenced by European turn-of-the-century playwrights, embraces his reading experiences to experiment with space in dramatic texts. The article maintains that O'Neill discovers in Lord Byron's classic *Childe Harold's Pilgrimage* a specific type of mise-en-scène construction, a model of an *imaginary theatre*, which becomes a starting point for his own experiments with space in the play *A Touch of the Poet*. The article further explores how the context of O'Neill's modernist play appropriates Byron's *imaginary theatre* to actualize meanings crucial for understanding O'Neill in general. O'Neill's central themes include:

the gap between generations (read through Oedipal tensions), tragic unmasking of the American dream, collapse of the new idealism of the young, searching for alternative systems of values. The paper examines how these themes are represented through particular *mise-en-scène* techniques in *The Touch of the Poet*. The article demonstrates that the chosen approach to O'Neill's play allows for generalizations about the role of space structures in verbal texts. An imaginary space (*an imaginary theatre*) becomes a key to basic forms of narrative comprehension and profound comprehension of reality.

Key words: theatre *mise-en-scène*; theatre space; theatre of the 20th century; drama of the American modernism; E. O'Neill; Lord Byron.

About the author: *Polina Rybina* — PhD in Philology, Senior Teaching Fellow, Department for Discourse and Communication Studies, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: rybina_polina@mail.ru).

References

1. O'Neill E. *Dusha poeta* [A Touch of the Poet]. In: O'Neill E., Williams T. *Piesy: sbornik* [Collected Plays]. Moscow: *Raduga*, 1985, S. 343– 430. (In Russ.)
2. Fischer-Lichte E. *The Semiotics of Theater*. Bloomington (IN), Indianapolis (IN): *Indiana UP*, 1992, 336 p.
3. Granqvist R. *Imitation as Resistance: Appropriation of English Literature in 19th century America*. Madison (NJ), Teaneck (NJ); L.: *Fairleigh Dickinson UP*, 1995, 305 p.
4. Lord Byron. *Childe Harold's Pilgrimage*. N.Y.: *Harper Perennial*, 2014, 155 p.
5. O'Neill E. *A Touch of the Poet*. New Haven (Ct.), L.: *Yale UP*, 1978, 182 p.
6. Schechner R. *Performance Studies: An Introduction*. L., N.Y.: *Routledge*, 2003, 359 p.

Ю.Д. Бурмистрова

**«РУССКИЙ ЕВРОПЕЕЦ» И.С. ТУРГЕНЕВ:
К ВОПРОСУ О ПУБЛИКАЦИИ «СТИХОТВОРЕНИЙ
В ПРОЗЕ» ВО ФРАНЦИИ**

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991, г. Москва, Ленинские горы, 1*

На протяжении всей своей жизни И.С. Тургенев много размышлял о сходстве и различиях русского человека и европейца, что нашло отражение и в его творческой деятельности. Тщательно подходя к изданию своих произведений за рубежом, писатель порой вносил правку в текст оригинала, руководствуясь, вероятно, своими представлениями о различиях в национальной рецепции. Так, французское прижизненное издание «Стихотворений в прозе», опубликованное в декабре 1882 г., имеет ряд существенных отличий от русского в количестве и организации миниатюр в цикле. Кроме того, разнится и расположение «стихотворений» в изданиях. По указанию Тургенева, в основу русского цикла лег «хронологический» принцип, однако автографы и письма писателя демонстрируют, что он очень внимательно относился к вопросу расположения миниатюр относительно друг друга, порой сознательно изменяя оригинальные даты. Неясным остается принцип циклообразования во французском издании: здесь дата создания не влияет на расположение «стихотворения» в тексте. Вероятно, изменения во французском цикле «*Senilia*» продиктованы попыткой Тургенева преодолеть стереотипные представления о русской культуре, существующие у французских читателей. Прекрасно осознавая предвзятое отношение европейцев к русской литературе, которую даже образованные друзья—литераторы писателя считали вторичной и несравнимой с собственно европейской, Тургенев адаптирует свои «Стихотворения в прозе» под французское восприятие, не только исключая некоторые тематические ряды, но также изменяя и общую тональность цикла за счет иных дополнительных смыслов, возникающих на стыке миниатюр. Но, несмотря на различия в изданиях, французское издание «*Senilia*» подчиняется общему замыслу писателя, что выразилось в тщательном поиске Тургеновым оптимальной формы цикла.

Ключевые слова: И.С. Тургенев; «Стихотворения в прозе»; «*Senilia*»; французское издание; цикл; принцип циклообразования; ложная хронология; национальная рецепция; авторский перевод; иноязычное издание.

Бурмистрова Юлия Дмитриевна — аспирант кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: tweessa@gmail.com).

Тургенев, проведя значительную часть своей жизни за пределами Российской империи, имел возможность близко познакомиться с европейским мышлением и образом жизни западного человека, что оказало немалое влияние на его последующую «пропагандистскую» [Алексеев, 1989: 268–304] литературную деятельность. С 1840-х годов писатель занимается популяризацией русской литературы на Западе (в частности, во Франции), оказывая содействие в переводе и издании русских произведений за рубежом как с помощью своих коллег на литературном поприще, так и лично. Тургенев познакомил европейских читателей с творчеством Пушкина, Гоголя, Толстого, Гончарова, Островского и других русских писателей. При этом он уделял внимание не только точности перевода, но и актуальности произведений для иностранных читателей, у которых «долгий опыт развил вкус и чутье фальши»¹ [Тургенев, 1968, т. 13, кн. 1: 121].

Также внимательно подходил Тургенев и к изданию своих произведений за рубежом, порой редактируя заглавия (например, на английском роман «Отцы и дети» был опубликован под названием “Fathers and Sons”, т.е. дословно — «Отцы и сыновья», а «Дворянское гнездо» — под названием “Liza”) или оригинальный текст при переводе. Так, французское издание «Стихотворений в прозе» было напечатано в 25 и 26 номерах журнала “Revue politique et littéraire” в декабре 1882 г. одновременно с русским текстом “Senilia”, но с некоторыми значительными изменениями в организации цикла, которые были продиктованы не в последнюю очередь различиями в восприятии русского и европейского читателя. Во французское издание вошли только 30 миниатюр из 50, напечатанных в «Вестнике Европы». При этом 20 не включенных «стихотворений» (или 21, если учитывать «Порог», который планировался к публикации в русских «Стихотворениях», но был исключен ввиду цензурных соображений) были не просто удалены — сама структура цикла была также изменена.

Исключение ряда миниатюр способствовало изменению эмоциональной тональности цикла, а также спектра затронутых тем и мотивов. Анализируя русское издание «Стихотворений», Л.П. Гроссман классифицирует миниатюры на основе так называемых смысловых триптихов, которые отражают основные тематические блоки творчества Тургенева в целом [Гроссман, 1928: 95–98]. Следуя логике ученого, можно отметить, что во французском издании пропадает лишь один триптих — «Житейская пошлость», а наиболее незаконченными

---

¹ См. письмо к И.Н. Крамскому от 6 декабря (24 ноября) 1882 г. Здесь и далее письма И.С. Тургенева цитируются по следующему изданию с указанием фамилии автора, года издания, номера тома и страницы: *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Т. 13: Письма. М., 1960–1968.

(отсутствуют два из трех «стихотворений») оказываются «Россия», «Безверие», «Старость», «Три драмы» и «Три портрета». При этом полностью сохраняются только 4 триптихов из первоначальных 15, выделенных исследователем: «Природа», «Любовь», «Благодетельность» и «Три сатиры». Таким образом, во французском издании жизнеутверждающие мотивы оказываются более развитыми по сравнению с элегическими. В то же время эмоциональный тон французского цикла вернее тяготеет к пессимистическому, так как если русское издание открывается миниатюрой «Деревня», а закрывается «Русским языком» — оптимистическими, умиротворяющими «стихотворениями», то французское — наоборот, фокусируется на «старческих» мыслях писателя: французский цикл начинается с миниатюры «Разговор», а заканчивается «стихотворением» «Враг и друг».

Различный эмоциональный тон циклов во многом обусловлен разным расположением миниатюр в русском и во французском изданиях, что порождает новые добавочные смыслы на «стыке» «стихотворений» [Дарвин, Тюпа, 2001: 31]. В таком случае продуктивным кажется проследить логику Тургенева при отборе и расположении миниатюр в циклах. По заверению писателя, в русском оригинале тексты были напечатаны в «хронологическом порядке» [Тургенев, 1968, т. 13, кн. 2: 116]²: в «Вестнике Европы» каждую миниатюру сопровождала дата создания — месяц и год. Считается, что проблемы выбора текстов для публикации не было: Тургенев лишь откинул все «личные» и «интимные» вещи. Однако известно, что у ряда миниатюр в наборной рукописи дата не совпадает с оригинальной, указанной в черновых и беловых автографах писателя [Алексеев, 1982: 442–529].

На наш взгляд, изменение датировки миниатюр было сделано автором намеренно, чтобы сохранить т.н. хронологический принцип циклизации. Очевидно, что у Тургенева была своя циклообразовательная стратегия, а хронология оставалась важным, но внешним указателем на единство и последовательность текстов. Например, у миниатюры «Житейское правило» в черновом автографе дата была «октябрь 1882», а в печати — уже «апрель 1878». Примечательно, что это «стихотворение» Тургенев отправил редактору «Вестника» М.М. Стасюлевичу отдельно с комментарием, что оно должно быть опубликовано вместо изъятого по цензурным соображениям «Порога», но не просто заменено им, так как «по тону не подходит к прочим» [Тургенев, 1968, т. 13, кн. 2: 67]³. Данное утверждение дополнительно подчеркивает тщательный подход писателя к ор-

² См. письмо к Д.В. Григоровичу от 3 (15) декабря 1882 г.

³ См. письмо к М.М. Стасюлевичу от 13 (25) октября 1882 г.

ганизации своего цикла, скрываемый за видимым безразличием к его судьбе. Состав цикла также широко варьировался в различные периоды работы писателя над публикацией своих «Стихотворений в прозе»: от 40, первоначально отправленных в «Вестник Европы», до 83, найденных в беловом автографе писателя (Slave 96).

Кроме того, некоторые миниатюры в черновом автографе не были датированы (например, «Пир у Верховного существа»), однако, расположение «стихотворений» относительно друг друга в первых черновых набросках писателя позволяет восстановить их возможные даты написания и проследить, были ли они изменены при печати. Таким образом, на наш взгляд, порядок следования миниатюр в цикле нельзя считать исключительно хронологическим, а их выбор — произвольным, на чем настаивал и сам писатель в своих письмах⁴, и ряд исследователей в последующих научных работах⁵. Очевидно, что Тургенев уделял много внимания вопросу «согласия» миниатюр между собой, долго работая над циклической структурой своего текста.

Обозначенные изменения в структуре цикла в русской его публикации, сделанные по решению Тургенева, указывают на долгий процесс поиска оптимального варианта расположения миниатюр. Именно поэтому представляется целесообразным рассмотреть французское издание «*Senilia*», где «стихотворения» имеют совершенно иной порядок. Здесь только у трех миниатюр («Собака», «Деревня» и «Маша») указана дата написания, которая совпадает с русским изданием, но не влияет на их месторасположение при публикации, т.е. во французском издании «хронологический» принцип снимается. Интересны те случаи, когда тексты меняются местами в циклах:

---

⁴ Так, в письме к Д.В. Григоровичу от 3 (15) декабря 1882 г. Тургенев пишет: «Я никакого выбора не делал; я только откинул все личные, автобиографические, которые я никому не читал и не прочту <...>. Следовательно, и Стасюлевич не мог выбирать, а что касается до размещения, то он [М.М. Стасюлевич. — Ю.Б.] просто придержался хронологического порядка» [Тургенев, 1986, т. 13, кн. 2: 116].

⁵ Некоторые исследователи долгое время полагали, что цикл, напечатанный в «Вестнике Европы», не является собственно авторским и даже о том, что «лучше не говорить о сознательной работе Тургенева, направленной на создание цикла», на основе замечаний М.М. Стасюлевича о хронологическом порядке печати, а также того факта, что десять дополнительно отправленных писателем «стихотворений» были размещены в цикле редактором, а не самим автором. См.: *Zöldhelyi-Deák Zc.* К проблеме жанровых особенностей и циклизации «Стихотворений в прозе» И.С. Тургенева // *Litteraria humanitas. Genologické studie.* Brno, 1993. P. 343.

Очевидно, с учетом всего ранее отмеченного в настоящей статье нельзя в полной мере согласиться с данными идеями. Нам представляется, что Тургенев тщательно и кропотливо работал над созданием своего цикла, вновь и вновь возвращаясь и к его заглавию, и к составу, и к расположению миниатюр внутри циклического единства.

например, русское издание открывается миниатюрами «Деревня» и «Разговор», а французское — наоборот, с «Разговора» и «Деревни». Первое «стихотворение» во многом задает тон всему циклу, так что для Тургенева, очевидно, было важно сразу обозначить тему и настроение цикла. И здесь он ориентировался на разных читателей — русского и французского.

В данной связи примечательно и то, что при публикации своего другого цикла — «Записок охотника» — во Франции в 1858 г. Тургенев также изменяет расположение рассказов (сохраняя тем не менее состав). Изменения в порядке этого французского издания были продиктованы во многом опытом первого перевода «Записок» на французский язык Э. Шаррьера (1854), в котором акцент ставился на политических вопросах (в частности, положение крепостных крестьян и жестокости дворян) [Алексеев, 1989: 207–267]. На наш взгляд, именно поэтому в последующем переводе 1858 г. И. Делаво, который Тургенев курировал лично, писатель стремился несколько уйти от социальной проблематики цикла, фокусируясь на жизни в русской деревне в целом (так, в последних шести рассказах цикла крестьянский вопрос фактически отходит на второй план). Примечательно, что иное расставление акцентов для иноязычных читателей Тургеновым было предпринято за счет другого положения рассказов без изменения их количества или содержания.

Очевидно, писателю приходилось осторожно подходить к публикациям своих произведений за рубежом и ввиду бытующего во французском восприятии стереотипа о «дикости» и «вторичности» русской культуры и литературы: то, что для русского читателя могло быть в новинку, для европейца уже могло утратить свою актуальность. Об этом, например, пишет П. Мериме в письме от 23 мая 1863 г. к издателю Ж. Шарпентье (именно этим письмом открывалось французское издание «Отцов и детей»): «Vous savez, monsieur, que depuis longtemps la Russie emprunte à l'Occident ses modes et ses idées: ce sont des modes aussi, bien souvent. <...> Naguère on pensait à Saint-Pétersbourg d'après Hegel; présentement c'est Schopenhauer qui a la vogue. Les adeptes de Schopenhauer prêchent l'action, parlent beaucoup et ne font pas grand' chose, mais l'avenir, dissent-ils, leur appartient»⁶ [Mérimée, 1932: 235–236]. Этим комментарием, кроме прочего, может быть обусловлено исключение из французского издания «Senilia» ряда миниатюр-размышлений на шопенгауэровские темы

---

⁶ «Вы знаете, сударь, что уже долгое время Россия заимствует от Запада свою моду и идеи: и даже сейчас такая традиция сохраняется довольно часто. <...> Еще недавно в Петербурге жили идеями Гегеля; сейчас же в моде Шопенгауэр. Адепты Шопенгауэра проповедуют действие, много говорят и не делают ничего великого, но утверждают, что будущее за ними» (пер. с фр. яз. — Ю.Б.).

(«Роза», «Necessitas, Vis, Libertas (Барельеф)», «Старик», «Камень» и «Завтра! Завтра!»).

Схожую точку зрения уже непосредственно по отношению к Тургеневу высказывает и французский писатель М. Баррес в своей статье-отклике на книгу «Русский роман» М. Вогюэ⁷ в феврале 1886 г.: “Hier on le [Tourguenief] tenait pour un barbare, encore qu’il fréquentat tous les salons d’Europe; aujourd’hui on le dédaigne comme occidental. Il n’est pas assez Russe, lui, le maître de Tolstoï!”⁸ [Barrès, 1886: 126]. Возможно, такое отношение к русской культуре — одна из причин, побудивших писателя тщательно пересмотреть цикл “Senilia” перед публикацией во французском журнале.

В заключение необходимо отметить, что, несмотря на все различия изданий, французский текст в целом подчиняется общему замыслу писателя, воплощенному при помощи особой жанровой и циклической организации. В связи с этим представляет интерес письмо Тургенева от 3 (15) декабря 1882 г. Д.В. Григоровичу, в котором писатель комментирует ситуацию с публичными чтениями отрывков из повести «Клара Милич. После смерти»: «Повесть эта может иметь какое-нибудь значение только в целом своем виде; а публике пришлось судить о достоинстве бюста по отбитому носу» [Тургенев, 1968, т. 13, кн. 2: 116]. Вероятно, к своим «Стихотворениям в прозе» Тургенев относился схоже, воспринимая цикл как единое, цельное и завершённое произведение, что привело к тщательной организации миниатюр в издании и даже к значительному изменению их первоначального порядка (правда, искусно скрываемого). В то же время авторское обращение к читателям, которое присутствовало и в русском, и во французском издании, предполагает известную долю читательской свободы в формировании и прочтении цикла. Таким образом, читатели могли либо пойти по пути Тургенева, приняв его структуру и его «мелодию», либо же выбрать свою дорогу и свое видение цикла, которое окажется созвучно их настроениям в конкретный момент времени.

Список источников и литературы

1. *Алексеев М.П.* Русская литература и ее мировое значение. Л., 1989.

---

⁷ Подробнее о Тургеневе в книге «Русский роман» Э.-М. де Вогюэ см.: *Гальцова Е.Д.* Между «русской модой», культурными стереотипами и «реализмом-любовью»: И.С. Тургенев в книге Э.-М. де Вогюэ «Русский роман» // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология.* 2018. № 6. С. 190–202.

⁸ «Вчера его [Тургенева] считали варваром, хотя он часто посещал всевозможные салоны Европы; сегодня же его признают европейцем. Он уже кажется недостаточно русским, он, учитель Толстого!» (пер. с фр. яз. — Ю.Б.).

2. *Алексеев М.П.* Стихотворения в прозе. Комментарии // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. Т. 10 [под ред. М.П. Алексеева и др.]. М., 1982.
3. *Гальцова Е.Д.* Между «русской модой», культурными стереотипами и «реализмом-любовью»: И.С. Тургенев в книге Э.-М. де Воюэ «Русский роман» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2018. № 6. С. 190–202.
4. *Гроссман Л.П.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 3. М., 1928.
5. *Дарвин М.Н., Тюпа В.И.* Циклизация в творчестве Пушкина: Опыт изучения поэтики конвергентного сознания. Новосибирск, 2001.
6. *Ляпина Л.Е.* Циклизация в русской литературе XIX века. СПб., 1999.
7. И.С. Тургенев в воспоминаниях современников: В 2 т. / Под ред. В.Э. Вацура и др., сост. и подгот. текста С.М. Петрова, В.Г. Фридлянда. М., 1983.
8. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. М., 1960–1968.
9. *Barrès M.* La mode russe // La revue illustrée. Paris, 1886. P. 123–126.
10. *Mérimée P.* Études de littérature russe: In 2 vol./Introduct. et notes par H. Mongault. Paris, 1932.
11. *Zöldhelyi-Deák Zs.* К проблеме жанровых особенностей и циклизации «Стихотворений в прозе» И.С. Тургенева // Litteraria humanitas. Genologické studie, Brno, 1993. P. 335–345.

Yulia Burmistrova

**‘RUSSIAN EUROPEAN’ I.S. TURGENEV:
PUBLICATION OF ‘POEMS IN PROSE’ IN FRANCE**

*Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Throughout his life, Ivan Turgenev often contemplated differences and similarities between Russians and Europeans and he reflected his observations in his works. He paid a lot of attention to the publications of his works across the world and sometimes even made certain amendments in foreign editions. The French lifetime edition of ‘Poems in prose’ was thus organized. It has some significant quantitative changes in the poems and cycle organization. Moreover, the position of the poems is different. The Russian edition is said to be based on the co-called ‘chronological’ principle. However, the author’s autographs show that the positions of the poems within the cycle is crucial to Turgenev. This leads to deliberate alteration of the dates of the original poems in some cases. As regards the French lifetime edition, the cycle-forming principle remains unclear: the written date here doesn’t indicate positioning of the poems. The changes of the French ‘Senilia’ can

be determined by the Turgenev's attempt to overcome the existed clichés of the Russian culture in the minds of French readers. The writer understood the bigoted relation of the Europeans towards the Russian literature which was considered as secondary and non-comparable to the European one even by the Turgenev's well-educated friends and colleagues. The author adjusted his 'Senilia' to the French reader's reception by excluding the several themes and motives and also changing the general emotion of the cycle due to the new additional senses appeared by the poems' joints. However, despite all the differences the French cycle is subject to the author's initial idea which is expressed in Turgenev's long-lasting search for the best cycle form.

Key words: I.S. Turgenev; 'Poems in prose'; 'Senilia'; French edition; cycle; cycle-forming principle; false chronological principle; national perception; author's translation; foreign edition.

About the author: *Yulia Burmistrova* — PhD Student, Department of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: tweeca@gmail.com).

References

1. Alekseev M.P. *Russkaya literatura i ee mirovoe znachenie*. [Russian literature and its place in the world] Leningrad, *Nauka Publ.*, 1989. 418 p. (In Russ.)
2. Alekseev M.P. "Stihotvorenij v proze". *Kommentarii*. ["Poems in prose". Notes] I.S. Turgenev Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 30 t. Sochineniya: V 12 t. T. 10 [Complete works and letters: In 30 vol. Works: In 12 vol. Vol. 10]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1982, pp. 442–529. (In Russ.)
3. Gal'cova E.D. *Mezhdru "russkoj modoj", kul'turnymi stereotipami i "realizmom—lyubov'yu": I.S. Turgenev v knige E.-M. de Vogyueh "Russkij roman"* [Between "Russian fashion", cultural stereotypes and "realism-love": I.S. Turgenev in E.-M. de Vogue's "Russian novel"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 9. Filologiya* [Moscow University Bulletin. Series 9. Philology], 2018, № 6, pp. 190–202. (In Russ.)
4. Grossman L.P. *Sobranie sochinenii: V 5 t. T. 3* [Collected works: In 5 vol. Vol. 3]. Moscow, *Sovremennye problemi Publ.*, 1928. 254 p. (In Russ.)
5. Darvin M.N., Tyupa V.I. *Ciklizaciya v tvorchestve Pushkina: Opyt izucheniya poehtiki konvergentnogo soznaniya* [Cycles in Pushkin's works: studying the poetic manner of convergent mind]. Novosibirsk, *Nauka Publ.*, 2001. 292 p. (In Russ.)
6. Lyapina L.E. *Ciklizaciya v russkoj literature XIX veka* [Cyclization in Russian literature of XIX century]. Saint-Petersburg, *NII himii SPbGU Publ.*, 1999. 281 p. (In Russ.)
7. *S. Turgenev v vospominaniyah sovremennikov: V 2 t. T. 2* [Turgenev I.S. in contemporaries' memories: In 2 vol. Vol. 2]. Ed. by V.E. Vatsuro and others, iss. and prep. by S.M. Petrov, V.G. Fridlyand. Moscow, *Hudozhestvennaya literatura Publ.*, 1983. 557 p. (In Russ.)

8. Turgenev I.S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 28 t. Pis'ma: V 13 t.* [Complete works and letters: In 28 vol. Letters: In 13 vol.]. Moscow, Nauka Publ., 1960–1968. (In Russ.)
9. Barrès M. La mode russe. *La revue illustrée*, 1886, pp. 123–126.
10. Mérimée P. *Études de littérature russe. In 2 vol. Vol. 2.* Introd. et notes par Henri Mongault. Paris, Gründ Publ., 1932. 605 p.
11. Zöldhelyi-Deák Zs. K probleme zhanrovyh osobennostej i ciklizacii “Stihotvorenij v proze” I.S. Turgeneva. [To the issue of genre’s and cycle’s peculiarities in Turgenev’s “Poems in prose”] *Litteraria humanitas. Genologické studie*, 1993, pp. 335–345.

П.А. Макарова

БАРБЕ Д'ОРЕВИЙИ — ЧИТАТЕЛЬ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

*Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»,
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Статья посвящена деятельности французского писателя Ж. Барбе д'Оревиийи в качестве литературного критика. Предметом анализа являются три его критические статьи, посвященные русской литературе (творчеству Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Гоголя). Данные тексты ранее не становились объектом специального исследования, а две из трех рецензий никогда не переводились на русский язык. В статье исследуется восприятие русской литературы «неподготовленным» французским читателем, незнакомым с русской культурой, каковым являлся Барбе д'Оревиийи, что позволяет дополнить представление о рецепции русской литературы французской литературной критикой XIX в. Проведенный анализ дает возможность составить представление об особенностях письма Барбе д'Оревиийи как литературного критика, используемых им стилистических приемах и его подходе к литературной критике как таковой. Все три текста являются образцами так называемой *critique de combat* («критика-сражение», «воинственная критика»), популярного во французской печати первой половины XIX в. подхода к написанию литературно-критических текстов, который противостоял набирающей силу «объективной критике». Затрагивается вопрос о восприятии художественного произведения в условиях чтения текста лишь в переводе. Таков случай Барбе д'Оревиийи: крайне вольные переводы произведений русских авторов на французский язык не позволили критику в полной мере оценить подлинное своеобразие анализируемых произведений. Рассматриваются также предпосылки провокационных суждений французского романиста и резкого, язвительного тона его статей, что позволяет выйти за пределы поверхностного восприятия текстов Барбе д'Оревиийи как публицистических, так и художественных, присутствующего на данный момент в отечественном литературоведении.

Ключевые слова: литературная критика; рецепция; *critique de combat*; русская литература; Барбе д'Оревиийи.

Деятельность французского писателя Барбе д'Оревиийи (1808–1889) как журналиста и литературного критика заслуживает внимания

Макарова Полина Александровна — кандидат филологических наук, преподаватель кафедры медиалингвистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: polina.makarova89@gmail.com).

и в контексте изучения творчества романиста, и в рамках исследования взаимодействия журналистики и литературы во Франции XIX в. Наряду с другими писателями этого периода (Бальзаком, Т. Готье, Дюма и др.) Барбе д'Оревиий активно сотрудничал с различными газетами и журналами на протяжении всей жизни. В общей сложности его работа в печати длилась с 1838 по 1889 г. За это время он написал не менее 1300 статей различной направленности: политические статьи; драматические фельетоны; литературные рецензии; хроники; статьи о моде. Особенно интересны литературно-критические статьи, ведь его рецензии охватывают различные периоды истории мировой литературы и целую галерею авторов.

В критических статьях Барбе д'Оревиий обращается и к русской литературе. В рамках сотрудничества с газетой "Le Pays" он пишет три рецензии, посвященные русским авторам: «"Российская империя со времени Венского конгресса" виконта Бомона-Васси. "Русские повести" в переводе господина Шопена» (*"L'Empire russe depuis le congrès de Vienne par le vicomte de Beaumont-Vassy. Nouvelles russes, traduites par M. Chopin"*, опубл. 26 февраля 1854 г.), «"Мемуары русского барина, или Картина современного положения дворян и крестьян в русских провинциях"¹, переведенные с русского господином Эрнестом Шаррьером» (*"Mémoires d'un seigneur russe ou Tableau de la situation actuelle des nobles et des paysans dans les provinces russes, traduit du russe par M. Ernest Charrière"*, опубл. 28 мая 1854 г.), «"Мертвые души" Николая Гоголя в переводе господина Эрнеста Шаррьер» (*"Les Âmes mortes, par Nicolas Gogol traduit par M. Ernest Charrière"*; 13 июля 1859 г.). Позднее первый текст войдет в раздел «Подле большой Истории» сборника «Труды и люди», а два других — в раздел «Иностранная литература» под названиями «Российская империя со времени Венского конгресса» (*L'Empire russe depuis le congrès de Vienne*), «Тургенев» (*Tourgueneff*) и «Гоголь» (*Gogol*) соответственно.

Анализ критических статей Барбе д'Оревиий о русской литературе представляется нам актуальным по нескольким причинам. Во-первых, данные тексты ранее не становились объектом специального исследования французских литературоведов: статья Барбе д'Оревиий о Гоголе фигурирует лишь в контексте изучения рецепции творчества Гоголя во Франции [De Grève, 2018: 174–177]. Аналогичная ситуация наблюдается в отечественном литературоведении [Барбе д'Оревилий, 1936: 257–281; Завгородний, 2016: 31–32]. Что касается статей Барбе д'Оревиий о Тургеневе и творчестве Пушкина и Лермонтова, то они вообще не переведены на русский язык и не

---

¹ Речь идет о «Записках охотника» Тургенева: при переводе Э. Шаррьер изменил название произведения.

привлекали ранее внимание исследователей. Во-вторых, интересно рассмотреть, как воспринимал Россию и, в частности, русскую литературу «неподготовленный» французский читатель XIX в., не знакомый с русской культурой, каковым как раз и являлся Барбе д'Оревиий. Наконец, все три текста были написаны в 1850-х годах: именно в этот период окончательно оформляется характерный стиль критических текстов романиста. Таким образом, анализ данных рецензий позволит составить представление о писательской манере Барбе д'Оревиий-журналиста.

Самая ранняя из рассматриваемых нами статей разбита на две части: в первой — критик высказывает свое мнение о сочинении Бомона-Васси (1853), а во второй — речь идет о нескольких произведениях русских писателей («Герой нашего времени» Лермонтова, «Дубровский» Пушкина, «Каллистен» Фонвизина, «Сохатый» Полевого), переведенных Шопеном и изданных под общим заглавием «Избранные русские повести Лермонтова, Пушкина, Фонвизина, и т.д.» (1853). В первой части Барбе д'Оревиий размышляет о национальном характере России, ее национальной идентичности и национальной истории. В России, по мнению писателя, не существует истории, поскольку не существует нации как таковой. Как можно говорить о национальном характере в стране, где аристократия, цвет нации, по мнению роялиста Барбе д'Оревиий, говорит на французском, а не на русском языке? Стремление подражать Европе — одна из главных особенностей русских — проявляется не только в заимствовании языка, но и в культуре, литературе, нравах [Barbey d'Aurevilly, 2013: 957]. Тезис о подражательном характере русской литературы критик берет за доказательство читателю на примере анализа переведенных Шопеном произведений.

Рассматривая сборник русских повестей, Барбе д'Оревиий обращается лишь к фигурам Пушкина и Лермонтова как единственным более или менее достойным внимания читателя и наиболее известным в России; о Фонвизине и Полевом критик даже не упоминает. Критик совсем не касается содержания «Дубровского» и лишь вскользь затрагивает фабулу «Героя нашего времени», что не соответствует классической рецензии XIX в.: для французской критики этого периода было характерно активное цитирование рецензируемого текста, а также пересказ содержания произведения². Романист же, не уделяя особого внимания разбору самих повестей, сразу переходит к главному своему заключению: «Русские книги, как и русская аристократия, русское правительство <...> слишком сильно жаждут

² Ср. цит. Ш.-О. Сен-Бева: «Ранее критические статьи на книги назывались “Отрывки”; это название по-прежнему актуально: хорошая критика чаще всего ничем другим не является» [La civilisation, 2011: 989].

гнета европейской мысли <...>» [Barbey d'Aureville, 2013: 960]³. Эта идея объединяет все три статьи Барбе д'Оревиий о русской литературе. Так, «Герой нашего времени» — лишь попытка Лермонтова переделать «Рене» Шатобриана, соединив его с помощью «довольно грубого приема подражания» (960) с формой «Мемуаров» лорда Байрона. В целом тема подражания русских писателей европейской литературе — общее место во французской критике этого периода [Lamartine, 1867; Mérimé, 1932; Sainte-Beuve, 1845].

Немного позднее к Барбе д'Оревиий попадают на рецензию «Записки охотника» Тургенева в переводе Шаррьера. Рецензия построена на полемике критика с переводчиком: критик упрекает Шаррьера в самовольной смене названия произведения, сопровождая свои замечания характерной для текстов Барбе д'Оревиий иронией [Barbey d'Aureville, 2008: 971–972]. Полемизирует критик и с введением, составленным Шаррьером. Прямо называя текст «галиматьей», он упрекает переводчика в присвоении социальной и политической направленности произведению Тургенева, хотя, по его мнению, такая направленность в «Записках охотника» совершенно отсутствует. Общий тон рецензии намного доброжелательнее, нежели в двух других рассматриваемых нами статьях. Причина, возможно, кроется в том, что Барбе д'Оревиий не воспринимает сборник Тургенева как серьезное произведение: для него это скорее лишь «миленькая книга» с точными, яркими и очаровательными зарисовками, не масштабное полотно, а набор небольших, разрозненных эскизов.

Творческую манеру Тургенева критик анализирует через параллели и сопоставления с другими авторами мировой литературы, это излюбленный прием Барбе д'Оревиий. Так, Тургенева он сравнивает с Бичер-Стоу, Филдингом, Стерном, Тёпфером, а также с Альфонсом Карром и даже с Кожаным Чулком из цикла Купера. Частое введение в критические тексты подобных параллелей, отголосков, сравнений обусловлено желанием наглядно продемонстрировать единство европейской литературы. В предисловии к разделу «Иностранная литература» своего сборника «Труды и люди» Барбе д'Оревиий прямо заявляет, что вместо понятий «французская литература», «английская литература» и т.д. следует уже употреблять термин «европейская литература», поскольку, за исключением разных языков, которые также скоро сольются в один общий язык, современная литература демонстрирует поразительное единообразие в идеях и манере воспринимать действительность [Barbey d'Aureville, 2008: 881]. Правда, с русской литературой дело обстоит иначе: всё ранее сказанное можно применить ко всем европейским странам «за исключением России,

---

³ Текст цитируется по изданию 2013 г. в нашем переводе. Далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.

искусственной России» [Barbey d'Aureville, 2004: 988]. Потому Тургенев в глазах Барбе д'Оревиийи «Стерн с севера», который, однако, не стоит своего образа, «Филдинг с отдышкой», «Тёпфер более глубокий, но менее чистый» [Barbey d'Aureville, 2008: 974–975]⁴.

Концепция «мировой литературы» истолковывается в критических текстах Барбе д'Оревиийи несколько иначе, чем у Гёте. Если Гёте приветствует приход эры мировой литературы, считая, что каждый должен содействовать скорейшему ее наступлению, то французский романист настроен более пессимистично. Там, где Гёте видит плодотворное взаимодействие и взаимное влияние национальных литератур, Барбе д'Оревиийи отмечает лишь необратимый процесс слияния национальных литератур в «чудовищное единство», являющееся «огромным несчастьем для воображения» [Barbey d'Aureville, 2008: 881]. Был ли знаком французский романист с идеями Гёте? На наш взгляд, безусловно, был. Барбе д'Оревиийи не только читал Гёте, но и написал о творчестве последнего несколько критических статей, которые затем вошли в сборник «Гёте и Дидро» (*Goethe et Diderot*; 1880). Однако на протяжении всего сборника французский критик ни разу даже не упоминает понятие «мировая литература», что вызывает недоумение у читателя, ведь в то же время автор дает подробный разбор различных сторон творчества немецкого писателя (прозы, поэзии, философских взглядов). Как бы то ни было, идеи эти были Барбе д'Оревиийи восприняты и развиты как в критических статьях, так и в литературном творчестве.

Статья о «Мертвых душах» является прекрасным образцом «полемической критики» (*critique de polémique*) XIX в. или, как ее еще называют, *critique de combat* («критика-сражение», «воинственная критика») [La civilisation, 2011], к которой можно отнести практически все критические тексты Барбе д'Оревиийи. В произведении Гоголя Барбе д'Оревиийи видит все то, против чего он восставал на протяжении своей творческой деятельности: стремление к реалистичному воспроизведению действительности, сатиру, морализаторство. Россия Гоголя поражает «величием скучной пошлости» (1277). Барбе д'Оревиийи интуитивно очень тонко почувствовал то, что сам Гоголь отмечал в своем творчестве [Гоголь, 1952: 292–293].

Чичикова Барбе д'Оревиийи рассматривает через сопоставления с Дон Жуаном, Панургом, Скапеном, Вотреном... Сравнения эти оказываются отнюдь не в пользу гоголевского персонажа. В отличие от всех перечисленных героев Чичиков, «бессмертный русский тип» (1279), лишен индивидуальности. Гоголь, по Барбе д'Оревиийи, и не пытался создать героя в полном смысле этого слова: Чичиков — лишь

---

⁴ Текст цитируется по изданию 2008 г. в нашем переводе. Далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.

предлог, чтобы развернуть перед читателем панораму социальной, религиозной, политической жизни России. Все герои «Мертвых душ» плоские и поверхностные, лишённые глубины. Критик обрушивается с упреками на переводчика, в своем предисловии сравнивающего героев Гоголя с персонажами «Человеческой комедии». Ревностный почитатель «беспристрастного и всемогущего» (1280) Бальзака, Барбе д'Оревийи категорически не принимает сравнения Плюшкина со скупцами «Человеческой комедии»: Гобсеком и папашей Гранде. Вдохновленный романтическим этапом творчества Бальзака, он видит в героях последнего (в частности, в Гобсеке) сильных личностей, титанов, бунтарей. Подобные качества в значительной степени свойственны и героям романов самого Барбе д'Оревийи. У Гоголя же черты реализма в образе Плюшкина, его неприглядная пошлость и типичность бросаются в глаза французскому романисту, становясь объектом резкой критики. Интересно, что он принимает, например, типичность Этьена Лусто, характерного журналиста со всеми его пороками, но в то же время отказывается принять Чичикова. Двойственность и подчас непоследовательность критика в своих оценках особенно остро чувствуется в его статье о Гоголе.

Барбе д'Оревийи особенно подчеркивает подражательность дара Гоголя: подобно Сервантесу, Гоголь называет свое произведение поэмой, подобно Байрону, отправляет своего героя в дальнее странствие, подобно Вергилию, сжигает свою рукопись. Подчеркивая отсутствие воображения у Гоголя, французский критик использует в качестве подтверждения своего тезиса цитаты из «Авторской исповеди» последнего, выдергивая фразы из контекста, обращая против автора его же слова: «Впрочем, этот бедняк и сам признается в своем убожестве: “Я никогда не выдумывал из головы”, — пишет он. И дальше: “Для того, чтобы творить, мне требовалось намного больше материала, чем кому-нибудь другому”» (1281). Цитирование у Барбе д'Оревийи — нередко инструмент манипуляции, что органично вписывается в формат “critique de combat”.

Барбе д'Оревийи был против сатиры, яростно сражался с ней в своих критических статьях, потому если юмор Тургенева он воспринимает с симпатией, то «едкий» смех Гоголя, присутствующий и в «Ревизоре», и в «Мертвых душах», подвергает резкой критике⁵. Сатирический смех — «признак умственного недуга», как отмечает французский романист (871).

Важно понимать, что подобная жесткая критика обусловлена тем, что в борьбе против Гоголя Барбе д'Оревийи воюет главным

---

⁵ В пользу смеха Тургенева и против смеха Гоголя высказывался и П. Мериме [Mérimé, 1932: 230–231].

образом с господствующими во французских литературных кругах реализмом и позитивизмом, а также набирающим силу натурализмом. Не принимая эти новые веяния, критик видит своей задачей ведение ожесточенной борьбы с каждым произведением, где они, по его мнению, дают о себе знать. Потому в своих критических статьях он обрушивается на Флобера за его «пошлый» реализм и обменивается колкостями с Золя посредством газетных рецензий. Отсюда часто несправедливые выпады и в адрес автора «Мертвых душ» и его творчества.

Критические тексты Барбе д'Оревиийи всегда неоднозначны и полемичны. Нормандским писателем владело стремление быть уникальным, непохожим на других критиков, желание быть в оппозиции общепринятым взглядам. Этим объясняются нестандартные трактовки и поражающие подчас заключения, которые мы встречаем в его рецензиях, а также сам стиль его текстов — резкий, язвительный и эмоциональный. Что касается статей Барбе д'Оревиийи о русской литературе, то, конечно, поверхностное восприятие французским критиком некоторых сторон творчества Лермонтова, Тургенева и особенно Гоголя очевидно. Однако причиной является не только отсутствие достаточных знаний о России и ее культуре. Качество переводов русских текстов на французский язык, которые вынужден был читать романист, не позволяет как следует оценить достоинства этих произведений. Так, при переводе «Записок охотника» и «Мертвых душ» Шаррьер опускал или, наоборот, добавлял от себя целые абзацы, а в случае поэмы Гоголя еще и присоединил «продолжение», созданное Ващенко-Захарченко в 1857 г. В результате в центре внимания рецензента оказывается не оригинальное произведение, а фантазии переводчика.

Публицистические тексты Барбе д'Оревиийи стоит рассматривать в связке с его художественными произведениями. Темы, затрагиваемые в сборнике «Труды и люди», получают развитие в романах писателя: последние иллюстрируют их и представляют под новым углом, по-новому раскрывают их перед читателем. Эта взаимосвязь заслуживает, на наш взгляд, отдельного внимания исследователей.

Список литературы

1. *Барбе д'Оревиийи Ж.* Николай Гоголь / Примеч. М.П. Алексеева // *Н.В. Гоголь: материалы и исследования: В 2 т. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 257–281.*
2. *Гоголь Н.В.* Четыре письма к разным лицам по поводу «Мертвых душ» // *Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. / АН СССР. ИРЛИ. М.; Л., 1937–1952. Т. 8. 1952. С. 286–299.*

3. *Завгородний А.М.* Поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души» во французской критической рецепции 1840–1880-х гг. // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* Тамбов, 2016. № 8 (62): В 2 ч. Ч. 1. С. 26–34.
4. *Barbey d'Aurevilly J.* L'Empire russe depuis le congrès de Vienne // *Barbey d'Aurevilly. Oeuvre critique / sous la dir. de Glaude P., Mayaux C.* Paris, 2013. Vol. V. P. 953–963.
5. *Barbey d'Aurevilly J.* Oeuvre critique / sous la dir. de Glaude P., Mayaux C. Paris, 2008. Vol. III.
6. *Barbey d'Aurevilly.* Préface // *Barbey d'Aurevilly. Oeuvre critique / sous la dir. de Glaude P., Mayaux C.* Paris, 2004. Vol. I. P. 985–991.
7. *De Grève C.* La Réception de Gogol en France (1838–2009). Paris, 2018.
8. *La civilisation du journal: Histoire culturelle et littéraire de la presse française au XIXe siècle / sous la dir. de Kalifa D., Régnier Ph., Thérenty M.-E., Vaillant A.* Paris, 2011.
9. *Lamartine A. de.* Littérature russe // *Cours familier de littérature: CXXXIII^e Entretien.* Paris, 1867. P. 5–79.
10. *Mérimé P.* Etudes de littérature russe. II. Paris, 1932.
11. *Sainte-Beuve Ch.-A.* Nouvelles russes, par M. Nicolas Gogol // *Revue des deux mondes.* T. 12. 1845. P. 883–889.

Polina Makarova

BARBEY D'AUREVILLY, A READER OF RUSSIAN LITERATURE

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The paper discusses the activity of French novelist J. Barbey d'Aurevilly as a literary critic, focusing on his three reviews on Russian literature. The texts have never been the object of detailed study and two of them have never been translated into Russian. The paper analyzes the perception of Russian literature by an unsophisticated reader who knows little of the Russian culture, like Barbey d'Aurevilly. It amplifies how Russian literature was received by nineteenth-century French literary criticism. It examines the peculiar style of Barbey d'Aurevilly's writing by pinpointing the techniques used in his critical reviews. The three texts belong to the so-called *critique de combat* ("combat criticism"), a very popular mode of writing a critical review in the nineteenth-century French press as opposed to the "objective criticism" which begins to gain strength during this period. It explores the question of how a work of verbal art is perceived by a critic when he reads it only in translation. The grounds for provocative judgments of the critic and the sharp, caustic tone of his papers are also considered, which enables us to go beyond the surface perception of Barbey d'Aurevilly's texts, both journalistic and artistic, prevailing in contemporary Russian literary criticism.

Key words: literary criticism; reception; critique de combat; Russian literature; Barbey d'Aurevilly.

About the author: *Polina Makarova* — PhD in Philology, Teaching Fellow, Department of Media Linguistics, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University (e-mail: polina.makarova89@gmail.com).

References

1. Barbey d'Aurevilly J. *Nikolaj Gogol* [Nikolai Gogol]. Notes by M.P. Alekseev. In *N.V. Gogol: materials and studies*. Moscow-Leningrad, *AS of USSR Publ.*, 1936, vol. 1, pp. 257–281. (In Russ.)
2. Gogol N.V. *Chetyre pis'ma k raznym licam po povodu «Mertvyh dush»*. [Four Letters to Divers Persons Apropos Dead Souls] In Gogol N.V. *Polnoe sobranie sochinenij* [Collected works]. Moscow-Leningrad, *AS of USSR Publ.*, 1952, vol. 8, pp. 286–299. (In Russ.)
3. Zavgorodnii A.M. *Poehma N.V. Gogolya «Mertvye dushi» vo francuzskoj kriticheskoj recepcii 1840–1880-h gg.* [N.V. Gogol's poem “Dead Souls” in the French critical reception of the 1840–1880s]. *Filologicheskie nauki. voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice] Tambov, *Gramota Publ.*, 2016, № 8 (62), part 1, pp. 26–34. (In Russ.)
4. Barbey d'Aurevilly J. *L'Empire russe depuis le congrès de Vienne*. [Russian Empire since the Congress of Vienna] Paris, *Belles Lettres Publ.*, 2013, vol. V, pp. 953–963.
5. Barbey d'Aurevilly J. *Oeuvre critique*. [Critical works] [publ. by Glaude P., Mayaux C.]. Paris, *Belles Lettres Publ.*, 2008, vol. III. 1260 p.
6. Barbey d'Aurevilly J. *Préface* [Preface]. In Barbey d'Aurevilly. *Oeuvre critique*. [Critical works] [publ. by Glaude P., Mayaux C.]. Paris, *Belles Lettres Publ.*, 2004, vol. I, pp. 985–991.
7. De Grève C. *La Réception de Gogol en France (1838–2009)* [The Reception of Gogol in France (1838–2009)]. Paris, *Classiques Garnier Publ.*, 2018. 628 p.
8. *La civilisation du journal: Histoire culturelle et littéraire de la presse française au XIXe siècle*. [The Civilization of the paper: Cultural and literary history of the French press in the XIXth century] [publ. by Kalifa D., Régner Ph., Thérenty M.-E., Vaillant A.]. Paris, 2011. 1762 p.
9. Lamartine A. de. *Littérature russe*. [Russian literature] In *Cours familier de littérature: CXXXIII^e Entretien*. Paris, 1867, pp. 5–79.
10. Mérimé P. *Etudes de littérature russe II*. [Studies of Russian Literature II] Paris, *H. Champion Publ.*, 1932. 607 p.
11. Sainte-Beuve Ch.-A. *Nouvelles russes, par M. Nicolas Gogol*. [Russian stories by Nikolai Gogol] *Revue des deux mondes*, t. 12, 1845, pp. 883–889.

Н.М. Хачатрян

ДИХОТОМИЯ ДОБРА И ЗЛА В «ДЬЯВОЛЬСКИХ ПОВЕСТЯХ» БАРБЕ Д'ОРЕВИЙИ

Ереванский государственный университет языков и социальных наук им. Брюсова 0002, Ереван, ул. Туманяна, д. 42

В «Дьявольских повестях» Ж. Барбе д'Оревиийи проявляется типичное для писателя-аристократа неприятие современной ему буржуазной «*материальной реальности*»: с одной стороны он воскрешает в своих произведениях идеалы старого мира, с другой — сознает бессмысленность своих усилий, ставшей причиной его пессимизма. Тем не менее эта реальность становится для Барбе питательной средой, отправной точкой и фоном для развития действия, для описания «дьявольских» страстей своих героев. Реалистические описания, таким образом, сочетаются с романтической экзальтацией, изображением уродливого.

Герои «Дьявольских повестей» — неординарные, эксцентричные люди, они живут в мире, где правит Зло, поэтому и чувства их не могут быть понятными и добрыми. Безумным «дьявольским» страстям, достигающим в повестях Барбе своего пароксизма, особенно подвержены женщины, что представляется авторской интерпретацией известного библейского эпизода, продолжением и развитием таинственной связи Дьявола и Евы. По мнению Барбе, моральная сущность человека определяется невозможностью стереть изначально наложенную печать грехопадения. В связи с этим все свои представления о жизни, отношениях, целях людей он рассматривает в контексте *Дьявол — человек — Бог*.

Парадоксальность религиозной позиции Барбе проявляется в попытке доказать истинность веры в Бога через Дьявола, т.е., изображая ужасное, он предлагает читателю определить эстетические и этические границы Добра и Зла.

Ключевые слова: Барбе д'Оревиийи; «Дьявольские повести»; Добро; Зло; возвышенное; гротеск.

«Вечная» проблема добра и зла, экзистенциальное и этическое ее содержание волнует человечество на протяжении всей его истории. Однако, «*несмотря на различия в отдельных концепциях, обращает на*

Хачатрян Наталья Михайловна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой мировой литературы и культуры Ереванского государственного университета языков и социальных наук им. Брюсова (e-mail: foreignlit@brusov.am, nathalie@web.am).

себя внимание общих контекст, который обеспечивал преемственность в решении проблемы добра и зла» [Цепелева, 2005].

Противопоставление и признание единства Добра и Зла, на которых «базируется мораль как сфера общественной жизни и феномен культуры» [Цвык, 2017: 293], отражались в мифологии, религии, философии, литературе, хотя в представлениях о дихотомии этих понятий в зависимости от эпох, мировоззрений, художественных направлений и субъективных подходов изменялись акценты, попытки объяснения существования Зла «свободной волей», участием сверхъестественных сил, человеческой деятельностью.

В данной статье мы попытаемся на примере анализа шести «*Дьявольских повестей*» Барбе д'Ореви́и (*Jules Amédé Barbey d'Aureville, 1898–1889*) сформулировать особенности осмысления проблемы Добра и Зла в эстетике и этике французского неоромантизма.

Унаследовав многие черты романтизма начала века, неоромантики, однако, не пытались бежать от действительности в вымышленный идеальный мир. Разочарованные во враждебной действительности они тем не менее принимали ее. Но при этом они развили и углубили романтическое сомнение в благости Бога: если Бог допускал, чтобы мир являлся средоточием Зла, то он был либо бессилен против него, либо принимал участие Дьявола в миропорядке. В связи с этим французу второй половины XIX столетия, тем более — аристократу, беззащитному перед непознаваемой, загадочной действительностью, оставалось самому определять ориентиры: с одной стороны — воспоминание о нравственных категориях Добра и Справедливости, все еще ассоциируемых с идеей Бога, с другой — более реальное Зло, ассоциируемое с идеей Дьявола. Перед этим выбором человек оказывался одиноким, вверяя себя року и освобождая себя от ответственности.

В контексте вечной проблемы Добра и Зла обсуждаются и основные темы «*Дьявольских повестей*» Барбе д'Ореви́и: страсть, адюльтер, убийство, месть. По убеждению Барбе, в основе природы человека лежат двойственность, причудливое переплетение Добра и Зла, человеческая душа воспринимается им как «*театр ожесточенной безнадежной битвы между Добром и Злом*» [Вогнескуе, 2019: 61]. При этом Зло, присущее человеку, тщательно им скрывается, маскируется внешней добротой, лицемерной добропорядочностью.

Сборник '*Les diaboliques*' на русский язык дословно не переводится, поэтому издания разных лет выходили под названиями «Лики дьявола», «Дьявольские маски», «Дьявольские повести». По мнению Т. Соколовой, название '*Les diaboliques*' буквально «означает “дьявольские создания”, а еще точнее — “дьяволицы”, ибо подразумеваются женщины — героини всех шести повестей, составляющих цикл» [Соко-

лова, 2014]. Мы считаем, что носительницы дьявольского (*diabolique*) начала в повестях — не только героини: дьявольское проявляется во всей трагической атмосфере, в нравственной патологичности героев, в греховной, дисгармоничной реальности.

Изначально сборник должен был называться «Рикошеты беседы» (*Ricochets de conversation*). По свидетельству Филиппа Бертье, в него должны были войти еще новеллы «Между адюльтерами», «Старейшины страны любви», «Мадам Генрих Ш», «Подпольный акушер», однако они не были опубликованы и, «*видимо, не сохранились*» [Berthier, 1978: 305].

В первой редакции сборник вышел в 1874 г. и немедленно вызвал скандал, Барбе был обвинен в оскорблении общественной морали. Хотя в предисловии автор пытался представить сборник как «воспитательное» произведение, подробное и красочное описание ужасов и жестокости противоречит этому утверждению. В этой двойственности заключается и сложность, и привлекательность «Дьявольских повестей».

Все повести построены по одинаковой схеме: события в них разворачиваются вокруг какого-либо «странного», забавного или «ужасного» события. Основная идея никогда заранее не раскрывается, и даже развязка, неожиданная и резкая, сохраняет недосказанность, типичную для всего дискурса.

Важной особенностью композиции «Дьявольских рассказов» является соединение повествований разных рассказчиков. Это своеобразная игра Барбе с читателем: рассказчик «заменяет» автора и тем самым частично снимает с него ответственность за содержание истории.

Первая из шести «*Дьявольских повестей*» называется «*Багровый занавес*» (*Le Rideau cramoisi*)¹. Повествование ведется от имени двух рассказчиков, оказавшихся в старом городке из-за поломки ночного дилижанса. Один из рассказчиков, виконт де Брассар, неожиданно для своего спутника обнаруживает волнение, «*недостойное денди*», глядя на освещенное окно, завешенное багровым занавесом.

Из его рассказа выясняется, что это окно комнаты, которую он в молодости снимал у скромных пожилых буржуа, дочь которых была его любовницей. Однажды виконт, страстно обнимая ее, обнаруживает, что она мертва. Он убегает и больше не возвращается в этот городок. В конце рассказа к ужасу виконта на красном фоне занавеса появляется знакомый ему силуэт женщины.

Повесть построена таким образом, что читатель постепенно все больше погружается в атмосферу недосказанности, загадочности,

¹ В некоторых русских переводах — «Пунцовый занавес».

которые произвели впечатление на многих писателей (например, на М. Пруста).

Повесть *«Счастье в преступлении»* (*Le Bonheur dans le crime*) является иллюстрацией идеи Барбе о том, что Бог за преступление не карает, Дьявол же за него вознаграждает. В отличие от «Багрового занавеса» здесь нет недосказанности и мистики, наоборот, история более чем реалистична, и от этого еще более «ужасна».

Повесть состоит из двух частей: в первой описывается двое рассказчиков, гуляющих по зоопарку, замечают чрезвычайно красивую пару перед клеткой с пантерой. Женщина и зверь встречаются взглядом, но через несколько секунд пантера, не выдержав тяжелого, магнетического взгляда женщины, опускает голову. Сцена построена на внутреннем и внешнем сходстве двух хищниц: обе одинаково прекрасны, обе безрассудно смелы и инстинктивно дики, обе безразличны к вниманию толпы. Победа женщины в поединке и ее издевательский, иррациональный вызов подготавливают зрителя к рассказу о «дьявольской» любви этой женщины, описанной во второй части повести.

Дочь простого учителя фехтования полюбила графа Серлон де Савиньи и поселилась в его замке под видом горничной. Влюбленные медленно отравляли жену графа, которая перед смертью попросила доктора сохранить причины ее смерти в тайне, чтобы имя, которое она носит, не было замарано. После смерти графини влюбленные поженились и *благодаря* совершенному преступлению обрели счастье.

Если в повестях «Багровый занавес» и «Счастье в преступлении» Барбе ограничивался констатацией поступков своих героинь, то в повести *«Месть женщины»* (*La vengeance d'une femme*) он обнаруживает мастерство психологического анализа, выраженного в монологе герцогини д'Аркуа де Сьерра-Леоне. Из этого не следует, что поступки героев предыдущих повестей были немотивированными, но возможность трактовать их побудительные причины автор оставляет читателю. Надо отметить, что не всегда убедительный, но чрезвычайно интересный психологический анализ побудительных мотивов поступков героев писателя провел Филипп Бертье, основываясь на теории Фрейда [Berthier, 1987: 69].

Кроме того, здесь развивается затронутая в «Счастье в преступлении» проблема дворянской чести. Об аристократизме Барбе, выраженном как в мировоззрении, так и в стиле, пишут многие исследователи, но только Элиза Сорель замечает противоречие *«между идеологическими убеждениями автора»*, свято верившего в необходимость *«сплочения всех сословий вокруг фигуры монарха и*

бурным темпераментом писателя, побуждающим его восхищаться исключительными смельчаками, часто бунтарями» [Sorel, 2016].

Повесть начинается с рассуждений Барбе о том, насколько литература отражает нравы общества, в котором, по его мнению, ежедневно, тайком и безнаказанно совершается огромное количество преступлений, причем таких, о которых *«литература, столь часто обвиняемая в безнравственной вольности, никогда не осмелилась поведать, даже с целью внушить к ним ужас»* [Барбе д'Оревийи. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=128754> (цитаты из «Дьявольских повестей» приводятся далее по указанному источнику)]. Действительно, во французской литературе, от Ф. Вийона до Ш. Бодлера, можно проследить традицию утверждения Добра путем живописного описания Зла. Однако у Барбе д'Оревийи описание Зла никогда не становится материальным, физически отвратительным. Согласно теории А.П. Скрипника, существует три типа зла, имеющего *«разрушительное значение для человечества»*: зло физическое, социальное и моральное [Скрипник, 1992: 28]. Однако в повестях Барбе мы обнаруживаем иной тип: это Зло «интеллектуальное», преступления, распространение которых является доказательством общественного прогресса, так как только цивилизованные люди способны на интеллектуально утонченные преступления, где нет *«ни стали, ни крови, ни яда»* [Барбе д'Оревийи)].

Героиня повести — испанская аристократка, выданная замуж против ее воли за герцога д'Аркус де Сьерра-Леоне, единственным чувством которого была гордость знатностью своего рода. Узнав, что она полюбила его кузена, герцог приказал на глазах герцогини убить соперника, вырвать его сердце и бросить на съедение собакам. Описание этой сцены, как и многих других в произведениях Барбе, поражает жестоким реализмом. Ш. Бодлер в «Романтическом искусстве» неслучайно назвал Барбе «рыцарем истины», служившим *«культу правды, выражаемому с ужасающей страстностью»* [цит. по: Uzanne, 1927]. С подобной страстностью описано и решение герцогини отомстить мужу, *«обесчестить его имя, которым он так гордился»* [Барбе д'Оревийи)]. Она становится проституткой и мечтает, чтобы герцог узнал об этом.

В «Мести женщины», в отличие от «Счастья в преступлении», главная героиня является не только носительницей, но и жертвой Зла. Если Отклер шла на преступление во имя своего счастья, то герцогиня действует единственно ради удовлетворения мести, сознательно платя за это собственной жизнью. Но парадокс именно в том, что физическая смерть и моральное падение героини вызывают невольное уважение.

Повесть «Изнанка одной партии в вист» (*Le dessous des cartes d'une partie de whist*) отличается от предыдущих почти отсутствием действия. Описываемая рассказчиком история произошла в аристократическом салоне маленького нормандского городка, где излюбленным занятием общества была привезенная из Англии игра в вист. В разыгравшейся трагедии — «изнанке» игры в вист — участвовали шотландец Каркоэль и две женщины, связанные с ним загадочными для окружающих отношениями, — остроумная, демонстративно безразличная «женщина-денди» графиня Трамбле де Стасвиль и ее дочь, молчаливая и меланхоличная Эрмини.

Вскоре после описываемого вечера от странной болезни умирает Эрмини, Каркоэль уезжает в Индию, а через месяц от той же болезни, что и дочь, умирает графиня де Стасвиль. Был ли Каркоэль любовником дочери или матери, была ли Эрмини отравлена графиней, отравил ли Каркоэль обеих — неизвестно. Однако после смерти графини в кустах ее любимой резеды нашли труп новорожденного ребенка. Как в «Багровом занавесе», так и в «Изнанке партии в вист» преступление замалчивается. В связи с этим нам представляется неслучайным выбор названия игры в заглавии: произношение его напоминает английское слово *whisht* — (тсс, тише).

Повесть «*Прекраснейшая любовь Дон-Жуана*» (*Le plus bel amour de Don Juan*) — наименее «дьявольская» повесть Барбе, в которой описывается ужин, устроенный в честь уже немолодого графа Равила де Равилеса, снискавшего славу Дон Жуана, его двенадцатью бывшими возлюбленными.

В образе Равиреса узнаются черты самого Барбе, который был известен эксцентричностью и увлечением дендизмом, отмеченным многими исследователями, например Арну де Лидкерком в книге «Красный каблучок»². Барбе д'Оревийи: абсолютный денди [Liedekerke, 1986: 107].

По просьбе одной из дам граф рассказывает о любовной победе, которая больше всего польстила его гордости. Оказывается, что «самой прекрасной любовью Дон Жуана» была платоническая страсть тринадцатилетней дочери некой маркизы, с которой у него была любовная связь.

Шестая повесть сборника — «Обед безбожников» — несколько отличается от других «Дьявольских повестей». В последней повести автор обсуждает проблему общественного кризиса начала века, когда после Революции и падения Наполеона наступило обнищание духа: клерикалы, преследуемые Революцией, не получили поддержки ни

---

² «Красными каблучками» в Париже называли повес, отличавшихся изысканностью в одежде и манерах.

со стороны Империи, ни со стороны Реставрации и, отчаявшись, прокляли власть и Бога. Солдаты, присягавшие Империи, оказались ненужными после Ватерлоо и, ненадолго вдохновленные бегством Императора с Эльбы, были окончательно сломлены после св. Елены. Тогда они тоже прокляли власть и Бога. Старая аристократия, забившаяся в провинциях в родовые гнезда, из последних сил цеплялась за ненужные гербы, ненавидя Революцию, Империю, а заодно и Реставрацию, не сумевшую предотвратить победу буржуазии. Однако, несмотря на проклятия и богохульства, в сердцах всех этих «безбожников» тлела еще способность к раскаянию, надежда на Бога, в существование которого они верили, несмотря на сомнение. Именно это сомнение (отражающее авторскую позицию), по свидетельству Мишеля Лекюера, было *«причиной противостояния писателя и его религиозного окружения»* [Lécuyer, 2008: 74].

Основная история повестей всегда разворачивается в обыденной ситуации, но развитие сюжета обогащается авторским воображением, которое отличается неожиданной резкостью, иронией, глубокой разочарованностью, стремлением пересоздать мир, придать ему исключительность и остроту «ужасного». Именно богатое воображение позволяет Барбе создавать особое сочетание возвышенного и низменного, которые могут быть никак не связаны с категорией морали. Эстетика *возвышенного* у Барбе соединяет классическую концепцию, построенную на идее Бога, с концепцией возвышенного в гротеске — ужасах, преступлениях, причины которых не поддаются разумному объяснению. В этом смысле каждая повесть Барбе несет определенный этический посыл, обращенный к читателю, вынужденному определять — к Добру или Злу апеллирует автор. Эта недосказанность, а также краткость, сила воздействия, загадочность, вариативность интерпретации позволяют выявить некоторые аналогии с притчей.

Сборник Барбе д'Оревийи «Дьявольские повести», по словам Реми де Гурмона, представляет собой *«расцвет гения Барбэ д'Оревийи. Если бы эта книга принадлежала перу Бальзака, она была бы шедевром Бальзака»* [Gourmont, 1904: 277].

Сравнение с Бальзаком неслучайно. В творчестве Барбе, как и в творчестве *любого неоромантика*, присутствуют реалистические черты. Синтез различных течений — романтизма и реализма, романтизма и декаданса, реализма и мистики в творчестве Барбе отмечали многие критики. В частности, М. Кузмин называл творчество Барбе переходным «от романтизма к натурализму», а потом — «снова к романтическому декадентству и символизму». Этим *«переходным положением»* Кузмин объясняет *«недостаточное признание этой самой по себе противоречивой, причудливой, вызывающей и обаятельной фигуры»* [Кузмин, 1912: III].

В поисках определения художественного метода Барбе д'Оревиий некоторые критики увлекаются выявлением в его творчестве возможных литературных влияний. Так, Пьер Глод основывается на сравнении и противопоставлении эстетических принципов писателя и эстетических принципов реализма. Изначально критик сводит основной принцип реализма к вопросу о «статусе изображаемого предмета» [Glaudes, 2008: 52]. Этот подход представляется нам слишком прямолинейным, тем более далее он пишет, что Барбе, критикуя реалистов (мнение ошибочное, поскольку Барбе восхищался и Стендалем, и особенно Бальзаком), сам не исключает ни «уродливое», ни «низкие темы». Барбе д'Оревиий вполне мог испытать влияние Бальзака в выборе тем, политических настроениях, описаниях провинциальной жизни с ее тайными драмами — «изнанкой карт». Очевидны и общие черты эстетики произведений обоих писателей: «фантастика реальности», устремленность к одному событию, проникновение в тайны и изменение сознания, отношение к повести как к «маленькому роману». Отметим также присутствующую у обоих авторов множественность вариантов развития сюжета, пристальное внимание к деталям. По мнению Глода, «наблюдение остается для него не менее важным, чем для реалистов, разница лишь в том, что он не ищет правдоподобия, а наоборот, вписывается в эстетику “неправдоподобного”» [Glaudes, 2008: 60]. Того же мнения придерживается Жак-Анри Борнек: «Чтение “Дьявольских повестей” погружает нас в мир сверхъестественного, где ... часто возникает ощущение, иногда физическое, встречи с самим Дьяволом» [Вогнеске, 2019: 58]. На самом деле, ничего «неправдоподобного» или «сверхъестественного» в произведениях Барбе нет: самые «дьявольские» поступки героев имеют вполне логичное объяснение, что является иллюстрацией идеи о **ненаказуемости Зла** в мире, характерной для аристократической ветви французского неоромантизма.

Список литературы

1. Барбе д'Оревиий Ж.-А. Дьявольские повести. URL: <https://www.litmir.me/bg/?b=128754> (дата обращения: 15.11.2016).
2. Соколова Т. Загадка Барбе д'Оревиий. 2014. URL: <https://unotices.com/book.php?id=73960&page=120> (дата обращения: 14.08.2017).
3. Кузмин М. Предисловие к книге Ж. Барбэ д'Оревиий «Дэндиизм и Джордж Брэммель». М., 1912. С. I–V.
4. Скрипник А.П. Моральное зло в истории этики и культуры. М., 1992. 351 с.
5. Цепелева Н. Проблема добра и зла в учении Н.О. Лосского: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саранск, 2005.

6. Цвык В.А. Проблема добра и зла в философии И.А. Ильина // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2017. Vol. 21. № 3. С. 293–304.
7. Berthier Ph. Barbey d'Aurevilly et l'imagination. Genève, 1978. 445 p.
8. Berthier Ph. L'ensorcelée. Les diaboliques de Barbey d'Aurevilly: une écriture du désir. P., 1987. 171 p.
9. Bornecque J.-H. Du surnaturel au fantastique de la réalité. Caen, 2019. 160 p.
10. Sorel É. Écriture et identité aristocratique dans l'oeuvre de Barbey d'Aurevilly. URL: http://lettres.sorbonne-universite.fr/IMG/pdf/SOREL_Elise_2016 (дата обращения: 27.12.2018).
11. Glaudes P. Esthétique de Barbey d'Aurevilly. P., 2008. 195 p.
12. Gourmont R. de. Promenades littéraires. 3e éd. P., 1904. 560 p.
13. Lécureur M. Jules Barbey d'Aurevilly: Le Sagittaire. P., 2008. 539 p.
14. Liedekerke A. de. Talon rouge. Barbey d'Aurevilly. P., 1986. 352 p.
15. Uzanne O. Barbey d'Aurévilly. Sous la lampe votive. 1927. URL: <http://www.bmlisieux.com/normandie/uzanne04.htm> (дата обращения: 18.10.2016).

Natalya Khatchatryan

THE DICHOTOMY OF GOOD AND EVIL IN BARBEY D'AUREVILLY'S 'LES DIABOLIQUES'

*Brusov Yerevan State University of Languages and Social Sciences
42, Tumanyan st., Yerevan, 0002, Armenia*

In his *Les Diaboliques* Barbey d'Aurevilly's rejects the bourgeois "material reality", that is typical for an aristocrat writer: on the one hand, he revives the ideals of the old world in his works, and on the other, he realizes the senselessness of his efforts, which caused his pessimism. This reality nonetheless becomes the breeding ground for Barbey, the starting point and the background for action, when he describes 'devilish' passions of his heroes. Realistic descriptions are thus combined with romantic exaltation, the depiction of the ugly, terrible, which had earned him fame as the writer of the 'immoralist'. The heroes of *Les Diaboliques* are extraordinary, eccentric people, they live in a world run by Evil, therefore their feelings cannot be comprehensible and good. Mad 'devilish' passions that achieve their paroxysm in Barbey's stories are especially susceptible to women, which seems to be the author's interpretation of the famous biblical episode of a mysterious connection between the devil and Eve. According to Barbey, the moral nature of a person is determined by the impossibility of erasing the originally superimposed seal of the fall. Therefore, he considers all his ideas about life, relationships, goals of people in the context of *devil — man — God*. The paradox of Barbey's religious position is manifested in an attempt to prove the truth of faith in God through the devil, i.e. portraying the terrible, he invites the reader to define the aesthetic and ethical boundaries of Good and Evil.

Key words: Barbey d'Aureville; Les Diaboliques; Good; Evil; sublime; grotesque.

About the author: *Natalya Khatchatryan* — Prof. Dr., Head of the Department of World Literatures and Cultures, Brusov Yerevan State University of Languages and Social Sciences (e-mail: foreignlit@brusov.am; nathalie@web.am).

References

1. Barbe d'Orevil'i Zh.A. *D'javol'skie povesti*. [Les Diaboliques] URL: <https://www.litmir.me/br/?b=128754> (accessed: 15.11.2016). (In Russ.)
2. Sokolova T. *Zagadka Barbe d'Orevil'I*. [The Mystery of Barbé d'Aureville] URL: <https://unotices.com/book.php?id=73960&page=120> (accessed: 14.08.2017). (In Russ.)
3. Kuzmin M. *Predislovie k knige Zh. Barbje d'Orevil'i "Djendizm i Dzhordzh Br-jemmel"*. [Barbé d'Aureville. *Dandyism and George Brummell*] M.: Al'ciona, 1912, S. I–V. (In Russ.)
4. Skripnik A.P. *Moral'noe zlo v istorii jetiki i kul'tury*. [Moral Evil in the History of Ethics and Culture] M.: Politizdat, 1992. 351 s. (In Russ.)
5. Cepeleva N. *Problema dobra i zla v uchenii N.O. Losskogo*. [The Problem of Good and Evil in the Teachings of N.O. Lossky] Avtoreferat cand. diss. Saransk, 2005. (In Russ.)
6. Cvyk V.A. *Problema dobra i zla v filosofii I.A. Il'ina*. [The Problem of Good and Evil in the Philosophy of I.A. Ilyin] Vestnik RUDN. Serija: *Filosofija* 2017. Vol. 21, № 3, pp. 293–304. (In Russ.)
7. Berthier Ph. *Barbey d'Aureville et l'imagination*. Genève, Droz, 1978. 445 p.
8. Berthier Ph. *L'ensorcelée. Les diaboliques de Barbey d'Aureville: une écriture du désir*. P., Librairie Honoré Champion, collection Unichamp, 1987, 171 p.
9. Bornecque J.-H. *Du surnaturel au fantastique de la réalité*. Caen, Presses Universitaires de Caen, 2019, 160 p.
10. Sorel É. *Écriture et identité aristocratique dans l'oeuvre de Barbey d'Aureville*. URL: http://lettres.sorbonne-universite.fr/IMG/pdf/SOREL_Elise_2016 (accessed: 27.12.2018).
11. Glaudes P. *Esthétique de Barbey d'Aureville*. P., Classiques Garnier, 2008, 195 p.
12. Gourmont R. de. *Promenades littéraires*. 3e éd. P., 1904, 560 p.
13. Lécureur M. *Jules Barbey d'Aureville: Le Sagittaire*. P. Fayard, 2008. 539 p.
14. Liedekerke A. de. *Talon rouge. Barbey d'Aureville*. P., La table ronde. 1986. 352 p.
15. Uzanne O. *Barbey d'Aurévilly. Sous la lampe votive*. 1927. URL: <http://www.bmlisieux.com/normandie/uzanne04.htm> (accessed: 18.10.2016).

Д.В. Кротова

ТЕМА ХАОСА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ Т. ТОЛСТОЙ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье анализируется специфика преломления темы хаоса в творчестве Т. Толстой. Обосновывается принципиальное значение названной темы и анализируется характер ее осмысления на протяжении творческого пути Толстой, от 1980-х до 2010-х годов. В центре внимания сборники «Ночь» (2001), «День» (2001), «Двое» (2001), «Легкие миры» (2014) роман «Кысь» (2000), интервью с писательницей и т.д. Категория хаоса раскрывается в прозе Толстой в разнообразных измерениях: хаос — это значимая грань мироощущения личности, важнейшая бытийная составляющая, непреходящий компонент русской национальной жизни. В представлении Толстой хаос — единственно возможная константа русского мира. Доказывается, что раскрытие темы хаоса достигает у Толстой своего рода кульминации в романе «Кысь», где сам заглавный образ становится символом хаотических сил. Здесь в полной мере реализуется принцип «постмодернистской чувствительности», а понимание хаоса связывается прежде всего с негативными, разрушительными смыслами. Эволюция в интерпретации анализируемой проблематики у Т. Толстой 2000-х и 2010-х годов («Легкие миры» и др.) связана с выявлением в хаотическом начале позитивного, созидательного. Если в «Кыси» хаос предстает результатом тотального опустошения, когда культурные и этические основания человеческой жизни оказываются в значительной степени утраченными, то в «Легких мирах» хаос — по-прежнему страшное, но вместе с тем и творческое, жизнепорождающее начало. Воспринимая хаос как продуктивную бытийную составляющую, Толстая близка модернистскому художественному сознанию (Блок, Платонов, Пильняк и др.).

Ключевые слова: русская литература; современная литература; постмодернизм; модернизм; Т. Толстая; хаос; антиномия; национальная ментальность; «Кысь»; «Легкие миры»; «Ночь»; «День»; «Двое»; постмодернистская чувствительность; память; творчество; стихия; гармония.

Тема хаоса — одна из ключевых в художественном мире Татьяны Толстой — подвергается осмыслению на протяжении всего творче-

---

Кротова Дарья Владимировна — кандидат филологических наук, преподаватель кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: da-kro@yandex.ru).

ства писательницы, начиная с 1980-х годов вплоть до сегодняшнего дня. В интерпретации данной темы можно выделить элементы, которые остаются неизменными и значимыми в произведениях как 1980—1990-х, так и 2000—2010-х годов; в то же время очевидна динамика, и в прозе 2010-х годов выявляются новые смысловые поля, новые аспекты в понимании хаоса. Задача настоящей статьи заключается в том, чтобы проследить оба вектора. Мы стремимся доказать, что в трактовке темы хаоса у Толстой с течением времени усиливается влияние модернистской художественной системы. Если в произведениях 1980-х годов проблема хаоса интерпретируется скорее в постмодернистском ключе, то в прозе 2010-х годов очевидно, на наш взгляд, сближение с модернистской эстетикой.

Категория хаоса представлена в творчестве Толстой *в разнообразных измерениях*. Хаос значим для мироощущения личности: у Толстой человек нередко чувствует себя погруженным в хаос, ощущает, что он лишен каких бы то ни было ориентиров в мире. «Экзистенциальный хаос всегда с человеком», — утверждает писательница в одном из интервью [Толстая, 1998: 152]. Хаос — это, по Толстой, и важнейшая бытийная составляющая, именно хаос порой интерпретируется Толстой как некая исконная основа существования, в то время как рационально исчисляемые элементы бытия — это всего лишь незначительная часть, некий покров, наброшенный на хаотические бездны. Тема хаоса имеет еще одно принципиально значимое для писательницы измерение: хаос — это неперемный компонент русской национальной жизни (см., например, эссе «Русский мир»). С точки зрения Толстой, единственная константа русского мира — это и есть хаос. Национальная жизнь — «клубящийся туман», сквозь который «проступают причудливые формулы и модули хаоса, броуновского движения капризных частиц» [Толстая, 2001а: 492]. Бесмысленно пытаться постичь эти формулы, «вооружившись ясным светом логики и разума: это все равно, что есть желе вязальной спицей» [там же: 493], хаос русского мира можно только «прозревать, проникать, чувствовать» [там же].

Лейтмотивным для Толстой становится отчетливое противопоставление *полярных сторон бытия*, значимое на протяжении всего ее творчества: гармоничной, позитивной — и хаотической, страшной, пугающей. Об этом противопоставлении свидетельствуют даже названия двух сборников Толстой, которые вышли в одном и том же году (2001) — «День» и «Ночь». Выбор подобных названий не означает, что в сборнике «День» помещены рассказы, раскрывающие исключительно светлую и позитивную сторону бытия, а в сборнике «Ночь» — исключительно мрачную и хаотическую. Но само по себе противопоставление, соположение этих сторон весьма характерно для художественного сознания Толстой.

Часто в том или ином рассказе Толстой эти полярные сферы контрастно соплагаются, намеренно сталкиваются. Так происходит уже в одном из ее ранних рассказов под названием «Любишь — не любишь». В данном случае уже в самом названии рассказа заложено подобное противоположение. Мир любви, с одной стороны, и мир нелюбви, хаоса и тьмы — с другой. Обе эти грани в данном случае воспринимает и ощущает ребенок. Мир любви — это дом, родители, старенькая няня Груша. Этому понятному и доброму миру противопоставит другой — таинственные, пугающие силы. Ребенок чувствует, что жизнь наполнена непонятными, страшными явлениями. Героине рассказа чудится, что по ночам из-под кровати выползает ужасный Змей: «Днем Змея нет, а к ночи он сгущается из сумеречного вещества и тихо-тихо ждет: кто посмеет свесить ногу? И сразу — хватить крюком! Вряд ли съест, но затащит и пропихнет под плинтус, и бесконечно будет падение вниз, под пол, между пыльных переборок» [Толстая, 2001 с: 18]. Образ Змея с крюком, готового зацепить, утащить и погубить, — это предвестие образа кыси из соответствующего романа Толстой, вышедшего в 2000 г. Кысь становится воплощением страшных, хаотических сил. Этот образ постепенно формируется и взрывает в творчестве Толстой с 1980-х годов.

В ряде ранних рассказов Толстой антиномия дневной и ночной, упорядоченной и хаотической сторон бытия раскрывается именно в ощущениях ребенка. Например, в рассказе «На золотом крыльце сидели...» мир любви, солнца, света противопоставляется случайно приоткрывшемуся за ним другому — миру смерти. Главная героиня рассказа, маленькая девочка, испытывает ужас, соприкоснувшись с этим миром: «Прочь отсюда, бегом, кошмар, ужас — холодный смрад — сарай, сырость, смерть...» [там же: 33]. Подобная антиномия, реализуемая через восприятие ребенка, есть и в рассказе «Свидание с птицей», и в некоторых других.

Если в упомянутых рассказах читатель сталкивается с противопоставлением контрастных сторон бытия — дневной и ночной, позитивной и хаотической, то в ряде других произведений Толстой *доминирует изображение именно хаотической стороны*. Так, само название рассказа «Ночь» указывает на то, что произведение посвящено художественному осмыслению хаоса. В центре повествования — сознание Алексея Петровича, человека с расколотым, болезненным мировосприятием, он не в состоянии осмыслить реальность адекватно и целостно. Для него весь мир — это сплошная ночь, мир непонятен, он воспринимается как устрашающий, опасный. Окружающая действительность — мрак и зло, она состоит из «обрывков разрозненных вещей» [там же: 127]. В конце рассказа главный герой решает, что он будет писателем, и торопится зафиксировать

на бумаге истину о мире, которая ему внезапно открылась. Он много раз записывает одно и то же слово — «ночь».

В этом рассказе Толстая воплощает не только сознание больного человека и особенности его восприятия мира. Речь идет о тотальной хаотичности бытия. Обычные, здоровые люди в своей каждодневной суете не замечают порой дыхания хаоса, привычный быт не дает им возможности ощутить иную грань мира, задуматься над ней и устраситься ее. А человек с необычным сознанием, тот, кто видит мир не так, как все, ее в полной мере ощущает.

Раскрытие темы хаоса достигает своего рода кульминации в романе Толстой «Кысь». Сам заглавный образ романа становится символом хаотических сил. Что такое кысь — неясно, никто из героев романа не видел ее, но все ее боятся. Это нечто страшное, разрушительное. «Пойдет человек <...> в лес, а она ему на шею-то сзади: хоп! и хребтину зубами: хрусь! — а когтем главную-то жилочку нащупает и перервет, и весь разум из человека и выйдет <...> Вот чего кысь-то делает» [Толстая, 2001b: 7]. Бенедикт, главный герой романа, порой чувствует, что ему «кысь в спину смотрит». В эти моменты его терзает безотчетный страх, вдруг начинает мучить вопрос — а кто же я такой? «Словно на минуточку себя выпустил из рук, чуть не уронил, еле успел подхватить...» [там же: 56] В конце романа Бенедикт сам становится «кысью» — грозным «санитаром», который готов уничтожить кого угодно ради книги.

Роман «Кысь» изображает мир, погруженный в хаос: «Россия после великого “взрыва” вернулась к архаике, смешанной с фантастическими биологическими мутациями» [Коваленко, 2010: 411]. По отношению к этому роману абсолютно правомерно было бы говорить о «постмодернистской чувствительности», поскольку действительность здесь преобразена на хаотических началах. Размываются любые ориентиры. Прежде всего моральные — потому что большинство родившихся после «Взрыва» в этом искаленном мире руководствуется не соображениями совести, нравственности или долга, а только лишь мыслью о собственной выгоде или удовольствии. В значительной степени утраченными оказываются культурные ориентиры — ведь те, кто появился на свет после «Взрыва», по большей части, лишены памяти об ушедших эпохах. Эти люди ничего не знают и, как правило, не хотят знать о своем историческом и культурном прошлом (такие персонажи, как Варвара Лукинична, в этом смысле являются редким исключением). Реалии прошлого остаются актуальными для «Прежних» — тех, кто родился еще в XX в. и выжил после «Взрыва», но «Прежние» не в состоянии внедрить адекватное представление о культуре в сознание «голубчиков». Попытки, которые предпринимают «Прежние» в этом

направлении, оказываются комическими. Достаточно вспомнить, например, столбы с указателями, которые ставит в городе истопник Никита Иванович. На этих столбах обозначены названия бывших здесь когда-то московских улиц и площадей — «Арбат», «Балчуг», «Никитские ворота»... Жители города не понимают, зачем истопник это делает: «Утром встанешь, глаза продерешь, а у тебя перед самым окном орясина торчит: “Арбат”. Свету в окошке и так мало, зимой, с пузырем, и того меньше, а тут, понимаешь, арбат этот <...> Ну и выворотят его <...> на растопку пустят или полы латать» [Толстая, 2001b: 28].

Никита Иванович, желая сохранить память о национальном культурном наследии, задумывает поставить памятник Пушкину. Бенедикт по просьбе истопника начинает «тюкать» памятник, но получившийся в результате бенедиктовой работы шестипалый «идол» производит удручающее впечатление. «Но уж какой есть, терпи, дитятко, — какие мы, таков и ты, а не иначе! Ты — наше все, а мы — твое, и других нетути! Нетути других-то!» [там же: 262].

В мире, изображаемом Т. Толстой, оказываются уродливо деформированными не только культурные и этические нормы, но и язык. Привычные слова искажены. Слова «университет», «образование», «философия» — исковерканы, смысл их безнадежно утрачен. Мир романа «Кысь», как говорила сама Толстая, населен «мутировавшими словами», в этом и заключается главное последствие «Взрыва» [Толстая Н., Толстая Т., 2001: 424].

Казалось бы, в романе «Кысь» раскрытие категории хаоса доведено до логического предела. Роман воплощает тотально хаотическое состояние мира. Логические, нравственные, культурные связи в значительной степени разрушены. Мир погружен во тьму, и воплощением тьмы становится страшное, иррациональное начало — кысь. Представления о хаосе получают в этом романе настолько целостное и полное выражение, что дальнейшая их эволюция в творчестве писательницы, на первый взгляд, была бы просто невозможна. Но, как показывает творчество Толстой 2000-х и 2010-х годов, *категория хаоса получает развитие и продолжение, в ее интерпретации раскрываются новые смыслы*. Это подтверждается анализом книги Толстой «Легкие миры» (2014). Тема хаоса здесь является основной, она цементирует содержание сборника. Как и в более раннем творчестве Толстой, здесь в ряде рассказов обнаруживается контраст, противопоставление двух образных сфер: позитивная, дневная сторона бытия — и противостоящее ей темное, хаотическое начало. Особенно наглядным сопоставление этих граней (и даже конфликтное их столкновение) оказывается в рассказе под названием «За проезд!» Как такового событийного ряда в этом рассказе нет, повествование

скорее представляет собой ряд зарисовок. Место действия — вагон в поезде Сапсан. Поезд движется из Петербурга в Москву (или из Москвы в Петербург — «смотря с какой стороны смотреть» [Толстая, 2015: 71]). Сапсан — это целый «богатый квартал, серебристый и сытый, тут есть вешалка для шуб, тут легко отдадут полутора ста рублей за бутерброд, шестьдесят целковых за стакан чая» [там же: 64]. Едут чиновники, бизнесмены, нарядные дамы. В вагоне крутят кино, кто-то из пассажиров говорит по мобильному телефону, кто-то занят компьютерными играми. В вагоне атмосфера уюта и благополучия. И вдруг в окно вагона влетает камень. Дала знать о себе та сторона жизни, над которой не задумываются пассажиры Сапсана. Это знак из другого мира, который находится между Москвой и Петербургом. «Жизнь напомнила, что между точкой А и точкой Б (т.е. Москвой и Петербургом. — Д.К.) — снега, звери, древние звезды, печной дым, восемь сторон вечности, часы без стрелок» [там же: 63]. В этом мире нет привычных городам примет цивилизации, там люди живут совсем по-другому. «Деревни в снегах: Дремуха, Бабошино, Кафтинский Городок <...> Приходит зима, а мы обмазали печку глиной и уже не очень боимся угара, а мы припрятали зипун и сапог, и держим дрова в сенях, и нашли озеро, и пробили прорубь, и жарим картошку на дровяной плите» [там же: 62]. Почему из этого мира летит камень в окно Сапсана? Что это — злоба на городских людей и раздражение против них? Толстая отвечает иначе: «... и злоба, и раздражение — городские слова, городские понятия, рождающиеся там, где толкотня, очереди, тщеславие, нетерпение, соревнование <...> Нет, тут другое чувство, одновременно мутное и тонкое: а вот тебе! бдышь! а не езди!» [там же: 63–64].

Толстая называет этот мир миром хаоса. Именно он доминирует в русской жизни, он намного больше и значительнее, чем мир цивилизации. Москва и Петербург — всего лишь две светящиеся точки на карте. «А дальше во все стороны тьма, и она растет и пухнет». Москва и Петербург — это «два худо-бедно озаренных блюдечка, два пятнышка света, две платформы, где можно вынырнуть из темноты — отдышаться до следующего погружения» [там же: 71].

Как и в рассказах 1980–1990-х годов, здесь очевидно противопоставление (мир упорядоченный и мир хаотический), но внутренняя его суть у Толстой значительно изменилась. Если в раннем творчестве образ хаоса был окрашен скорее негативно, он трактовался как исключительно разрушительный, то здесь он приобретает и другие значения — в понимании хаоса теперь подчеркиваются не только деструктивные смыслы, но и позитивное начало. Не случайно Толстая вспоминает в этом рассказе о Тютчеве, который понимал ночь и хаос «как истинную основу бытия, настоящую реальность».

День — это лишь “блистательный златотканый покров”, накинутый на страшную бездну, на хаос, на первозданное, ужасное, древнее, беспредельное, бесформенное и безымянное, но родное» [там же: 69]. Мрак же и хаос — «это тоже жизнь, это то, откуда она родится, то, куда она проваливается» [там же: 70]. Именно хаос является некоей сущностной первоосновой, подлинным жизненным субстратом.

Таким образом, в «Легких мирах» хаос трактуется Толстой иначе, чем в произведениях раннего периода и иначе, чем в романе «Кысь». В «Кыси» хаос — результат тотального опустошения, утраты культурных и этических оснований человеческой жизни. В «Легких мирах» хаос — по-прежнему страшное, но вместе с тем и порождающее, истинно жизненное начало.

В «Легких мирах» Толстая осмысливает тему хаоса не только применительно к русской жизни. Хаос — стихия, которая в принципе определяет бытие, является его подлинной основой. В ряде рассказов писательница обращается к периоду своей жизни в Америке. Так, в рассказе «Ураган» Толстая рассказывает, как в 2012 г. на Нью-Йорк обрушилась стихия — ураган Сэнди. «И всплыл Манхэттен, как тритон, по пояс в воду погружен» [там же: 134]. Ураган, как и любое природное бедствие, страшит людей, они в спешке эвакуируются из города, они вынуждены мириться с временными бытовыми неудобствами, — и все же природный хаос осмысливается Толстой скорее в позитивном ключе: «А все-таки это пахло реальной жизнью, стихией» [там же: 127].

Размышления о хаотических началах бытия пронизывают все творчество Толстой. Интерпретация этой темы, с одной стороны, связывает мышление писательницы с постмодернистской эстетикой, с другой стороны, дистанцирует от эстетического канона постмодернизма. Связь с постмодернистскими художественными принципами заключается уже в самой значимости рассуждений о хаосе у Толстой, поскольку категория хаоса является одной из важнейших для постмодернистского художественного сознания. Вместе с тем свойственное творчеству Толстой 2000–2010-х годов видение хаоса как творческого, жизнепорождающего начала в определенном смысле отстраняет Толстую от постмодернистского канона. Постмодернистам зачастую свойственно ощущение хаоса как тотального разрушения, в интерпретации темы хаоса у них нередко доминируют именно деструктивные смыслы. В своем понимании хаоса как начала творческого и в конечном счете конструктивного Толстая оказывается ближе модернистскому сознанию. В этом смысле возможны непосредственные аналогии с восприятием категории хаоса некоторыми писателями и поэтами-модернистами. Так, обоснованными будут параллели с трактовкой хаоса у А. Блока. В статье «О назначении

поэта» Блок размышляет: «Хаос есть первобытное, стихийное безначалие; космос — устроенная гармония, культура; из хаоса рождается космос; стихия таит в себе семена культуры; из безначалия создается гармония» [Блок, 1971: 87]. Так, именно идея рождения гармонии из хаоса легла в основу блоковской идеи революции как «метаморфозы». Как отмечает М.М. Голубков, «метаморфоза предстает в философии Блока как явление противоречивое <...> метаморфоза как преобразование старого мира в новый мир сулит гибель отжившему, погружает его в хаос. Но хаос для Блока — понятие плодотворное, ибо в самом хаосе содержатся начала новой гармонии. Хаос обломков старого мира рождает гармонию мира нового — в этом и состоит суть метаморфозы» [Голубков, 2018: 143].

Возможны параллели в понимании категории хаоса у Т. Толстой и Б. Пильняка: в романах «Голый год», «Машины и волки» Пильняк изображает хаотическое состояние мира, но этот хаос мыслится не как тотальное разрушение и уничтожение, а как особого рода гармония национальной жизни, парадоксально образуемая наслоением хаотических элементов. Можно вспомнить и об интерпретации темы хаоса у А. Платонова — хаос воспринимается как естественное, органическое состояние мира, а попытки рационализировать, искусственно упорядочить этот хаос оборачиваются тяжелыми и драматическими последствиями.

Амбивалентность видения категории хаоса у Толстой — близость как постмодернистской, так и модернистской эстетической системе — отражает разнонаправленность творческих установок писательницы в целом. «Контаминационный характер ее стиля» [Русская проза конца XX века; 2005: 369] отмечался в исследовательской литературе, творчество Толстой представляет собой своего рода перекрестье разных литературных влияний, и на примере интерпретации категории хаоса комплекс этих влияний раскрывается вполне очевидно.

Список литературы

1. Блок А. О назначении поэта. М., 1971.
2. Голубков М.М. Революция как метаморфоза: к вопросу об одной литературной полемике 1920-х гг. // Литература и революция. Век двадцатый / Отв. ред. О.Ю. Панова. Вып. 4. М., 2018.
3. Коваленко А.Г. Очерки художественной конфликтологии: Антиномизм и бинарный архетип в русской литературе XX века. М., 2010.
4. Русская проза конца XX века / Под ред. Т.М. Колядич. М., 2005.
5. Толстая Н., Толстая Т. Двое: разное. М., 2001.
6. Толстая Т. День: личное. М., 2001а.
7. Толстая Т. Кысь: роман. М., 2001б.

8. Толстая Т. Легкие миры. М., 2015.
9. Толстая Т. Ночь: рассказы. М., 2001с.
10. Толстая Т. Писание как прохождение в другую реальность // Постмодернисты о посткультуре. Интервью с современными писателями и критиками / Сост., автор предисл. и ред. С. Ролл. М., 1998.

Daria Krotova

THE THEME OF CHAOS IN TATIANA TOLSTAYA'S ARTISTIC WORLD

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article analyzes the chaos theme in Tatiana Tolstaya's prose of 1980–2010, as it plays a key role in her literary system. The research focus is on “Night” (2001), “Day” (2001), “Two” (2001), “The Easy Worlds” (2014), the novel “Kys” (2000), and interviews with T. Tolstaya. It is claimed that T. Tolstaya shows chaos as a crucial part of a personality's attitudes, the major existential element, and an indispensable component of Russian life. Moreover, chaos comes as the unique constant of the Russian world. The chaos theme reaches its culmination in the novel “Kys” where the header's image becomes a symbol of chaotic forces. In the novel, the principle of “postmodern sensibility” is fully implemented, and chaos reveals its most negative, destructive meanings. In T. Tolstaya's prose of 2000 and 2010 the theme evolves and chaos becomes something positive, creative. In “Kys”, chaos is the result of total devastation when the cultural, historical, social bases of human life are substantially lost. In “The Easy Worlds” chaos is yet terrible, but, at the same time, creative. In perceiving chaos as a productive existential component, T. Tolstaya is close to modernist consciousness. The article draws parallels between Tolstaya and A. Blok, A. Platonov, and B. Pilnyak.

Key words: Russian literature; modern literature; postmodernism; modernism; T. Tolstaya; chaos; antinomy; national mentality; “Kys”; “The Easy Worlds”; “Night”; “Day”; “Two”; postmodern sensibility; memory; creativity; element; harmony.

About the author: *Daria Krotova* — PhD in Philology, Teaching Fellow, Department of the History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: da-kro@yandex.ru).

References

1. Blok A. *O naznachanii poeta* [About the mission of a poet]. Moscow, *Sovetskaja Rossija Publ.*, 1971. 158 p. (In Russ.)

2. Golubkov M.M. *Revolucija kak metamorfoza: k voprosu ob odnoj literaturnoj polemike 1920-h gg.* [Revolution as metamorphosis: to the story of one literary controversy of the 1920th]. *Literatura i revolucija. Vek dvadcatyj* [Literature and revolution. The twentieth century]. Ed. O.Yu. Panova. Moscow, *Litfakt Publ.*, 2018, pp. 142–158. (In Russ.)
3. *Russkaja proza kontsa XX veka* [Russian prose of the end of 20th century]. Ed. T.M. Kolyadich. Moscow, *ACADEMIA Publ.*, 2005. 424 p. (In Russ.)
4. Kovalenko A.G. *Očerki hudozhestvennoj konfliktologii: Antinomizm i binarnyj arhetip v russkoj literature XX veka* [Sketches of art conflictology: Antinomianism and a binary archetype in Russian literature of the 20th century]. Moscow, *RUDN Publ.*, 2010. 491 p. (In Russ.)
5. Tolstaya N., Tolstaya T. *Dvoe: raznoe* [Two: sundries]. Moscow, *Podkova Publ.*, 2001. 480 p. (In Russ.)
6. Tolstaya T. *Den': lichnoe* [Day: private]. Moscow, *Podkova Publ.*, 2001a. 512 p. (In Russ.)
7. Tolstaya T. *Kys': roman* [Kys': novel]. Moscow, *Podkova Publ.*, 2001b. 320 p. (In Russ.)
8. Tolstaya T. *Lyogkie miry.* [The Easy Worlds]. Moscow, *AST Publ.*, *Elena Shubina Edition*, 2015. 477 p. (In Russ.)
9. Tolstaya T. *Noch': rasskazy.* [Night: stories] Moscow, *Podkova Publ.*, 2001c. 352 p. (In Russ.)
10. Tolstaya T. *Pisanie kak prohozhdenie v druguju realnost'* [Writing as passing to other reality]. *Postmodernisty o postkul'ture. Interv'ju s sovremennymi pisatelyami i kritikami.* [Postmodernists about post-culture. Interview with modern writers and critics] Ed. S. Roll. Moscow, *LIA R. Elinina Publ.*, 1998, pp. 131–154. (In Russ.)

В.В. Сорокина

МАЛАЯ ПРОЗА НОВЕЙШЕЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ АЗЕРБАЙДЖАНА

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В современной русскоязычной литературе Азербайджана стремительно развиваются жанры малой прозы и, как следствие, усиливается жанровая градация по мере сокращения текста художественного произведения. При сохранении традиционных названий — повесть, рассказ, новелла — писатели пользуются и другими жанровыми определениями: «дневник», «юморески», «этюды» «отражения», «сказки», «песни», «путевые заметки» и др. Наиболее динамично развивается жанр повествовательной миниатюры, традиции которой восходят к жанрам русских стихотворений в прозе и восточных поэтических миниатюр. Рассказ в иерархии малых форм занимает срединное место: некоторые произведения тяготеют по своей структуре к повестям в силу масштабности события и определенной временной продолжительности. В произведениях азербайджанских писателей жанровое определение «рассказ» встречается наиболее часто. Намеренное отделение жанровой формы «рассказа» от «повести» связано с индивидуальными авторскими особенностями текста. К примеру, в рассказах Е. Касумовой и В. Джумазаде в малую форму вмещена целая жизнь персонажей, их прошлое и настоящее, Москва и Баку. От этого внутреннее пространство и время расширяются, приближая произведения по своему строю к повестям. Произведения, которые сами авторы называли «рассказами», и по объему, и по своей структуре скорее, наоборот, приближаются к прозаическим миниатюрам. Наибольшее разнообразие в жанровой палитре современной азербайджанской литературы представляют лирические прозаические миниатюры, объединяющие внешнее (эпическое) и внутреннее (лирическое) пространства. «Видения», «озарения», «осколки» раздробленного мира соединяются в едином «я» как выражение неразрывной целостности мира.

Ключевые слова: русскоязычная литература Азербайджана; малые жанровые формы; рассказ; прозаические миниатюры; Н. Агасиев; Л. Багирова; А. Гасан-заде; В. Джумазаде; Е. Касумова; Лачин; Ш. Манафов.

В современном межнациональном литературном процессе жанровая дифференциация претерпевает значительные изменения. Для

Сорокина Вера Владимировна — доктор филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории «Русская литература в современном мире» филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: vvsoroko@gmail.com).

устоявшихся форм литературы Старого света проблема жанрового своеобразия остро не стоит: как правило, в прозаических жанрах грань между крупными жанрами и малыми проходит через форму мини-романа, получившего довольно широкое распространение в наши дни. Иначе складывается ситуация в молодых иноязычных национальных литературах.

На фоне очевидной тенденции к жанровой неопределенности прозаических текстов выявляются две закономерности. Одна из них — тяготение к универсализму жанровых определений, связанному только с объемом произведения: большое — роман, маленькое — рассказ. Другая, наоборот, — стремление к точному определению жанрового своеобразия произведения, выведению формы в подзаголовок, что напрямую связывается с авторской позицией, а зачастую и с национальным фактором.

В современной русскоязычной литературе Азербайджана стремительно развивается общая для литератур этого типа тенденция к разработке малых форм и, как следствие, к усилению жанровой градации по мере сокращения текста. При сохранении в общих чертах известных понятий — повесть, рассказ, новелла — писатели пользуются и другими жанровыми определениями: «дневник», «юморески», «этюды», «отражения», «сказки», «песни», «альтернативная история», «путевые заметки» и др.

Повесть, традиционно занимающая срединное положение между большими и малыми формами, сохраняет в основном типологические признаки. Изменения проявляются прежде всего на уровне построения сюжета и композиции образов. Произведения, которые сами авторы называют повестями, как правило, невелики по размеру, они скорее могут быть названы рассказами, но в них представлены значительные, описанные с подчеркнутой достоверностью и нередко заканчивающиеся смертью периоды из жизни персонажей.

Рассказ в иерархии малых форм занимает срединное место: некоторые произведения тяготеют по своей структуре к повестям в силу масштабности события и определенной временной продолжительности. В произведениях азербайджанских писателей «рассказ» как жанровое определение встречается наиболее часто. Намеренное отделение жанровой формы «рассказа» от «повести» скрывает в себе индивидуальные авторские особенности текста [Сорокина, 2018].

Рассказ Е. Касумовой «Пальто» является образцовым с точки зрения его соответствия параметрам национальной и жанровой специфики. Центральное событие рассказа — покупка пальто — в сознании Заура Меджидовича представляется в двух временных и культурных пластах. Сын Фарид прислал деньги, чтобы к его при-

езду отец купил «самое лучшее» пальто. Покупка так взволновала персонажа, что на него нахлынули воспоминания об учебе в МГУ на химфаке. Автор ностальгически выписывает подробности советского быта, студенческое общежитие, проблемы, с которыми сталкивается «практически бакинец», знавший русский язык «очень неплохо». Студенту из теплых краев холодно в Москве, и родители с трудом собирают ему деньги на теплое пальто, но купить его тогда Зауру не удалось: деньги забрали обманом. Только через год, самостоятельно скопив нужную сумму, он приехал к матери в Баку в новом югославском пальто. «И больше ни одна покупка в его жизни так его не радовала. Разве что, это, купленное сегодня на присланные сыном деньги пальто, которое вдруг доставило ему почти такую же радость...» [Касумова, 2018: 97].

Тоска по советскому прошлому остается приоритетной темой многих произведений малой прозы азербайджанских писателей. В рассказе В. Джумазаде «Шиховский пляж» из цикла «Ностальгические истории» событийное напряжение малой формы достигается совмещением двух временных планов: советского детства, когда Джафар сбежал с одноклассниками на пляж, и современной зрелости, склонной к воспоминаниям. «Все разительно изменилось, к сожалению, существенно похолодало не только на море... Видимо, оттого и на пляж совсем не тянет» [Джумазаде, 2018: 118]. Теперь этот пляж платный и закрыт шлагбаумом. Неожиданная встреча с Михаилом, уже тридцать лет как уехавшим из родных мест и вернувшимся на один день навестить могилы родителей и встретить рассвет на пляже своего детства, пробудила в них обоих ощущение какой-то особенной духовной близости, наполнила их сердца былой житейской радостью.

В этих рассказах авторы вмещают в малую форму целую жизнь персонажей, их прошлое и настоящее, Москву и Баку. От этого внутренне пространство и время расширяются, приближая их по своему строю к повестям.

Другие произведения, названные самими авторами «рассказами», и по объему, и по своей структуре скорее, наоборот, приближаются к прозаическим миниатюрам.

Рассказ Лачина «Мостик» из цикла «Новые времена» чуть превышает одну журнальную страницу. В нем писатель запечатлел эпизод из прошлой повседневной жизни города: школьница в парке читает незнакомому мужчине стихи. «Зорким взглядом окидывает мужчина ее формы, потом всматривается в лицо — черты-то детские — и вдруг, уразумев ее возраст, рявкает: «Малолетка, что ли? Шла отселева!» [Лачин, 2011: 91]. Потрясенная девочка уходит. Текст написан в форме обращения, в котором автор сетует некой Лизе на

невозможность написать полноценный рассказ на этом материале, перенести эпизод в современную действительность, чтобы придать ему иной ход. В такой ситуации, считает автор, нужен реалист, бытовик с «неспешным простым слогом», а его переполняют эмоции. Он не может собрать детали, поэтому обращается к миниатюре: «ведь сюжет не тянет на повесть». Нарастающее эмоциональное напряжение автора передается отрывистыми фразами, понятными лишь в контексте проблем современного Азербайджана. Сам же он, скрывающийся под псевдонимом¹, родом из Нагорного Карабаха: «... а если начнется еще заваруха, и такие, как я откроют стрельбу, вы не... хотя нет, ругайте, клеймите, доносите на нас, ничего, я пойму, мы тоже не подарок, вы только знайте, что нет меж нами пропасти, хотя есть, но мостик тоже есть, что мы строили — и попытаемся строить еще — не для себя одних, а и той девочки с большущим ранцем, что в святом неведении могла подсесть к мужику на скамейку» [Лачин, 2018: 92]. Сжатый до размеров миниатюры рассказ в данном случае все же сохраняет свои типологические свойства, так как за эмоционально окрашенным сбивчивым языком, представляющим особую стилистическую систему, читается история целой жизни человека, потерявшего родину, от которой остались только осколки впечатлений и надежда на связующий их «мостик».

Если рассказ Лачина строится по принципу расширения внутреннего времени и пространства за счет включения национального контекста, то Н. Агасиев, определяя жанр своего произведения как «отражения в преломленном времени ракурсе», наоборот, создает большую форму из «миниатюрного» названия.

Внешне «Отражения» претендуют на полноценный рассказ (более 20 страниц журнального текста), однако автор избегает этого жанрового определения. По событийной, временной и пространственной насыщенности этот текст вполне может претендовать на повесть или даже на мини-роман. В «Отражениях» используется множество формальных приемов для усложнения их структуры. Наиболее очевидны превращения шрифта. В тексте восемь типов шрифта каждый соотносим с определенным временем и местом. Основным шрифтом написана история пребывания Ридана Веисага (Надир Агасиев в обратном прочтении) с женой на чешском курорте, другой переносит читателя в бакинское детство, третьим передаются размышления Ридана о языках, народах, музыке во время его прогулок по Подебрадскому парку. Четвертым, жирным, выделяются отдельные важные фразы, например: «**До войны оставалось еще более двух лет!**»; пятым выделяется справочная информация о растении мандрагора; шестым

---

¹ Лачин — районный центр в Нагорном Карабахе, в переводе «Сокол».

написаны стихи, посвященные мандрагоре; седьмым — эпитафия из Гамсуна; восьмой выделяет сценарий о больном лепрой, который будет жить на острове и лечиться вулканической грязью.

В тексте Н. Агасиева «отражается» прошлое Ридана в Москве, Ленинграде и Баку, настоящее в Чехии и виртуальное будущее в 2116 г.

«Отражения» вбирают в себя практически все темы, поднимаемые в современной русскоязычной азербайджанской литературе. Герой существует в нескольких культурных контекстах: к азербайджанскому и русскому еще добавляется французский, так как герой знал язык и интересовался кинематографом: «В Подебрадах в минуты тягостной скуки я, бывало, забредал на вокзал соприкоснуться с великим, посмотреть “Прибытие Поезда”» [Агасиев, 2018: 85]. Наибольшая концентрация достигается путем выстраивания ассоциативных рядов с русской литературой, театром и кино: «Нет, Ридан, ты не Штраус! Ты Другой!» [там же: 87], «Всегда быть в маске — ее удел» [там же: 100]; «Кто ходит с соломой по гостям, тот поступает мудро!» [там же: 86]. Свободный переход с одной знаковой системы на другую: «“Ба-хо, таньш сифятляр, знакомые лица”, — подумал я на азербайджанский манер и несколько развязно. — “Добрый Дэ-э-эн” — чешскую мелодию внутри себя я не испортил» [там же: 89]. «Ты вот что, Garson? donne moi silvousplei tune centtainsde grammesde “Slivovitz”. И не думай о нас русских, или бывших русских свысока» [там же: 103]. Грусть по советскому прошлому реализуется в «отраженном» свете Литинститута в Москве, где герой учился с Гришкой и Курбаном из Дагестана, в плавании по Волге на теплоходе «Ильич» с чешским пивом в буфете; в пионерлагере в Мардакане (пригороде Баку. — В.С.), где Ридану от переполнявших чувств захотелось в Красном уголке сыграть «К Элизе» Бетховена.

Постепенно, во время прогулки по парку, в сознании Ридана начинается «отражаться» предчувствие приближающейся войны: « — Нет, Соколик, войны не может быть, понимаешь, не может. Мы ведь живем в едином государстве. Будь спокоен, не будет никакой войны. Не допустят! Над тобой пошутили! Какой-то дурак пошутил!» [там же: 98]. Дальше ближе и ближе: «Какая война, у меня только родился сын» [там же: 104]. Запечатленное на киноплёнке «отражение» тех дней: «Уходило всё: кадры с мамой, с друзьями, когда сидели под деревьями в призывном пункте в Баладжары, провожали в армию Генку» [там же].

Совмещение и переплетение ассоциативных линий в тексте пронизывает мотив единства мира и причастности персонажа к историческим явлениям, отражения большого в малом, малого в большом. Перелистывая томик Гамсуна, Ридан наткнулся в драме

«Царица Тамара» на героиню с именем его матери — Фатма, которая возражала царице: «Я чиста, потому что мусульманка!» Герой был тронут и проникся уважением к знаменитому норвежцу, еще и автору стихотворения «Мандрагора», о которой, оказывается, писал и Бунин.

Калейдоскоп событий, времен, стран, языков, ассоциации и реминисценции переполняют сознание, «отражают» истинную картину мира жителей Баку, поэтому только в такой форме и можно, по мнению Агасимова, представить современного азербайджанца, прожившего несколько стран, времен и народов. В заключение Ридан видит, как в парке садовница, меняя дату на цветочном календаре, ошиблась и сдвинула время на век вперед: «**Календарь показывал 2116 год**» [там же: 123]. И опять всё закружилось в сознании, и время сдвинулось вперед, а события прошлого ушли на век назад, но продолжают «отражаться» с неумолимой силой.

Наибольшее разнообразие в жанровой палитре современной азербайджанской литературы представляют лирические прозаические миниатюры, объединяющие внешнее (эпическое) и внутреннее (лирическое) пространства. «Видения», «озарения», «осколки» раздробленного мира соединяются в составе единого «я» как выражение неразрывной целостности мира.

Типологической двойственности этого жанра азербайджанские писатели добавляют двуязычный культурный контекст, свойственный их национальной традиции. С одной стороны, миниатюра впитала в себя опыт Тургенева, Чехова, прошла через прозаиков Серебряного века. С другой стороны, она обращена к газелям Низами, рубаи Физули, касыдам Навои, сборнику персидских анекдотов XIII в., сказкам «Тысячи и одной ночи» XIV в. Через лирические зарисовки одного из самых выдающихся представителей азербайджанской литературы XX в. Анара она проявилась в особом языковом колорите. Не бесследным оказался и опыт экспериментальной литературы XX в. как в русском, так и в западноевропейском варианте.

Как правило, миниатюры представляют собой впечатления, озарения, наблюдения авторов. Они могут соединять переживание персонажа с некоторой сюжетностью, поэтому не являются собственно лирикой или эпосом. В них преобразуются благодаря сжатости текста очерк, зарисовка, сценка, пословица, диалог, лирическая автобиография, дневниковые записи. В особой привязанности азербайджанских русскоязычных писателей к этому жанру проявляется их стремление сохранить типологическую двойственность своих произведений, в которых русские стихотворения в прозе соединяются с восточными поэтическими жанрами, преимущественно персидскими. В такого рода произведениях выражается идея неразрывной целостности мира

при внешней раздробленности его частей. При этом они сохраняют специфические формы пространственной и временной организации текста, свойственные русскоязычной азербайджанской литературе: образ Баку, воспоминание о советском прошлом, новые национальные реалии и сопричастность мировой истории.

Этюды А. Гасан-Заде написаны в разговорном жанре и имеют распространенный в азербайджанской литературе вид притчи с назидательно-философским подтекстом. Они ироничны, в них соединяется прошлое, которое автору понятнее и ближе, и настоящее, порой поражающее своей абсурдностью. В одном из них под названием «Банзай!» жена колхозного бригадира Ахмеда Новресте родила мальчика, похожего на японца. В школе он получил прозвище Япон. Его отец рассуждал так: «Возможно, когда чингизиды в 13-м веке кровавым смерчем пронеслись по Кавказу, один из воинов и совратил или даже силой взял местную женщину <...> И вот, через восемь веков его гены выскочили в маленьком Хасе! Только имени тому японцу Ахмед не придумал — не помнил он имен японских. А вы сами много их помните?.. Ну вот!..» [Гасан-Заде, 2017: 118]. Япон рос и учился хорошо, по обмену поехал на учебу в Японию, там же женился, сменил фамилию, теперь работает там премьер-министром.

Особенно ярко национальный колорит проступает в миниатюрах, наполненных цветовой символикой. Использование цвета как особой знаковой системы традиционно развито в арабо-персидской литературе как эмоционально-выразительное средство, сближающее словесное искусство с изобразительным, служащее эстетизации общего впечатления от прочитанного. Эти произведения сродни восточным художественным миниатюрам.

Л. Багирова называет свои миниатюры «новеллами», придавая им тем самым психологическую заостренность. В одной из них, «Цвета и краски: малютки-размышления-воспоминания», раскрытие внутреннего мира персонажа происходит при помощи цветового кода, в котором зашифрованы ощущения. «Цвет жизни? — Красный <...> Цвет счастья? Их три. Синий, белый, черный <...> Цвет любви? — Жемчужно-перламутровый. Почему? <...> Цвет горя? — Желто-коричневый <...> Цвет смерти? — Серый <...> Цвет радости? — Зеленый» [Багирова, 2018: 132]. Автор нарисовала историю жизни своего персонажа во всех цветовых подробностях, уместив ее на половине страницы.

У Ш. Манафова в «юмореске» «Тигр-альбинос» цвет становится смысловой метафорой, в которой иронически прогнозируется ближайшее будущее — 2039 год, правда, в индийских джунглях. Автор создает несколькими цветовыми штрихами экзотическую картину дальних стран: «По бледно-лиловым джунглям шел, насвистывая

популярный шлягер двадцатых безъядерных, последний полосатый тигр Индии и Пакистана». Вследствие экологической деградации в «светло-голубой» бамбуковой рощице многие тигры мутировали в «серебристо-перламутровых», и это стало модным. Любимая полосатая тигрица пренебрегла героем и вышла замуж за престарелого альбиноса-вдовца «цвета использованной нестерильной ваты». Тигр страдал, пытался найти банку белой краски в сумках рисоводов, обижал альбиносов, за что был отправлен в зоопарк. Он не мог долго терпеть, как «серовато-лиловые мужчины и бледно-голубые женщины подводили к клетке тигра своих землисто-бирюзовых детей и они смотрели на диковинку, громадную, сочно-желтого цвета кошку» [Манафов, 2017: 132]. Однажды он вырвался из клетки и в джунглях напал «прямо на глаза у совета старейшин-альбиносов» на последнюю полосатую, которая и не сопротивлялась, чем «извратила роль полового отбора в эволюционной теории Дарвина» [там же].

В рассказанном анекдоте метафорически противопоставляются неестественные оттенки цветов животных и людей природной полосатости тигра, с образом которого автор связывает протестные настроения. Придание оценочности цветовым характеристикам дало возможность значительно сократить повествование.

В произведениях малой прозы русскоязычной азербайджанской литературы очевидна тенденция к уменьшению объема произведения и одновременно к жанровому многообразию, особенно ярко представленному в прозаической миниатюре, которая сохраняет содержательные признаки данной иноязычной литературы: воспоминания о советском прошлом, образ Баку, проблемы языка и отражения современных реалий.

Список литературы

1. *Агасиев Н.* Отражения-2 // Литературный Азербайджан. Баку, 2018. № 4. С. 35–48.
2. *Багирова Л.* Цвета и краски: малютки-размышления-воспоминания // Литературный Азербайджан. Баку, 2018. № 5. С. 132.
3. *Гасан-Заде А.* Банзай! // Литературный Азербайджан, Баку, 2017. № 4 С. 117–118.
4. *Джумазаде В.* Шиховский пляж // Литературный Азербайджан. Баку, 2018. № 11. С. 54–67.
5. *Касумова Е.* Пальто // Литературный Азербайджан. Баку, 2018. № 5. С. 28–37.
6. *Лачин.* Мостик // Литературный Азербайджан. Баку, 2011. № 2. С. 11–19.
7. *Манафов Ш.* Тигр-альбинос // Литературный Азербайджан. Баку, 2017. № 6. С. 130–132.

8. *Сорокина В.В.* Специфика жанровой формы «повесть» в современной азербайджанской русскоязычной литературе // *Actographe*. Paris, 2018. № 2. С. 309–323.

Vera Sorokina

SMALL PROSE OF THE LATEST RUSSIAN-LANGUAGE LITERATURE IN AZERBAIJAN

*Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

In modern Russian-language literature in Azerbaijan the genres of small prose are rapidly developing and, as a result, the genre gradation increases as the text of an artwork is shortened. While preserving the traditional titles — the story, the short story — the writers use other genre definitions “diary”, “humorous words”, “studies”, “reflections”, “fairy tales”, “songs”, “travel notes”, etc. The most dynamic is the genre of narrative miniatures, the traditions of which go back to the genres of Russian poems in prose and Oriental poetic miniatures. The story in the hierarchy of small forms takes the middle place: on the one hand, some works in their structure drift toward big stories because of its eventual importance and a certain time duration. With Azerbaijani writers, this genre definition is found most often. The intentional separation of the genre form of the “story” from the “big story” hides in the individual features of the text. In their stories E. Kasumova and V. Jumazade manage to put the whole life of a character in a nutshell, be it their past or present, life in Moscow or Baku. This makes internal space and time expand, bringing them closer in their lines to the stories. The works, called “stories” by the authors themselves, are more likely, on the contrary, in terms of volume and structure, to be prose miniatures. Lyrical prose miniatures, combining outer (epic) and inner (lyric) spaces, represent the greatest diversity in the genre palette of modern Azerbaijan literature. The “visions”, “insights”, and “fragments” of a fragmented world are combined in a single “me” as an expression of the inseparable integrity of the world.

Key words: Russian-language literature in Azerbaijan; small genre forms; story; prosaic miniatures; N. Agasiev; L. Bagirova; A. Hasan-zade; V. Jumazade; E. Kasumova; Lachin; S. Manafov.

About the author: *Vera Sorokina* — Prof. Dr., Senior Researcher, Scientific Laboratory ‘Russian Literature in the Modern World’, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: vvsoroko@gmail.com).

References

1. Agasiev N. Otrazhenija-2. [Reflections-2] *Literaturnyj Azerbajdzhan*, Baki, 2018, N 4, pp. 35–48. (In Russ.)

2. Bagirova L. Tzveta i kpaski. [Colours and Paints] *Literaturnyj Azerbajdzhan*, Baki, 2018, N 5, pp. 132. (In Russ.)
3. Hasan-zade A. Banzai! [Banzai!] *Literaturnyj Azerbajdzhan*, Baki, 2017, N 4, pp. 117–118. (In Russ.)
4. Jumazade V. Shichovskij pljazh. [Shichov Beach] *Literaturnyj Azerbajdzhan*, Baki, 2018, N 11, pp. 54–67. (In Russ.)
5. Kasumova E. Pal'to. [The Coat] *Literaturnyj Azerbajdzhan*, Baki, 2018, N 5, pp. 28–37. (In Russ.)
6. Lachin Mostik. [Bridge] *Literaturnyj Azerbajdzhan*, Baki, 2011, N 2, pp. 11–19. (In Russ.)
7. *Manafov S. Tigr-al'binos*. [Albino Tiger] *Literaturnyj Azerbajdzhan*, Baki, 2017, N 6, pp. 130–132. (In Russ.)
8. Sorokina V.V. Spetsifika zhanrovoj formy “povest” v sovremennoj azerbajdzanskoj russkojazyčnoj literature. [Specifics of Genre Forms in the Latest Russian-language Azerbajdzjan Literature] *Actographe*, Paris, 2018, N 2, pp. 309–323. (In Russ.)

НОВОЕ В СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Ян Вавжинчик

НОВОЕ В ПОЛЬСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

*Варшавский университет, факультет нефилологии,
ulica Dobra 55, 00–312 Warszawa*

Статья посвящена гиперсловарям как жанру современной лексикографии. Особое внимание уделяется *персональным* словарям на примере гиперсловаря автора статьи, известного польского ученого, лексикографа и лексиколога Яна Вавжинчика. Обсуждаются вопросы составления личных словарей как гипертекстов, как документов эпохи, которые могут быть свидетельствами многих событий и явлений. Описывается Национальный фотокорпус польского языка, созданный на базе датированных и локализованных фотоэксцерпций, являющийся большим достижением современной польской лексикографии.

Ключевые слова: лексикография; словарь; гипертекст; фотокорпус.

Несколько лет тому назад русскоязычные читатели лингвистической литературы получили возможность ознакомиться с состоянием лексикографии польского языка благодаря статье Т. Пиотровского «Польская лексикография» [Пиотровски, 2013: 817–841], опубликованной в известном сборнике «Славянская лексикография». В статью излагаются лексикографические факты, в том числе библиографическая информация вплоть по 2006 г. С того времени, разумеется, в Польше был опубликован целый ряд лексикографических исследований и словарей, содержащих новые идеи в области лексикографии. Ниже предлагается одна из них.

Название *hiper słownik* ‘гиперсловарь’ появилось в нашем личном языке недавно в качестве соответствия русского выражения *гиперсловарь*, что явилось неслучайным результатом (теперь уже многолетней) электронной переписки с Сергеем А. Крыловым, одним из членов большого московского лингвистического круга.

Что дает электронный визит в самую большую библиотеку мира? 22 декабря 2017 г. мы получили там (при помощи системы Google) только 33 поисковых результата польского сочетания (сращения) *hiper-słownik* ‘гиперсловарь’. В бездефисной записи — *hiper słownik* —

Вавжинчик Ян — доктор филологических наук, профессор факультета нефилологии кафедры формальной лингвистики Варшавского университета (e-mail: j.wawrzynczyk@uw.edu.pl).

оно появилось лишь дважды или трижды, причем, скорее всего, благодаря семантической близости к гипермаркету. Поиск на слово *gipersłownik* дал результат значительно лучший, 212 вхождений, тоже с преобладанием смысла «очень большой». В то же время запись *hyperdictionary* дала целых 283 000 результатов поиска. На фоне усилий авторов, использующих это понятие, мы позволили бы себе ввести в оборот собственное определение для графического образования (графоформы) *hipersłownik* (о чем ниже).

В настоящее время мы готовим к публикации в интернете 10-томную работу под названием «Гиперсловарь польского языка. Репродукция электронного черновика по состоянию на 31 декабря 2018 года».

Эта работа имеет долгую историю. Упомянем прежде всего брошюру «О создании материалов к тезаурусу польского языка двадцатого столетия» [Wawrzyńczyk, 1987], книгу «Над проектом “Польского словарного справочника”» [Wawrzyńczyk, 1993] и «Польский словарный справочник. Новый список источников: выборка словарных заголовочных слов» [Wawrzyńczyk, 1998]. После этого достаточно быстро произошло расставание с этикеткой «справочник», а значительный прирост лексикографических данных принес свои плоды в виде публикаций библиографического словаря польского языка [Wawrzyńczyk, 2000–2013]. Содержание последнего словаря (расширенное и в какой-то мере очищенное от опечаток и некоторых существенных неточностей) вошло в шеститомный словарь «250 тысяч интересных слов. Лексикон воспоминаний» [Wawrzyńczyk, 2016].

В нашей с Петром Вежхонем брошюре «Основная информация о “Национальном фотокорпусе польского языка”» упоминается о 3200 документах–источниках, найденных составителями «Словаря польского языка» под редакцией Витольда Дорошевского [SJPD] и Приложения к нему в 11 томе [Wawrzyńczyk, Wierzchoń, 2017: 3]. Это количество, давно имевшее хождение в лексикографической литературе, было нами проверено и откорректировано в направлении увеличения на несколько сот источников. Возвращаясь к гиперсловарю, замечу, что общее количество документов–источников, использованных в работе над НГР, превысило 10 000 и постоянно увеличивается, своей очереди ждет второй эшелон 10 000.

В настоящее время, как нам представляется, «Гиперсловарь польского языка» [НГР] в абсолютно новом «гиперсловарном» воплощении станет как раз той структурой, которая послужит оформлению моей нестандартной персональной коллекции данных значительного объема — собрания, которое я рассматриваю как свою личную *лексикографическую исповедь*, как особый жанр. Есть ведь, например,

биография как текст, значит, нет причин не обнародовать личные записи по прочитанной литературе как специфический текст со своей поэтикой, с включением заметок, корреспонденции и других графически оформленных материальных свидетельств, остающихся после человека и документирующих его пребывание на бременной земле.

Хотим особо подчеркнуть: НЖР — это лишь блокнот записей по прочитанной нами литературе, результат некоторого количества часов моей работы в разных библиотеках в Польше и за границей. Это библиографически-цитатографические записи, содержащие адреса опубликованных текстов и цитаты (в виде предложений или коротких фраз — в любом случае к ним в обязательном порядке прилагаются точные библиографические данные). НЖР — упорядоченная по алфавиту последовательность словарных статей с титулами-заголовками, но это и отдельные слова (спорадически также значимые части слов типа *anty-*, *-k-*, *-żerny*) либо словосочетания. В идеале это и есть цель (в электронном черновике НЖР еще не до конца реализованная). При этом окончательная версия электронного черновика личного гиперсловаря, или же превращение его в электронный чистовик — это не вопрос ближайшего будущего.

Заголовки словарных статей НЖР не являются заголовочными словами в полном смысле слова, хорошо известными пользователям. Только часть заголовков НЖР тождественна языковым единицам. Ограничение содержания НЖР языковыми единицами не позволило бы говорить о гипертекстовости НЖР. Гипертекстовость — отличительная, категориальная черта моих записей — моего личного блокнота записей ссылок и цитат. В НЖР мы включаем лишь то, что мне интересно, то, о чем мы хотим знать и что будем стараться помнить (и НЖР нам в этом поможет).

И таким образом, мой гиперсловарь — это не полностью завершенный гипертекст. Процесс расширения и формирования текста словаря продолжается постоянно. Каждый день мы вносим в электронный черновик очередные изменения одного из двух типов: 1) соединяем ссылками отдельные заголовочные слова со словарными статьями (в пространстве НЖР иногда очень далеко отстоящие друг от друга) и элементы их содержания, а также 2) включаем метаинформацию о текстах внешних (в отношении текста актуального НЖР — по его состоянию на данный момент). Метаинформация о внешних текстах подразумевает такую о новых текстах, в НЖР еще не отраженных (в виде цитат либо только обозначенных с помощью «голых» библиографических адресов). Непосредственно — т.е. с помощью специальной стрелки, к примеру, в статье **инфинитив**,

может быть найдена отсылка к статье **infinitivus**, а в статье **infinitivus** — отсылка к статье **инфинитив**. Можно предпринять поиск и косвенно — без этой стрелки (в этом случае речь идет о предположении: что пользователь НЯР сам, без физического графического сигнала обнаружит информативную связь, в том числе семантическую, существующую между соотносимыми фрагментами текста НЯР), ср., например, заголовочное слово или тему “Krzyż Komandorski” ‘Командорский крест’ (польский орден) и komandoria, что тоже значит ‘Командорский крест’.

Указанные словарные статьи благодаря общему цитированию приобретают связь друг с другом, а очередной фрагмент НЯР становится частью гипертекста. Но знание об уровнях гипертекстовости не является чем-то исключительным: во многих публикациях, особенно более или менее обширных, в книгах встречается список понятий (предметный указатель), индексы в конце книги, указатели названий, списки терминов и тому подобные структурные сегменты издания, которые до некоторой степени превращают его в гипертекст. Принципиальным моментом является здесь то, что эти публикации имеют только, как бы сказать, поверхностный текст. Однако необходимую и бесценную, поскольку сверхинформативную — глубину дает только процесс тотального «огипертекстовления».

Информация ценнее золота. НЯР — это все же, к сожалению, небольшое собрание лингвистической информации (включая и метаинформацию), добытой из библиотек, которые в известной степени являются кладбищами книг: чем больше библиотека, тем кладбище больше. «Библиотека печалит меня, она производит впечатление кладбища книг, угнетает несоответствием между тем, что человек способен познать и громадностью того, чего он не познает никогда. “Это уж вообще все равно/едино”, — думается с разочарованием» [Boy-Żeleński, 1965: 317].

Однако этой грустной тональности Бой-Желеньского надлежит противопоставить высказывание Умберто Эко: «Библиотека является, как желает того Боргес, моделью вселенной» [Есо, 2007: 47], чтобы роль библиотек (в том числе электронных) понять в современном мире правильно.

Такой информацией мы заполнили только 10 томов, а в качестве далекой цели видится полсотни подобных многотомников.

НЯР — нечто большее, чем путеводитель по библиотечным кладбищам. Это путеводитель, говоря метафорически, по горам предложений/высказываний. Каждое, чье бы то ни было, аналогичное по структуре собрание данных (большее, чем собрание НЯР) мы готовы приветствовать без зависти, с большой радостью и искренним одо-

брением, и просим его автора меня уведомить (через издательство BEL Studio в Варшаве).

Слова и словоформирующие форманты, выступающие в толковых словарях польского языка «от словаря Самуэля Линде [SJPL, 1807–1814] до словаря Станислава Дубиша [USJP, 2003]», особенно многословные — это специфические свидетельства, это «сувениры/свидетельства» разнообразнейших событий. Можно вспомнить при случае высказывание польского поэта Киприана Норвида о понимании слова как завещания.

Количество событий в Вечной действительности неисчислимо (что, как известно, обрекает каждого лексикографа на безусловную неудачу выбора). Миропонимание лексикографа позволяет ему вычленять в мире предметы физического и ментального бытия, разум подсказывает ему названия; это прямая дорога: от онтологии к словарной технологии.

В варшавской газете «Дзенник Польски» — бесценной, в том числе для лексикографов как источник документального подтверждения новейшего словарного состава польского языка, — напомнили недавно [DPol, 2017, № 272: 14] мысль Самуэля Джонсона (английского лексикографа, поэта, эссеиста, 1709–1984): «Есть два рода знания: когда мы обладаем знанием о каком-либо предмете или знаем, где найти нужную информацию». Поучительное напоминание!

Тот, кто знает всё, не может быть человеком. Бывают люди, знающие всё — или, добавим, почти всё, но их вселенское знание охватывает только какую-то одну конкретную область, реже две; это специалисты, ученые-исследователи и тому подобные потребители информации.

Лингвист изучает некоторое конечное количество интересующих его текстов. Каждый из них он старается в своей голове превратить в гипертекст — иными словами, связать формы и заключенное в них содержание, преодолевая тем самым линейность текста (которая является главной трудностью в его, текста, восприятии с помощью зрения или, к примеру, слуха (на научной конференции)). Однако гипертекстовая перспектива исследователя должна объять в результате много текстов, вследствие чего работа его ума должна быть соответствующим образом усилена, направлена на открытие как можно большего количества внутри- и межтекстовых связей, если он хочет достичь каких-то выдающихся результатов. А результаты эти — непосредственно производные от его персонального гиперсловаря (гиперидиословаря), формирующегося в его уме.

Почему бы не упростить себе задачу? Ведь память иногда подводит, накопленная в ней информация утрачивается и/или под-

вергается деформации; выход из такой ситуации можно найти в электронной записи добываемых на протяжении ряда лет знаний (в е-гиперсловаре). Отсюда уже один шаг до гиперсловаря — НДР. В нем заключены тысячи сочетаний/связей, которых нигде больше нет. НДР позволяет установить разные типы связей, такие, которые функционируют в (некоторых) умах. Чем более точный ум, интеллект, память, тем больше ее владелец способен установить таких связей. Гипертекстовик способен указать, например, на редкие словарные статьи, в которых лексикограф признается в своем незнании в процессе составления дефиниции какого-то конкретного заголовочного слова. Так, например, в Приложении к Словарю Дорошевского [SJPDs, 1969] под словом *jaśkółka* ‘ласточка’ дефиниция содержит элемент *правдоподобно* и т.д.

Человеческий ум, по своей природе гипертекстоцентричный, безуданно трудится над идентификацией и регистрацией таких связей. Люди — это же гипертекстовики. Слова *вспомнить/вспоминать* (для себя или для кого-то) — для НДР важнейшие «операционные» глаголы, вспомогательные инструменты.

НДР относится к области библиологии, библиографии, библиометрии. Библиолог, библиограф и библиометрист в одном лице имеет наибольшие, чем кто бы то ни было, шансы знать много, причем знать гораздо больше, чем другие, например, о польской лексике периода 1773–2017 гг., которым мы интенсивно занимаемся, о его словарном составе, зафиксированном в текстах, типологически соответствующих текстам источников «Словаря Дорошевского» [SJPDog, 1958–1969]. Стремление к тотальному знанию — желание знать, как можно больше, и задокументировать, как можно больше — мне также не чуждо...

Библиография — это необходимое свидетельство такого стремления — как наибольшая (как известная голландская *Лингвистическая библиография*), так и наименьшая (как, например, моя микробиблиография, посвященная русскому существительному *русак*), так как она создается для того, чтобы быть полезной конкретным группам пользователей, ученых и просто любителей. Что касается ученых, мы бы поставили вопрос жестче. Так, если какая-либо библиография связана с их научными интересами, то ученые обязаны *знать* научные труды, включенные в эту библиографию — в противном случае они рискуют, что их работа поздно или рано может быть оценена как неоригинальная, вторичная, устаревшая или отчасти ненаучная.

Словарные единицы заголовочных слов НДР не предопределяют и не лимитируют лингвистическую информацию (семантическую, синтаксическую, прагматическую или лексикографическую). На

уровне пользователя текста (любого графотекста) первоосновой является энциклопедическая информация. Принципиально чисто теоретический НДР, служащий исключительно для регистрации языковых единиц, без энциклопедической информации — был бы малополезен лингвистам.

Сетка словарных статей НДР не может быть традиционной, как в толковых словарях — например, в словаре Витольда Дорошевского [SJPD], Станислава Дубиша [USJP] или Богуслава Дуная [SWJP]. Не должна она также опираться исключительно на понимание единицы языка, содержащееся в Операциональной грамматике А. Богуславского [Bogusławski, 1978: 29–90], который пишет о том, что не всегда можно быть уверенным в том, является данное графовыражение или нет единицей языка, поскольку иногда мы натываемся на объекты, классификационно «недостаточно различаемые».

Ср. ситуацию, связанную с произвольно выбранным конкретным текстовым фактом. На страницах «Газеты Польской Цодзенне» [GPo1C, 2017, № 230: 2] мы узнали об идее создать Министерство Полонии. Polonia ‘Полония’ — это зонтичное название для всех поляков, проживающих за рубежами Польши. Соответственно, такое новое ведомство занималось бы именно этим контингентом польских граждан (и неграждан).

Итак, зарождается некая идея, некий замысел, появляется новая тема, формируется ситуация, побуждающая к раскрытию талант ономазиологического героя, движущей силы этой ситуации, «экспериенцера», и возникает название Ministerstwo Polonii ‘Министерство Полонии’. Кто-либо иной в связи с зарождением физического объекта с собственным индивидуальным названием и его семантико-прагматической организацией может впоследствии натолкнуться еще на некий иной замысел: начать использовать сокращенное название, однословное, Polonoministerstwo ‘Полономинистерство’.

НДР имеет определенную диахроническую миссию. Например, некто использует в данной общественной ситуации, публично, целостную фразу “Wystarczyło nie kraść i nie trwonić pieniędzy społecznych” ‘Достаточно было не красть и не транжирить общественные деньги’ (из интервью премьера Беаты Шидло газете «Дзенник Польски» [DP, 2017, № 234: 9]).

Идею подхватывает кто-то еще, используя в каком-то грамматическом смысле вневременную в каком-то смысле форму, обозначенную словом *wystarczyło* ‘достаточно’. А уже еще кто-то другой говорит и пишет *о таком заголовочном слове словарной статьи*:

📖 Nic dziwnego, że hasło “wystarczyło nie kraść” brzmi wiarygodnie ‘Ничего удивительного, что заголовочное слово статьи «достаточно не красть» звучит достоверно [GPo1C, 2017, *ibid.*]

Разве это уже единица языка? Что-то ономасиологически устоявшееся? Автор гиперсловаря и не должен решать для себя этот вопрос. Его задача — регистрация фактов, их библиографическое документирование, и более того — библиографическое лексикографирование. Языковые словари, понимаемые как словари единиц языка — важные общественные продукты науки, но польза от них не должна заслонять перспектив, которые открывают перед нами гиперсловари (в том числе метасловари).

В связи с вышесказанным можно спросить, кто это написал: «Мы знаем только одну единственную науку, науку истории»? НЈР и его собрат NFЈР, или же Национальный фотокорпус польского языка (размещен в Интернете на сайте www.nfjr.pl), принадлежат к историческим дисциплинам. Национальный фотокорпус является дваавторским произведением, реализуемым с 2014 г. мной совместно с Петром Вежхонем (в то же время у нас есть помощники: Роберт Бил; Лукаш Борхманн; Даниель Денисевич; Филипп Гралиньски; Михал Янковски; Мирослав Козярски; Шимон Квапишевски; Шимон Маховски; Войчеха Новаковски; Марчин Пигуляк).

Введение новых графовысказываний в НЈР означает всегда (будучи документационной или лексикографической деятельностью) *изменение* в ресурсах информации этого НЈР. Новые события, вершащиеся постоянно в Вечной действительности (а затем отражаемые в печатных и рукописных текстах в форме словарных графособытий, дискурсивных графособытий), исключают абсолютность или окончательное закрытие этого ресурса.

Сайт NFЈР — «Национального фотокорпуса польского языка» — в известной степени является фотоприложением к НЈР. В отношении такового можно помечтать уже о десяти миллионах фотоцитат. Эта воображаемая коллекция, безусловно, будет увлекательна и полезна — как полезны могут быть десять миллионов собранных книг (Государственная библиотека в Варшаве в настоящее время работает над увеличением своего цифрового фонда, предоставляющего через Интернет доступ к трем миллионам объектов).

Языковая личность поляка *не потеряется* среди этих миллионов текстов и содержащихся в них лексических единиц. После срывания своеобразных оков в виде понятия единицы языка можно говорить о еще более обширном горизонте, о пространстве, в котором языковая личность не только не потеряется, но будет идти вперед свободно и смело. НЈР открывает всего лишь какую-то микрочастичку этого пространства. Искушенный в языковом отношении носитель польского языка не только является пользователем этих миллионов текстов, но неоднократно сам активно увеличивает их запас, соз-

дает графодокументы, которые поздно или рано станут предметом интереса фиксатора, стремящегося к их тотальному охвату (в шутку сказать, *тотальника* в новом смысле этого слова).

Любой гиперсловарь, в конструировании которого понятие гипертекста является ключевым, — это физический предмет, продукт, позволяющий заинтересованным в нем, в его информативной функции лицам приближаться к цели, которой является ВСЕВЕДЕНИЕ — медленно, но поступательно, почти на микроны. Но поскольку *всеведение* в пространстве польского словаря («моего» периода 1773—2017 г.) не является для человеческого существа абсолютно необъятным, то уже, пожалуй, можно говорить не о микронах, а о вполне реальных метрах.

И давайте будем призывать создавать гиперсловари — польского, русского языка... Лучше всего пусть это будут электронные гиперсловари.

В наши дни говорится о свободном рынке информации. На этом рынке разные субъекты ведут себя по-разному, кто-то хочет на информации заработать, а есть также сторонники (и поставщики) бесплатно предоставляемой информации. Информация, необходимая лингвистам, в том числе лексикографам, должна быть бесплатной — использование информации из НЯР ничего не стоит, если не считать времени пользователя (при этом с учетом специально структурированных данных времени он тратит меньше, чем в случае использования данных из того большого «мешка без дна», каким является Интернет). Особое удовлетворение ощущаем мы тогда, когда нахожу в Интернете что-то, какую-то информацию, которая есть в НЯР или в Национальном фотокорпусе польского языка.

НЯР, будучи полностью личной инициативой в пространстве инфосферы, при его скромности, микромасштабности, вписывается тем не менее в программу действий участников международного проекта ЮНЕСКО, реализуемого с 1992 г., под названием «Память мира» (Memory of the World). Без многомиллионного бюджета, но с энтузиазмом каждый из нас может сохранять, спасать, беречь и делать доступными документы своей жизни, в том числе свой идиословарь. Описание своего личного языка в его лексической составляющей, *документальное наследие* личностей складывается, так или иначе, в документальное наследие целых обществ, народов, государств.

***

Проблемы, представленные в статье, мы обсуждали с несколькими персонами (особенно надоедая ими своей жене Элизе Малек).

Первый вариант статьи согласились прочитать Войцех Хлебда, Владимир В. Дубичинский, Станислав Дубиш, Ян Соколовский и Петр Вежхонь, за что мы им очень благодарны, так как замечания и суждения, на которые они не поскупились, позволили мне доработать некоторые формулировки и положения. За все недочеты текста отвечаем, конечно, исключительно мы сами.

Список литературы

1. *Piottrowski T.* Польская лексикография // Славянская лексикография / Отв. ред. М.И. Чернышева. М., 2013. С. 817–841.
2. *Bogusławski A.* Towards an Operational Grammar // *Studia Semiotyczne.* 1978. № 4. S. 29–90.
3. *Boy-Żeleński T.* Flirt z Melpomeną. Warszawa, 1965.
4. DPol — “Dziennik Polski” «Дзенник Польски» — ‘Ежедневная польская газета’.
5. GpolC — “Gazeta Polska Codziennie” «Газета Польска Цодзенне» — ‘Ежедневная польская газета’.
6. HJP — Hiper słownik języka polskiego.
7. NFJP — Narodowy fotokorpus języka polskiego www.nfjp.pl.
8. SJPD — Słownik języka polskiego: W 11 t./Pod redakcją W. Doroszewskiego; Polska Akademia Nauk. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1958–1969.
9. SJPDs — Słownik języka polskiego: W 11 t. T. 11. Pod redakcją W. Doroszewskiego; Polska Akademia Nauk. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1969.
10. SJPL — Linde S.B. Słownik języka polskiego: W 6 t. Warszawa, 1807–1814.
11. SWJP — Słownik współczesnego języka polskiego / Pod red. Bogusława Dunaja. Warszawa: Wilga, 1996.
12. *Umberto Eco.* Imię Róży. Warszawa: Noir Sur Blanc, 2007.
13. USJP — Uniwersalny słownik języka polskiego: W 4 t./Pod. red. Stanisława Dubisza: Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2006.
14. *Wawrzyńczyk J.* W sprawie materiałów do tezaurusa polszczyzny dwudziestowiecznej. Łódź: Uniwersytet Łódzki, 1987.
15. *Wawrzyńczyk J.* Chronologizacja słownictwa nowopolskiego. W poszukiwaniu źródeł dokumentacyjnych neologizmów powojennych, Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1992.
16. *Wawrzyńczyk J.* Polskie informatorium wyrazowe. Nowa lista haseł, wybór dokumentacji hasłowej. Warszawa, 1998.
17. *Wawrzyńczyk J.* Słownik bibliograficzny języka polskiego: W 10 t. Warszawa: BEL Studio; Księgarnia internetowa, 2010–2013.
18. *Wawrzyńczyk J.* 250 tysięcy ciekawych słów. Leksykon przypomnień: W 6 t. Warszawa: BEL Studio, 2016.
19. *Wawrzyńczyk J., Wierchoń P.* Podstawowe informacje o “Narodowym Fotokorpusie Języka Polskiego”. Warszawa: BEL Studio, 2017.

NEW THINGS IN POLISH LEXICOGRAPHY

*Warsaw University, Faculty of Modern Languages,
Department of Formal Linguistics, ulica Dobra 55, Warsaw*

The article deals with hyperdictionaries as a popular genre of contemporary Polish lexicography, putting special attention to personal hyperdictionaries. It discusses questions of how to make a personal hyperdictionary, which would be like a hypertext, a record of time, or a testimonial of many events and facts of life. Emphasis is laid on The National Photo Corpus of the Polish Language, made up of photo excerpts, dated and localized, which is a major achievement of contemporary Polish lexicography.

Key words: lexicography; dictionary; hypertext; photo corpus.

About the author: *Jan Wawrzyńczyk* — Prof. Dr., Faculty of Modern Languages, Department of Formal Linguistics, Warsaw University (e-mail j.wawrzynczyk@uw.edu.pl).

References

1. *Piotrowski T.* Pol'skaya leksikografiya. Slavyanskaya leksikografiya. Otv. red. M.I. Chernysheva. M.: Azbukovnik, 2013. S. 817–841.
2. *Bogusławski A.* Towards an Operational Grammar. *Studia Semiotyczne*. 1978. № 4, SS. 29–90.
3. *Boy-Żeleński T.* Flirt z Melpomeną. Warszawa, 1965.
4. DPol — „Dziennik Polski” «Дзенник Польски» — ‘Ежедневная польская газета’.
5. GpOL — „Gazeta Polska Codziennie” «Газета Польска Цодзенне» — ‘Ежедневная польская газета’.
6. HJP — Hiper słownik języka polskiego.
7. NFJP — Narodowy fotokorpus języka polskiego www.nfjp.pl.
8. SJPD — Słownik języka polskiego: W 11 t. Pod redakcją W. Doroszewskiego; Polska Akademia Nauk. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1958–1969.
9. SJPDs — Słownik języka polskiego: W 11 t. T. 11. Pod redakcją W. Doroszewskiego; Polska Akademia Nauk. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1969.
10. SJPL — Linde S.B. Słownik języka polskiego: W 6 t. Warszawa, 1807–1814.
11. SWJP — Słownik współczesnego języka polskiego. Pod red. Bogusława Dunajaja. Warszawa: Wilga, 1996.
12. *Umberto Eco.* Imię Róży. Warszawa: Noir Sur Blanc, 2007.
13. USJP — Uniwersalny słownik języka polskiego: W 4 t. Pod. red. Stanisława Dubisza: Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2006.

14. *Wawrzyńczyk J.* W sprawie materiałów do tezaurusa polszczyzny dwudziestowiecznej. Łódź: Uniwersytet Łódzki, 1987.
15. *Wawrzyńczyk J.* Chronologizacja słownictwa nowopolskiego. W poszukiwaniu źródeł dokumentacyjnych neologizmów powojennych, Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1992.
16. *Wawrzyńczyk J.* Polskie informatorium wyrazowe. Nowa lista haseł, wybór dokumentacji hasłowej. Warszawa, 1998.
17. *Wawrzyńczyk J.* Słownik bibliograficzny języka polskiego: W 10 t. Warszawa: BEL Studio; Księgarnia internetowa, 2010–2013.
18. *Wawrzyńczyk J.* 250 tysięcy ciekawych słów. Leksykon przypomnień: W 6 t. Warszawa: BEL Studio, 2016.
19. *Wawrzyńczyk J., Wierzchoń P.* (Wawrzyńczyk, Wierzchoń 2017: Podstawowe informacje o “Narodowym Fotokorpusie Języka Polskiego”. Warszawa: BEL Studio, 2017.

М. Менац-Михалич, Е.И. Якушкина

СОВРЕМЕННАЯ ХОРВАТСКАЯ ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ¹

*Загребский университет, философский факультет,
Загреб, 10000, ул. Ивана Лучича, 3*

*Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»,
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В обзоре излагаются достижения хорватской диалектной лексикографии конца XX — начала XXI в. Высокий уровень развития хорватской диалектной лексикографии определяется значительной степенью охвата хорватских говоров, ориентацией на составление полных словарей большого объема и разработанностью лексикографического описания.

Ключевые слова: славистика; хорватская диалектология; диалектная лексикография; диалектный словарь.

С конца XX в. в Хорватии начался период бурного развития диалектной лексикографии: за последние тридцать лет в стране было опубликовано более 100 диалектных словарей. Подавляющее большинство словарей описывает лексику говоров, значительно отличающихся от литературного языка. Прежде всего — это словари чакавского диалекта, распространенного на островах и побережье Адриатического моря [Бакарац: Turina, Šepić Tomić, 1977; Блато: Vačić Fratrić, 2008; Болуньско поле: Francetić, 2015; Брач: Šimunović, 2006, 2009; Vuković, 2001; Вис: Mardešić Centin, 1977; Roki-Fortunato, 1997; Вргада: Jurišić, 1973; Градище: Bencsics, 1982, 1991; Vulić, Maresić, 1998; Гробник: Lukežić, Zubčić, 2007; Зларин: Vjažić, Dean, 2002; Каштела: Baldić-Đugum, 2006; Корчула: Vačić Fratrić, 1988; Vaničević, 2000; Kalogjera, Fattorini Svoboda, Josipović Smojver, 2008; Cebalo, 2005; Panža, 2015; Ластово: Kućarić Kolende, 2001, 2003; Медулин: Peruško, 2010; Oštarić, 2016; Муртер: Juraga, 2010; Пазин: Gagić,

---

Менац-Михалич Мира — профессор кафедры кроатистики философского факультета Загребского университета (e-mail: mmenac@ffzg.hr).

Якушкина Екатерина Ивановна — кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: jkatia@yandex.ru).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–012–00471.

2017; Пасьяк: Orlando Hrvatин, 2013; Пашман: Vulić, Maresić, 1996; Пелешац: Vodopić, 2006; Пичан: Ružić Sudčev, 1999; Првич: Vlahov, 1996; Сали: Piasevoli, 1993; Сплит: Berezina-Matoković, 2004; Magner, Jutronić, 2006; Menac-Mihalić, Menac, 2011; Mladina, 2008; Petrić, 2008; Radišić, 1991, 1993; Šegvić, 2006; Рава: Božin, 2017; Рачья Вас: Medica, 2004; Ривань: Radulić, 2002; Роверия: Kalčić, Filipi, Milovan, 2014; Рукавац: Mohorovičić-Maričin, 2001; Сень: Mogaš, 2002; Трогир: Geić, Slade Šilović, 1994; Црес: Velčić, 2003; Цриквеница: Ivančić-Dusper, 2003; Ivančić-Dusper, Bašić, 2013; Угљан: Maričić Kukljičanin, 2000; Уние: Nikolić, 2000; Хвар: Barbić, 2011; Benčić, 2013; Dulčić, Dulčić, 1985; Hraste, Šimunović, Olesch, 1979; Matković, 2004; Хрватски Гроб: Такач, 2004; Фунтана: Selman, 2006], а также словари кайкавских говоров, занимающих территорию северной Хорватии [Вараждин: Lipljин, 2002; Горски Котар: Malnar, 2002, 2008. Гола: Večenaj, Lončarić, 1997; Делнице: Pavešić, Magaš, Laloš, 2006; Джурджевац: Maresić, Miholek, 2011; Загора: Matas, Šilović, 1995; Загорье: Vranić, 2010; Иванец: Hrg, 1996; Мурско Средишче: Blažeka, Rob, 2014; Озаль: Težak, 1981; Подравина: Belović, Blažeka, 2009; Maresić, 1995; Maresić, Menac-Mihalić, 2008; Sabol, 2004; Помурье: Blažeka, Racz, 2009; нижнее течение Сутлы: Hanzir, Horvat, Jakolić, Jozić, Lončarić, 2015; Самобор: Žegarac Peħarnik, 2003; Церье: Šatović, Kalinski, 2012]. На говоры, лежащие в основе хорватского литературного языка — штокавские, приходится более 20 лексикографических описаний [Бараня: Venak, 2011; Бачка: Mandić, 2016; Sekulić, 2005; Далматинская Загора и Западная Герцеговина: Bašić, 2013; Gusić, Gusić, 2004; Западная Герцеговина: Kraljević, 2013; Дубровник: Mladošić, Milošević, 2011; икавские говоры: Menac-Mihalić, 2005; Имотска краина: Babić, 2008; Šamija, 2004; Šamija, Tucak, Petričević, 2010; Šamija, Ujević, 2001; Лика: Čuljat, 2004; Молисе: Breu, Piccoli, Marčec, 2000; Piccoli, Sammartino, Hozjan, 2000, Menac-Mihalić; Славония: Verbić Kolar E., Kolenić, 2014; Jakšić 2015; Znika, 2017; Свети Рок: Јарунčić, 1998; Срем: Žarković, 2009; Шибеник: Jakovljević, 2006]².

Для Хорватии характерна сильная диалектная дифференциация, имеет место большая дистанция между диалектами, значительно препятствующая взаимному пониманию. Со времен Средневековья здесь существовала традиция региональных книжно-письменных языков, в качестве которых использовался тот или иной диалект. Жителям хорватских земель всегда было свойственно выраженное региональное самосознание, ощущение тесной связи с местом своего рождения и с родным говором. До сих пор, хотя и в упрощенном виде

² С географией хорватской диалектной лексикографии можно подробно ознакомиться в работе: *Lisac J. Nad kartama hrvatskih dijalekatnih rječnika od 1990 do 2015 // Čakavska rič XLVI, br. 1–2. 2018. S. 159–167.*

(испытывавшем влияние литературного языка) в Хорватии в повседневном общении в кругу близких используются диалекты: как замечает автор одного из диалектных словарей, хорваты с детства выучивают родной говор, а с литературным языком знакомятся только в школе. Однако и хорватские говоры во второй половине XX в. не избежали общей участи диалектов. К концу прошлого века говоры маленьких географически изолированных сел стали исчезать вследствие сокращения населения или влияния литературного языка (это касается прежде всего чакавского диалекта), а говоры больших населенных пунктов — утрачивать свое своеобразие. Чувство сожаления о стремительном исчезновении народной культуры и желание засвидетельствовать ее следы, познакомить с ней широкого читателя отражено в предисловиях ко многим словарям и как лейтмотив проходит через рецензии на них. У некоторых говоров в наше время осталось несколько десятков носителей (ср. говор с. Бели на о-ве Црес).

Большая часть словарей создана не профессиональными лексикографами, а патриотами своего края, учителями, журналистами, священниками, инженерами — носителями говора. На протяжении жизни они записывали дорогие им слова, потом издавали эти собрания. При обработке материала нередко прибегали к помощи диалектологов, выступивших в качестве соавторов или редакторов [например: Maresić, Miholek, 2011]. Часто словари печатаются в региональных издательствах в рамках программы по развитию культуры родного края. Даже в наши дни культура деревни и традиционные промыслы и ремесла сохранились в Хорватии очень хорошо, и одной из задач диалектного словаря становится отражение этой культуры «рыбаков, бондарей, крестьян». Параллельное любительской диалектной лексикографии явление — это литература на локальном говоре, которая активно развивается в Хорватии в наши дни. Литературные произведения на диалекте иногда становятся источником для диалектных словарей [ср. Ćuljat; Kraljević, 2013]. Нередко авторы словарей пишут предисловия к своим трудам на диалекте [например: Šimunović, 2009; Jakovljević, 2006]. Но и профессиональных словарей создано и издано очень много, их подготовкой активно и успешно занимается Институт хорватского языка и языкознания в Загребе. Яркий пример соавторства носителей говора, собирателей-любителей и профессиональных лингвистов — «Словарь говора Голы» [Večenaj, Lončarić, 1997]. Его авторами являются художник Иван Веченай, родом из Голы, собравший лексику, и ведущий специалист по кайкавским говорам Мийо Лончарич, давшей ее лингвистическое описание (транскрипцию, акцентуацию, грамматическую информацию, семантическую экспликацию). Для этого М. Лончарич работал с И. Веченаем как с информантом, уточняя

у него необходимую информацию. М. Лончарич и В. Зечевич обработали материалы священника Фердинанда Такача, собравшего лексику села Хорватский Гроб [Такач, 2004].

Современные хорватские диалектные словари — это в основном словари говора одного села или соседних сел. Региональные словари встречаются редко [ср., например: Čuljat, 2004 или Jakšić, 2015; Francetić, 2015; Šimunović, 2006], иногда в них документируется место записи [ср. Čuljat, 2004], иногда нет [ср. Jakšić, 2015]. Издано несколько словарей городских говоров [ср. Kalogjera, Fattorini Svoboda, Josipović Smojver, 2008 и Petrić, 2008]. Средний объем словарей составляет 10–15 тыс. слов, но встречаются и словари гораздо большего (ср. 70 тыс. слов [Malnar, 2008], 53 тыс. [Lipljin, 2013], 50 тыс. [Jakšić, 2015; Hraste, Šimunović, Olesch, 1979], 46 тыс. [Berezina Matoković, 2004], 30 тыс. [Šimunović, 2009], 28 тыс. [Kranjčević, 2004]) и меньшего масштаба (ср. 3 тыс. слов [Bašić, 2013]).

Для хорватской диалектной лексикографии обычным является составление полных словарей. Начало этой традиции положил Блаж Юришич, автор первого хорватского диалектного словаря «Словарь говора острова Вргада», изданного в 1973 г. Эта традиция поддержана в первом полном кайкавском словаре, вышедшем в 1997 г. [Večenaj, Lončarić, 1997] и признанном исчерпывающим содержание основного лексического фонда говора. Дифференциальные словари редки [ср. Kalogjera, Fattorini Svoboda, Josipović Smojver, 2008].

В Хорватии интенсивно развивается фразеологическая диалектная лексикография [Menac, Menac-Mihalić, 2011; Menac-Mihalić, 2005; Maresić, Menac-Mihalić, 2008; Maresić, 1995; Matković, 2004]. На данный момент опубликовано несколько словарей, представляющих фразеологию штокавских и кайкавских говоров, а также говора смешанного чакавско-штокавского типа. Словари основаны на живом современном материале, записанном от информантов. При презентации фразем используются два принципа группировки: по ключевым словам, содержащимся во фраземе, и по значению, выраженному литературным словом (словарь синонимичных фразем). «Фразеология сплитского говора со словарями» включает более трех тысяч фразем.

Значительное внимание хорватская лингвистика уделяет переселенческим хорватским говорам, бытующим за пределами Хорватии, в Италии, Словакии, Австрии, Венгрии [ср. Piccoli, Sammartino, Hozjan, Menac-Mihalić, 2000; Такач, 2004; Blažeka, 2009]. В подобных словарях эквиваленты к диалектным словам даются на языке страны проживания переселенцев (итальянском, словацком) и литературном хорватском.

Словарные статьи в хорватских словарях имеют следующие особенности. Заглавное слово пишется в фонетической транскрипции, иногда транскрипция дается отдельно, после заглавного слова [например, Belović, Blažeka, 2009]. Есть словари, которые приводят диалектные слова в упрощенном виде, не отражая фонетических особенностей говора. В словаре [Jakšić, 2015] в заголовок словарной статьи выносятся несколько возможных фонетических вариантов. Далее приводятся грамматические формы, нередко это род.п. ед.ч. для существительных и 1 л. ед.ч. наст. вр. для глаголов. Часто сообщается и более широкий инвентарь форм. Очень ценным представляется то, что в словарной статье указываются синонимы заглавного слова [например, Lipljin, 2002; Jakšić, 2015; Lukežić, Zubčić, 2007; Berezina-Matoković, 2004]. Для заимствований дается источник. Как правило, после экспликации значения приводятся примеры употребления слова в предложении. Встречаются комментарии к диалектным словам [например: Šatović, Kalinski, 2012]).

В приложении к словарям обычно публикуются списки топонимов, краеведческие материалы, описания народных обычаев, записи верований, пословиц, песен, обычаев [Šimunović, 2009; Maresić, Miholek, 2011; Jakovljević, 2006; Japunčić, 1998; Vodopić, 2006; и др.], а также записи диалектных текстов [Šimunović, 2009; Barbić, 2011; Vodopić, 2006; Vranić, 2010; Gagić, 2017; Petrić, 2008; и др.]. В словаре [Jakšić, 2015] в приложении приводятся интересные тематические подборки слов (названия рыб, грибов, игр, танцев и т.д.) и синонимические ряды глаголов и существительных с экспрессивной семантикой («болтать», «бить», «лентяй», «глупец» и др.). Встречаются иллюстрированные словари. Обычно они содержат изображения утвари, инструментов, одежды и т.п. [ср. Bašić, 2013; Šimunović, 2009]. Существуют и особые «словари в картинках» [Šamija, Petričević, 2017; Šamija, Tucak, Petričević, 2010].

Большое значение для лексикологических исследований имеют словари с левой литературной и правой диалектной частью [ср. Mladošić, Milošević, 2011; Piccoli, Sammartino, Hozjan, Menac-Mihalić, 2000]. Главным произведением в этом жанре является «Словарь говора чабарского края» С. Малнара [Malnar, 2008], содержащий диалектные эквиваленты для слов хорватского литературного языка.

Список литературы

1. Agramer — Rječnik njemačkih posuđenica u zagrebačkom govoru. Zagreb, 2013.
2. *Babić I.* Studenački rječnik. Studenci, 2008.
3. *Bačić Fratrić A.* Rječnik blatskog govora hrvatskog jezika na hrvatski rastumačen. Blato, 1988.

4. *Baldić-Đugum R.* Beside kaštelanske. Kaštela, 2006.
5. *Baničević B.* Rječnik starinskih riječi u Smokvici na Korčuli. Žrnovo, 2000.
6. *Barbić A.* Rječnik Pitava i Zavale. Zagreb, 2011.
7. *Bašić M.* Rječnik govora mjesta Škabrnje. Škabrnja, 2013.
8. *Belović S., Blažeka Đ.* Rječnik govora Svetog Đurđa. Zagreb, 2009.
9. *Benak S.* Rječnik baranjskog šokačkog narječja. Beli Manastir, 2011.
10. *Bencsics N. i sur.* Nimško-gradišćanskohrvatsko-hrvatski rječnik. Zagreb — Eisenstadt, 1982.
11. *Bencsics N. i sur.* *Gradišćanskohrvatsko-hrvatsko-nimški rječnik.* Zagreb — Eisenstadt, 1991.
12. *Benčić R.* *Rječnik govora grada Hvara.* Förske ríci i štörije. Hvar, 2013.
13. *Benković T.* Zagramer — Agramerski rječnik — Njemačke posudenice u zagrebačkom govoru. Zagreb, 2017.
14. *Berezina-Matoković D.* Ričnik velovareškoga Splita. Zagreb, 2004.
15. *Berbić Kolar E., Kolenić L.* Sičanjske riči. Osijek, 2014.
16. *Bjažić S., Dean A.* Zlarin. Kratka povijest i rječnik. Zagreb, 2002.
17. *Blažeka Đ., Racz E.* Rječnik pomurskih Hrvata. Budapest, 2009.
18. *Blažeka Đ., Rob G.* Rječnik Murskog središća. Zagreb, 2014.
19. *Božin D.* Rječnik govora starih žitelja otoka Rave. Zadar, 2017
20. *Breu W., Piccoli G., Marčec S.* Dizionario croato molisano di Acquaviva Collecroce. Campobasso, 2000.
21. *Cebalo R.* Razgovori na mrkenti. Zagreb, 2005.
22. *Čuljat M.* Ričnik ličke ikavice. Gospić, 2004.
23. *Dulčić J., Dulčić P.* Rječnik bruškoga govora // Hrvatski dialektološki zbornik, 7–2. 1985.
24. *Đuretić N.* Eseker — Mali rječnik esekerskog govora. Zagreb, 2014.
25. *Filipi G., Buršić-Giudici B.* Istrijski lingvistički atlas. Pula, 1998.
26. *Francetić I.* Rječnik boljunskih govora. Pula, 2015.
27. *Gagić M.* Rječnik pazinskoga govora. Pazin — Zadar, 2017.
28. *Geić D., Slade-Šilović M.* Rječnik trogirskog cakavskog govora. Trogir, 1994.
29. *Gusić I., Gusić F.* Rječnik govora Dalmatinske zagore i Zapadne Hercegovine. Zagreb, 2004.
30. *Hanzir Š., Horvat J., Jakolić B., Jozić Ž., Lončarić M.* Rječnik kajkavske donjosutlanske ikavice. Šenkovec; Zagreb, 2015.
31. *Houtzagers P.* The Kajkavian Dialect of Hidegséga and Fertőhomok. Amsterdam 1999.
32. *Hraste M., Šimunović P., Olesch R.* Čakavisch-deutsches Lexikon I. Wien; Köln, 1979.
33. *Hrg F.* Ivanečki govor i rječnik. Ivanec, 1996.
34. Hrvatski mjesni rječnik. Zagreb, 2016.
35. *Ivančić-Dusper Đ.* Crikveniški besedar. Crikvenica, 2003.
36. *Ivančić-Dusper Đ., Bašić M.* Rječnik crikveniškoga govora. Crikvenica, 2013.
37. *Jakovljević I.* Velki rječnik šibenskih riči. Šibenik, 2006.
38. *Jakšić M.* Rječnik govora slavonskih, bačkih i srijemskih. Zagreb, 2015.
39. *Japunčić M.* Taslak. Zagreb, 1998.

40. *Juraga E.* Rječnik govora otoka Murter. Murter; Šibenik, 2010.
41. *Jurišić B.* Rječnik govora otoka Vrgade. 2. dio. Zagreb, 1973.
42. *Kalčić S., Filipi G., Milovan V.* Rječnik roverskih i okolnih govora. Pazin; Zagreb, Pula, 2014.
43. *Kalogjera D., Fattorini Svoboda M., Josipović Smojver V.* Rječnik govora grada Korčule. Zagreb, 2008.
44. *Kraljević A.* Ričnik zapadnohercegovačkoga govora. Široki Brig — Zagreb, 2013.
45. *Kranjčević M.* Ričnik gacke čakavščine. Otočac, 2004.
46. *Kučarić Kolende K.* Moje lastovsko libro. Split, 2003.
47. *Kučarić Kolende K.* Rječnik starih i stranih riječi u lastovskom govoru. Split, 2001.
48. *Kustić N.* Čakavski govor grada Paga s rječnikom. Zagreb, 2002.
49. *Lipljin T.* Rječnik varaždinskoga kajkavskog govora. Varaždin, 2002.
50. *Lorger S.* Dalmatinske riči. Zagreb, 2008.
51. *Lučić B.* Kastavske 'domaće' besedi // Zbornik Kastavštine, 5. Kastav, 1997. S.139–197.
52. *Lukežić I., Zubčić S.* Grobnički govor XX. stoljeća. Rijeka, 2007.
53. *Magner T., Jutronić D.* Rječnik splitskog govora. Zagreb — Dubrovnik, 2006.
54. *Mahulja I.* Rječnik omišaljskoga govora. Rijeka — Omišalj, 2006.
55. *Malnar S.* Pamejnek. Čabar — Rijeka, 2002.
56. *Malnar S.* Rječnik govora čabarskog kraja. Čabar, 2008.
57. *Mandić Ž.* Rječnik govora santovačkih Hrvata. Könyv, 2016.
58. *Mardešić-Centin P.* Rječnik komiškog govora. Hrvatski dijalektološki zbornik, 4. Zagreb, 1977.
59. *Maresić J., Menac-Mihalić M.* Frazeologija križevačko-podravskih kajkavskih govora s rječnicima. Zagreb, 2008.
60. *Maresić J.* Mali frazeološki rječnik govora Podravske Sesveta // Podravske zbornik. Koprivnica, 1995. S. 219–236
61. *Maresić J., Miholek V.* Opis i rječnik đurdevečkog govora. Đurđevac, 2011
62. *Maričić Kukljičanin T.* Rječnik govora mjesta Kukljica na otoku Ugljanu. Zadar, 2000.
63. *Martinović Ž.* Rječnik iškoga govora. Zadar, 2005.
64. *Mataga V.* Romanizmi u neretvanskome govoru. Zagreb, 2003.
65. *Matas M., Šilović D.* Mali rječnik i opis običaja zagorskih sela // Zbornik o Zagori, 1. Zagreb, 1995.
66. *Matković D.* Rječnik frazema i poslovice govora Vrboske na otoku Hvaru. Jelsa, 2004.
67. *Medica A.* "Jen miljar radoških besed (Tisuću riječi govora sela Račja Vas)" // Buzetski zbornik, 30. 2004. S. 287–321.
68. *Menac A., Menac-Mihalić M.* Frazeologija splitskoga govora s rječnicima. Zagreb, 2011.
69. *Menac-Mihalić M.* Frazeologija novoštokavskih ikavskih govora u Hrvatskoj (S Rječnikom frazema i Značenjskim kazalom s popisom sinonimnih frazema). Zagreb, 2005.
70. *Milevoj M.* Gonan po nose. Rječnik labinske čakavice. Labin, 2006.

71. *Mladina R.* Žara puna riči. Zagreb, 2008.
72. *Mladošić D., Milošević M.* Naški dubrovački rječnik. Dubrovnik, 2011.
73. *Moguš M.* Senjski rječnik. Zagreb — Senj, 2002.
74. *Mohorovičić-Maričin F.* Rječnik čakavskog govora Rukavca i bliže okolice. Rijeka — Opatija, 2001.
75. *Nikolić M.* Unije: kuželj vaf sarcu. Mali Lošinj, 2000.
76. *Nimško-gradišćanskohrvatsko-hrvatski rječnik.* Zagreb — Eisenstadt, 1982.
77. *Orlando Hrvatinić J.* Rječnik mjesnoga govora Pasjaka (Zbornik Liburnijskoga krasa, sv. 2). Pasjak, 2013.
78. *Oštarić I.* Rječnik kolanjskoga govora ili ričnik mista Kolana na otoku Pagu. Zadar, 2005.
79. *Panža M.* Rječnik govora Blata na Korčuli. Zagreb, 2015.
80. *Pavešić M., Magaš B., Laloš Ž.* Rejč do riči — besejdnok dejuonskega devoana / rječnik delničkoga govora. Rijeka, 2006.
81. *Perušić M.* Rječnik čakavsko-kajkavskih govora karlovačko-dugoreškog kraja. Karlovac, 1993.
82. *Peruško M.* Rječnik medulinskoga govora. Medulin, 2010.
83. *Petrić Ž.* Splitski rječnik. Split, 2008.
84. *Piasevoli A.* Rječnik govora mjesta Sali. Zadar, 1993.
85. *Piccoli A., Sammartino A., Hozjan S., Menac-Mihalić M.* Dizionario dell'idioma croato-molisano di Montemitro. Montemitro — Zagreb, 2000.
86. *Radišić T.* Ričnik spliskog govora. Santa Barbara, 1991, 1993.
87. *Radulić L.* Rječnik rivanjskoga govora. Zadar, 2002.
88. *Roki-Fortunato A.* Libar viškiga jazika. Toronto, 1997.
89. *Runko R.* Rječnik govora zaseoka Mrkoči u Istri. Zagreb — Rijeka, 2014.
90. *Ružić Sudčev Š.* Pićan i pićonski idiomi. Pula, 1999.
91. *Sabol M.* Rječnik kajkavskih riječi Đelekoveca i okolice, Koprivnica, 2004.
92. *Sekulić A.* Rječnik govora bačkih Hrvata. Zagreb, 2005.
93. *Selman A.* Mali funtanjanski rječnik. Funtana, 2006.
94. *Smoljan A.* Rječnik govora otoka Ista. Zadar 2013.
95. *Sokolić-Kozarić J., Sokolić-Kozarić G.* Rječnik čakavskog govora Novog Vinodolskog. Novi Vinodolski, 2003.
96. *Šamija I.B.* Rječnik imotsko-bekijskoga govora. Zagreb, 2004.
97. *Šamija I.B., Petričević J.J.* Slikovni hrvatskog uzmorja. Zagreb, 2017.
98. *Šamija I.B., Tucak P., Petričević J.J.* Slikovni rječnik Imotske krajine. Zagreb, 2010.
99. *Šamija I.B., Ujević P.* Rječnik imotskoga govora. Zagreb, 2001.
100. *Šatović F., Kalinski I.* Rječnik Cerja zagrebečkoga. Zagreb, 2012.
101. *Šegvić E.* Naš dil mediterana. Split, 2006.
102. *Šimunović P.* Rječnik bračkih čakavskih govora. Supetar, 2006.
103. *Šimunović P.* Rječnik bračkih čakavskih govora. Zagreb, 2009.
104. *Takač F.* Rječnik sela Hrvatski Grob (horvatansko-hrvatsko-slovački rječnik). Zagreb, 2004.
105. *Težak S.* Ozaljski govor // Hrvatski dijalektološki zbornik. Knj. 6. Zagreb, 1981. S. 200–428.
106. *Tičić A.* Rječnik govora mjesta Poveljane na otoku Pagu. Zadar, 2004.

107. *Turčić B.* Sedmoškojani. Prvi čakavski rječnik. Rijeka, 2002.
108. *Turina Z., Šepić Tomin A.* Rječnik izraza (područje Bakarca i Škrljeva). Rijeka, 1977.
109. *Uglešić N.* Čakavski harvatski slovník. Veli Rat, 2017.
110. *Večenaj I., Lončarić M.* Rječnik govora Gole. Zagreb, 1997.
111. *Velčić N.* Besedar bejske Tramuntane. Rijeka, 2003.
112. *Vidović R.* Pomorski rječnik. Split, 1984.
113. *Vodopić N.* Kunovske stare riči. Kuna, 2006.
114. *Vlahov L.* Dalmatinski pučki ričnik. Zagreb, 1996.
115. *Vranić S.* Tak se govori (le) prinasa. Zagreb, 2010.
116. *Vranić S., Oštarić I.* Rječnik govora Novalje na otoku Pagu. Novalja, 2016.
117. *Vuković S.* Ričnik selaškoga govora. Split, 2001.
118. *Vulić S., Maresić J.* Mali rječnik tkonskoga govora // *Filologija* 26, 1996. S. 117–133.
119. *Vulić S., Maresić J.* Rječnik klimpuškoga govora // *Pannonisches Jahrbuch*. Wien, 1997. S. 370–395.
120. *Vulić S., Maresić J.* Rječnik govora Novoga Sela u Gradišću u Austriji // *Panonska ljetna knjiga*. Guttenbach (Pinkovac), 1998. S. 496–527.
121. *Žarković I.* Zaboravljeni rječnik — govor golubinačkog kraja. Subotica, 2009.
122. *Žegarac Peharnik M.* Mali tematski rječnik samoborskoga kajkavskog govora. Samobor, 2003.
123. *Znika M.* Rječnik podgajačkoga govora. Zagreb, 2017.

Mira Menac-Mihalić, Ekaterina Yakushkina

MODERN CROATIAN DIALECT LEXICOGRAPHY

*University of Zagreb, ul. Ivana
Luchicha, 3, Zagreb, 10000*

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The paper deals with the achievements of the Croatian dialect lexicography in the late 20th and early 21st century. The high level of Croatian dialect lexicography is determined by extensive coverage of Croatian dialects, emergence of dictionaries presenting a comprehensive dialect vocabulary and a perfect lexicographic description.

Key words: Slavic Studies; Croatian dialectology; dialect lexicography; dialect dictionary.

About the authors: *Mira Menac-Mihalić* — Prof. Dr., Department of Croatian Language, Faculty of Philosophy, University of Zagreb (e-mail: mmenac@flzg.hr); *Ekaterina Yakushkina* — PhD (in Philology), Associate Professor, Department

References

1. Agramer — *Rječnik njemačkih posuđenica u zagrebačkom govoru*. Zagreb, 2013.
2. Babić I. *Studenački rječnik*. Studenci, 2008.
3. Bačić Fratrić A. *Rječnik blatskog govora hrvatskog jezika na hrvatski rastumačen*. Blato, 1988.
4. Baldić-Đugum R. *Beside kaštelanske*. Kaštela, 2006.
5. Baničević B. *Rječnik starinskih riječi u Smokvici na Korčuli*. Žrnovo, 2000.
6. Barbić A. *Rječnik Pitava i Zavale*. Zagreb, 2011.
7. Bašić M. *Rječnik govora mjesta Škabrnje*. Škabrnja, 2013.
8. Belović S., Blažeka Đ. *Rječnik govora Svetog Đurđa*. Zagreb, 2009.
9. Benak S. *Rječnik baranjskog šokačkog narječja*. Beli Manastir, 2011.
10. Bencsics N. i sur. *Nimško-gradišćanskohrvatsko-hrvatski rječnik*. Zagreb — Eisenstadt, 1982.
11. Bencsics N. i sur. *Gradišćanskohrvatsko-hrvatsko-nimški rječnik*. Zagreb — Eisenstadt, 1991.
12. Benčić R. *Rječnik govora grada Hvara*. Förske říci i štörije. Hvar, 2013.
13. Benković T. *Zagramer — Agramerski rječnik — Njemačke posuđenice u zagrebačkom govoru*. Zagreb, 2017.
14. Berezina-Matoković D. *Ričnik velovareškoga Splita*. Zagreb, 2004.
15. Berbić Kolar E., Kolenić L. *Sičanjske riči*. Osijek, 2014.
16. Bjažić S., Dean A. Zlarin. *Kratka povijest i rječnik*. Zagreb, 2002.
17. Blažeka Đ., Racz E. *Rječnik pomurskih Hrvata*. Budapest, 2009.
18. Blažeka Đ., Rob G. *Rječnik Murskog središća*. Zagreb, 2014.
19. Božin D. *Rječnik govora starih žitelja otoka Rave*. Zadar, 2017
20. Breu W., Piccoli G., Marčec S. *Dizionario croato molisano di Acquaviva Collecroce*. Campobasso, 2000.
21. Cebalo R. *Razgovori na mrkenti*. Zagreb, 2005.
22. Čuljat M. *Ričnik ličke ikavice*. Gospić, 2004.
23. Dulčić J., Dulčić P. *Rječnik bruškoga govora*. — Hrvatski dialektološki zbornik, 7–2. 1985.
24. Đuretić N. *Eseker — Mali rječnik esekerskog govora*. Zagreb, 2014.
25. Filipi G., Buršić-Giudici B. *Istriotski lingvistički atlas*. Pula, 1998.
26. Francetić I. *Rječnik boljunskih govora*. Pula, 2015.
27. Gagić M. *Rječnik pazinskoga govora*. Pazin — Zadar, 2017.
28. Geić D., Slade-Šilović M. *Rječnik trogirskog cakavskog govora*. Trogir, 1994.
29. Gusić I., Gusić F. *Rječnik govora Dalmatinske zagore i Zapadne Hercegovine*. Zagreb, 2004.
30. Hanzir Š., Horvat J., Jakolić B., Jozić Ž., Lončarić M. *Rječnik kajkavske donjosutlanske ikavice*. Šenkovec — Zagreb, 2015.
31. Houtzagers P. *The Kajkavian Dialect of Hidegséga and Fertöhomok*. Amsterdam 1999.

32. Hraste M., Šimunović P., Olesch R. *Čakavisch-deutsches Lexikon I*. Wien, Köln, 1979.
33. Hrg F. *Ivanečki govor i rječnik*. Ivanec, 1996.
34. *Hrvatski mjesni rječnik*. Zagreb, 2016.
35. Ivančić-Dusper Đ. *Crikveniški besedar*. Crikvenica, 2003.
36. Ivančić-Dusper Đ., Bašić M. *Rječnik crikveničkoga govora*. Crikvenica, 2013.
37. Jakovljević I. *Velki rječnik šibenskih riči*. Šibenik, 2006.
38. Jakšić M. *Rječnik govora slavonskih, bačkih i srijemskih*. Zagreb, 2015.
39. Japunčić M. *Taslak*. Zagreb, 1998.
40. Juraga E. *Rječnik govora otoka Murter*. Murter, Šibenik, 2010.
41. Jurišić B. *Rječnik govora otoka Vrgade*. 2. dio. Zagreb, 1973.
42. Kalčić S., Filipi G., Milovan V. *Rječnik roverskih i okolnih govora*. Pazin, Zagreb, Pula, 2014.
43. Kalogjera D., Fattorini Svoboda M., Josipović Smojver V. *Rječnik govora grada Korčule*. Zagreb, 2008.
44. Kraljević A. *Ričnik zapadnohercegovačkoga govora*. Široki Brig — Zagreb, 2013.
45. Kranjčević M. *Ričnik gacke čakavščine*. Otočac, 2004.
46. Kučarić Kolende K. *Moje lastovsko libro*. Split, 2003.
47. Kučarić Kolende K. *Rječnik starih i stranih riječi u lastovskom govoru*. Split, 2001.
48. Kustić N. *Čakavski govor grada Paga s rječnikom*. Zagreb, 2002.
49. Lipljin T. *Rječnik varaždinskoga kajkavskog govora*. Varaždin, 2002.
50. Lorgjer S. *Dalmatinske riči*. Zagreb, 2008.
51. Lučić B. *Kastavske 'domaće' besedi*. Zbornik Kastavštine, 5. Kastav, 1997. S.139–197.
52. Lukežić I., Zubčić S. *Grobnički govor XX stoljeća*. Rijeka, 2007.
53. Magner T., Jutronić D. *Rječnik splitskog govora*. Zagreb — Dubrovnik, 2006.
54. Mahulja I. *Rječnik omišaljškoga govora*. Rijeka — Omišalj, 2006.
55. Malnar S. *Pamejnek*. Čabar — Rijeka, 2002.
56. Malnar S. *Rječnik govora čabarskog kraja*. Čabar, 2008.
57. Mandić Ž. *Rječnik govora santovačkih Hrvata*. Könyv, 2016.
58. Mardešić-Centin P. *Rječnik komiškog govora*. Hrvatski dijalektološki zbornik, 4. Zagreb, 1977.
59. Maresić J., Menac-Mihalić M. *Frazeologija križevačko-podravskih kajkavskih govora s rječnicima*. Zagreb, 2008.
60. Maresić J. *Mali frazeološki rječnik govora Podravskih Sesveta*. Podravski zbornik. Koprivnica, 1995. S. 219–236
61. Maresić J., Miholek V. *Opis i rječnik đurđevečkog govora*. Đurđevac, 2011
62. Maričić Kukljičanin T. *Rječnik govora mjesta Kukljica na otoku Ugljanu*. Zadar, 2000.
63. Martinović Ž. *Rječnik iškoga govora*. Zadar, 2005.
64. Mataga V. *Romanizmi u neretvanskome govoru*. Zagreb, 2003.
65. Matas M., Šilović D. *Mali rječnik i opis običaja zagorskih sela*. Zbornik o Zagori, 1. Zagreb, 1995.
66. Matković D. *Rječnik frazema i poslovice govora Vrboske na otoku Hvaru*. Jelsa, 2004.

67. Medica A. “*Jen milijar radoških besed (Tisuću riječi govora sela Račja Vas)*”. Buzetski zbornik, 30. 2004. S. 287–321.
68. Menac A., Menac-Mihalić M. *Frazeologija splitskoga govora s rječnicima*. Zagreb, 2011.
69. Menac-Mihalić M. *Frazeologija novoštokavskih ikavskih govora u Hrvatskoj* (S Rječnikom frazema i Značenjskim kazalom s popisom sinonimnih frazema). Zagreb, 2005.
70. Milevoj M. *Gonan po nase. Rječnik labinske čakavice*. Labin, 2006.
71. Mladina R. *Žara puna riči*. Zagreb, 2008.
72. Mladošić D., Milošević M. *Naški dubrovački rječnik*. Dubrovnik, 2011.
73. Mogaš M. *Senjski rječnik*. Zagreb — Senj, 2002.
74. Mohorovičić-Maričin F. *Rječnik čakavskog govora Rukavca i bliže okolice*. Rijeka — Opatija, 2001.
75. Nikolić M. *Unije: kuželj vaf sarcu*. Mali Lošinj, 2000.
76. *Nimško-gradišćanskohrvatsko-hrvatski rječnik*. Zagreb — Eisenstadt, 1982.
77. Orlando Hrvatinić J. *Rječnik mjesnoga govora Pasjaka* (Zbornik Liburnijskoga krasa, sv. 2). Pasjak, 2013.
78. Oštarić I. *Rječnik kolanjskoga govora ili ričnik mista Kolana na otoku Pagu*. Zadar, 2005.
79. Panža M. *Rječnik govora Blata na Korčuli*. Zagreb, 2015.
80. Pavešić M., Magaš B., Laloš Ž. *Rejč do riči — besejdnek dejuonskega devoana/rječnik delničkoga govora*. Rijeka, 2006.
81. Perušić M. *Rječnik čakavsko-kajkavskih govora karlovačko-dugoreškog kraja*. Karlovac, 1993.
82. Peruško M. *Rječnik medulinskoga govora*. Medulin, 2010.
83. Petrić Ž. *Splitski rječnik*. Split, 2008.
84. Piasevoli A. *Rječnik govora mjesta Sali*. Zadar, 1993.
85. Piccoli A., Sammartino A., Hozjan S., Menac-Mihalić M. *Dizionario dell'idioma croato-molisano di Montemitro*. Montemitro — Zagreb, 2000.
86. Radišić T. *Ričnik spliskog govora*. Santa Barbara, 1991, 1993.
87. Radulić L. *Rječnik rivanjskoga govora*. Zadar, 2002.
88. Roki-Fortunato A. *Libar viškiga jazika*. Toronto, 1997.
89. Runko R. *Rječnik govora zaseoka Mrkoči u Istri*. Zagreb — Rijeka, 2014.
90. Ružić Sudčev Š. *Pićan i pićanski idiomi*. Pula, 1999.
91. Sabol M. *Rječnik kajkavskih riječi Đelekovca i okolice*. Koprivnica, 2004.
92. Sekulić A. *Rječnik govora bačkih Hrvata*. Zagreb, 2005.
93. Selman A. *Mali funtanjanski rječnik*. Funtana, 2006.
94. Smoljan A. *Rječnik govora otoka Ista*. Zadar 2013.
95. Sokolić-Kozarić J., Sokolić-Kozarić G. *Rječnik čakavskog govora Novog Vinodolskog*. Novi Vinodolski, 2003.
96. Šamija I.B. *Rječnik imotsko-bekijskoga govora*. Zagreb, 2004.
97. Šamija I.B., Petričević J.J. *Slikovni hrvatskog uzmorja*. Zagreb, 2017.
98. Šamija I.B., Tucak P., Petričević J.J. *Slikovni rječnik Imotske krajine*. Zagreb, 2010.
99. Šamija I.B., Ujević P. *Rječnik imotskoga govora*. Zagreb, 2001.
100. Šatović F., Kalinski I. *Rječnik Cerja zagrebečkoga*. Zagreb, 2012.

101. Šegvić E. *Naš dil mediterana*. Split, 2006.
102. Šimunović P. *Rječnik bračkih čakavskih govora*. Supetar, 2006.
103. Šimunović P. *Rječnik bračkih čakavskih govora*. Zagreb, 2009.
104. Takač F. *Rječnik sela Hrvatski Grob (horvatsko-hrvatsko-slovački rječnik)*. Zagreb, 2004.
105. Težak S. *Ozaljski govor*. Hrvatski dijalektološki zbornik. Knj. 6. Zagreb, 1981. S. 200–428.
106. Tičić A. *Rječnik govora mjesta Povljane na otoku Pagu*. Zadar, 2004.
107. Turčić B. *Sedmoškofjani. Prvi čakavski rječnik*. Rijeka, 2002.
108. Turina Z., Šepić Tomin A. *Rječnik izraza (područje Bakarca i Škrpljeva)*. Rijeka, 1977.
109. Uglešić N. *Čakavski hrvatski slovník*. Veli Rat, 2017.
110. Večenaj I., Lončarić M. *Rječnik govora Gole*. Zagreb, 1997.
111. Velčić N. *Besedar bejske Tramuntane*. Rijeka, 2003.
112. Vidović R. *Pomorski rječnik*. Split, 1984.
113. Vodopić N. *Kunovske stare riči*. Kuna, 2006.
114. Vlahov L. *Dalmatinski pučki ričnik*. Zagreb, 1996.
115. Vranić S. *Tak se govori (le) prinas*. Zagreb, 2010.
116. Vranić S., Oštarić I. *Rječnik govora Novalje na otoku Pagu*. Novalja, 2016.
117. Vuković S. *Ričnik selaškega govora*. Split, 2001.
118. Vulić S., Maresić J. *Mali rječnik tkonskoga govora*. Filologija 26, 1996. S. 117–133.
119. Vulić S., Maresić J. *Rječnik klimpuškoga govora*. Pannonisches Jahrbuch. Wien, 1997. S. 370–395.
120. Vulić S., Maresić J. *Rječnik govora Novoga Sela u Gradišću u Austriji*. Panon-ska ljetna knjiga. Guttenbach (Pinkovac), 1998. S. 496–527.
121. Žarković I. *Zaboravljeni rječnik — govor golubinačkog kraja*. Subotica, 2009.
122. Žegarac Peharnik M. *Mali tematski rječnik samoborskoga kajkavskog govora*. Samobor, 2003.
123. Znika M. *Rječnik podgajačkoga govora*. Zagreb, 2017.

РЕЦЕНЗИИ

О.Р. Темиршина

**Рецензия на кн.: Хализев В.Е., Холиков А.А.,
Никандрова О.В.
РУССКОЕ АКАДЕМИЧЕСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ:
ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ (1900–1960-е годы):
Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп.
М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 176 с.**

*Образовательное частное учреждение высшего образования «Институт
международного права и экономики им. А.С. Грибоедова»
11024, г. Москва, шоссе Энтузиастов, д. 21*

Рецензируемая книга посвящена русскому академическому литературоведению 1900–1960-х годов, которое рассматривается в трех ракурсах: генетическом, структурном и функциональном; анализируются важнейшие теоретические установки отечественной науки о литературе, предлагается типология научных школ и методов.

Ключевые слова: метод; литературоведение XX в.; академические школы.

Рецензируемая книга заявлена как учебное пособие, однако, на наш взгляд, ее содержание выходит за рамки этого жанра. Авторы статьи ставят серьезные актуальные вопросы, касающиеся общих методологических оснований теории литературы, избегают традиционного для учебного пособия энциклопедического изложения фактов и выявляют закономерности общего движения литературоведения первой половины XX в. Таким образом, книгу можно рассматривать как *коллективную монографию*, где с опорой на серьезный методологический аппарат исследуются основные этапы развития отечественной науки о литературе.

Зависимость развития русского литературоведения от философских, исторических и социальных факторов приводит к вопросу о методологических координатах описания объекта исследования. Центрами смысловой архитектуры книги являются *структура объекта*, его *функция* и *генезис*. Именно эти ключевые понятия и задают исследовательскую перспективу каждой главы, что приводит к концептуальному единству работы, где разные литературоведческие школы и направления рассматриваются с общих методологических позиций.

Темиршина Олеся Равильевна — доктор филологических наук, профессор кафедры истории журналистики и литературы Института международного права и экономики им. А.С. Грибоедова (e-mail: olesja@temirshina.ru).

Первая глава «О составе литературоведения и специфике его методологии» носит вводный характер. Исследователи выделяют три методологические области в составе науки о литературе: текстологию (максимально приближенную к эмпирии художественного текста); теоретическую поэтику (занимающуюся изучением художественной формы), интерпретацию (связанную с процессом смыслопостижения художественного текста). Область интерпретации является наименее разработанной, однако именно рефлексия над методами интерпретации позволяет в синтетическом ракурсе осмыслить оппозицию объективного и субъективного начал в исследовании художественного текста.

Вторая глава книги «Русское академическое литературоведение начала XX века и традиция Александра Веселовского» демонстрирует, как эта синтетическая установка воплощалась в русском литературоведении рубежа веков, ключевой фигурой которого стал Веселовский. Именно Веселовский, как считают исследователи, — «застрельщик» синтетической науки о литературе. Так, ученый декларировал, что подлинным объектом научного осмысления является традиция — именно она представляет собой объективный компонент. В то же время Веселовский, как показано в главе, не отказывался от изучения и личностного начала — напротив, в своих поздних работах он был сосредоточен на «личном почине». Таким образом, Веселовский действительно преодолевал «представление построения науки о литературе по образцу наук естественных» (с. 38) и обосновал правомерность изучения собственно гуманитарного компонента.

В третьей главе «Парадоксы и “плодотворные крайности” русского формализма (методология/мировоззрение)» рассматривается место формального метода в развитии отечественной науки о литературе. Подробно анализируя общие методологические ориентиры формалистов, исследователи показывают формальный метод как логическую целостность, компоненты которой объединены единой функцией и соотнесены с общей гносеологической базой. В качестве таковой выступает *понимание поэтического творчества как преодоления материала с помощью приема*. Исключительный интерес представляет реконструкция философской подоплеки этой важнейшей формалистской установки: убедительно показано, что концепция искусства как приема может восходить к идеям Бергсона, с которыми Шкловский, видимо, был знаком.

Анализ формального метода как логической целостности дополняется анализом формальной школы в мировоззренческой перспективе. Авторы книги, выявляя внутренние психолого-мировоззренческие основы течения, акцентируют внимание на иронически-игровом отношении формалистов к реальности. В этой части главы формалисты предстают как своеобразные *трикстеры* от литературоведения, которые, играючи, выходят за пределы традиционной науки о литературе и открывают новые, еще не исследованные материи литературного творчества.

Внутренняя амбивалентность формализма отражает его парадоксальную суть: жесткой монистической теории сопутствовало релятивистское мировоззрение. Эта двойственность в исторической перспективе, как показано

в главе, оказалась трагической, ибо грандиозная авангардистская задача тотального пересоздания реальности так и не осуществилась.

В четвертой главе, «Догматическое литературоведение в эпоху господства марксизма-ленинизма», доказывается, что марксистско-ленинское литературоведение является еще одной инкарнацией монистического направления. Однако если формалисты были монистами «формы и приема», то марксисты от литературоведения утверждали абсолютный приоритет содержания, интерпретированного в классово-социальном ключе.

Эта глава носит преимущественно исторический характер. Подробно описывается существование литературоведения в условиях идеологических чисток и репрессий, рассказывается о многочисленных кампаниях, направленных против инакомыслящих, приводится ряд интереснейших исторических фактов, касающихся многочисленных дискуссий... И если способом общественного бытия формализма был скандал, то советское догматическое литературоведение реализовывалось преимущественно в форме постоянной непримиримой борьбы, сопровождающейся митинговой риторикой, лозунговостью и общим агрессивным тоном полемики.

Исторические данные, приводимые в главе, являются уникальными и по-настоящему интересными, однако за ними несколько потерялся сам *метод* — возможно, что ему следовало бы уделить больше внимания, хотя бы потому что сегодня марксистское литературоведение в его западной редакции набирает популярность. Кроме того, марксизм сыграл свою позитивную роль при становлении русского структурализма, о чем идет речь в следующей главе «Становление русского структурализма: ранние работы Ю.М. Лотмана».

В данной главе говорится прежде всего о начальном этапе становления структурно-семиотической школы; при этом ранние работы Ю.М. Лотмана, ставшие центральным объектом исследования, рассматриваются на фоне структурального литературоведения. основополагающая черта русской версии метода, полагают авторы, заключается в том, что русский структурализм уже в своих истоках тяготел к культурной прагматике и был культурологически ориентирован — и это в полной мере, как утверждают авторы книги, касается научного творчества Лотмана. Его мировоззрение показано как система, элементы которой взаимозависимы.

Несмотря на то, что в главе речь идет преимущественно о ранних работах Лотмана, его научное творчество рассматривается как целостный феномен. Исследователи демонстрируют, каким образом ранние поиски Лотмана фактически определили своеобразие его поздних работ. Примечательно, что некоторые пассажи носят не только описательный, но и объяснительный характер. В этом смысле исключительно интересны страницы, где речь идет о сопряжении в ранних лотмановских работах позитивистских установок и марксистского метода, что, по мнению авторов работы, стало возможным благодаря общей идее обусловленности произведения внешними факторами.

Последняя глава «Научные школы и внеакадемическое литературоведение» выполняет роль заключения. Материал книги обобщается на более высоком уровне абстракции: школы и методы предстают как компоненты

более общего историко-методологического «сюжета». Начальным этапом развития этого «сюжета» было конфликтное противостояние разных методов, финальным этапом стало отрицание методологического монизма и синтез разных методологий на основе понимания литературы как сложного многомерного объекта.

Подведем итоги. Книга с точки зрения ее концептуальной организации получилась на редкость целостной. Продуманность методологических установок, последовательно проведенных в каждой главе, делает ее не только учебным пособием, но и настоящим научным трудом, где предлагается оригинальная концепция развития отечественной науки о литературе. Анализ русского академического литературоведения в историко-генетическом, структурном и функциональном аспектах позволил увидеть объект изучения во всей его сложности и многомерности. Показано и доказано, что своеобразии каждой школы определяется не только ее имманентными установками, но и богатым историческим контекстом, в рамках которого росло и развивалось отечественное литературоведение двадцатого столетия.

Olesja Temirshina

**Book Review: Khalizev V.E., Kholikov A.A.,
Nikandrova O.V.
THE HANDBOOK OF RUSSIAN LITERATURE CRITICISM.
HISTORY AND METHODOLOGY
(1900–1960). 2nd ed., rev. and suppl.
Moscow, St. Petersburg: Nestor-Historia, 2017. 176 pp.**

*Griboedov Institute of International Law and Economics
21 Chaussée Entuziastov, Moscow, 111024*

The book under review discusses the phenomenon of Russian literary criticism between 1900 and the 1960s, which is viewed in the book from three perspectives: genetic, structural, and functional. The book analyzes the most important theoretical approaches of the national science of literature and suggests a typology of scientific schools and methods.

Key words: method; Russian literary criticism of the twentieth century; academic schools.

About the author: *Olesja Temirshina* — Prof. Dr., Department of Journalism and Literature History, Griboedov Institute of International Law and Economics (e-mail: olesja@temirshina.ru).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

А.В. Архангельская, Л.И. Теплова, А.Н. Ярко

«ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ» В ФИЛИАЛЕ МГУ В СЕВАСТОПОЛЕ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Статья представляет собой хронику научной конференции «Ломоносовские чтения» и международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов», прошедших в филиале МГУ в Севастополе 3–5 апреля 2019 г.

Ключевые слова: конференция; филология; лингвистика; литературоведение; лингводидактика; история филологической науки; методика преподавания языков.

В филиале МГУ в Севастополе 3–5 апреля 2019 г. состоялись ежегодная научная конференция МГУ «Ломоносовские чтения» и Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов».

Филологическая проблематика была представлена на двух тематических секционных заседаниях и на двух круглых столах, один из которых был посвящен проблеме лексических заимствований в современном русском языке, а второй, приуроченный к Году театра в России, — взаимодействию литературы и театра.

На заседании подсекции «Филология» («Ломоносовские чтения») было заслушано девять докладов.

А.Н. Ярко (Севастополь, «Гражданская и личная свобода в публицистической деятельности Н.М. Карамзина») рассмотрела понятие «свобода», которое было одним из ключевых для писателя и претерпело изменения на протяжении его творческого пути. Так, в «Письмах русского путешественника» воплощением свободы становится Швейцария и простая нравственность ее жителей, со временем размышления о политической

Архангельская Анна Валерьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: arhanna@mail.ru).

Теплова Любовь Ивановна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филиала МГУ в Севастополе (e-mail: liubovteplova@mail.ru).

Ярко Александра Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы филиала МГУ в Севастополе (mysunok@gmail.com).

свободе приводят Карамзина к отрицанию революции и прославлению разумной монархии, ограничивающей деятельность граждан законом; в конце своей деятельности Карамзин приходит к осмыслению свободы, не привносимой извне государственным строем, а вырабатываемой человеком внутри самого себя. В докладе *М.В. Ветровой* (Севастополь, «Крым в романе И.А. Бунина “Жизнь Арсеньева”») — части большой и весьма актуальной темы «Крым в русской литературе» — были затронуты как теоретические вопросы, связанные с дискуссионным понятием «крымского текста», так и особенности восприятия и изображения Крыма у Бунина. Были выявлены наиболее значимые аспекты «крымского» эпизода романа: встреча с прошлым, историей, древностью, с иными культурами, знакомство с природой, существенно отличающейся от среднерусской; Крым изображается как пространство освобождения от навязанных представлений, самопознания, встречи человека с подлинным собой и с подлинной реальностью. *А.В. Архангельская* (Москва, «Система ремарок в пьесе Бориса Акунина “Убить змееныша”») говорила об особенностях ремарок в драматическом произведении, посвященном событиям правления царевны Софьи и детским годам Петра I и входящем в литературный конвой исторического проекта «История российского государства»: о характерологических функциях ремарок и описаний действующих лиц, приемах взаимодействия со зрительным залом, игровом, в том числе и внедраматическом, характере отдельных элементов текста, системе отсылок к современности; была прослежена связь ремарок с реализацией авторских установок на психологизм действия и нелинейность времени в драме.

В выступлении *Н.В. Величко* (Севастополь, «Типичные ошибки, обусловленные интерференцией, в работах участников лингводидактического тестирования по русскому языку как иностранному») анализировались ошибки, допущенные гражданами Украины при тестировании в севастопольском филиале МГУ: в значительной степени ошибки обусловлены интерференцией украинского языка, распространившейся на все языковые уровни; были выявлены зоны, в которых интерференция проявляется с наибольшей регулярностью. *Е.М. Галанова* (Севастополь, «Средства выражения оценочности в высказываниях о ЕГЭ») проследила, как оценочность проявляется на разных уровнях языка. Анализ показал, что в высказываниях о ЕГЭ на родительских и учительских форумах, в социальных сетях явно преобладают средства выражения отрицательной оценки. В докладе *О.А. Кузиной* (Севастополь, «События в Керченском проливе в текстах СМИ как идеологема») были описаны языковые особенности репрезентации конфликта в Керченском проливе в англоязычной прессе и установлено, что конфликт рассматривался как идеологема, содержание которой складывается из смысловых блоков-конструктов, представляющих собой вербализованные идеи. *Н.В. Лобкова* (Севастополь, «Джон Доулэнд — свой среди чужих, чужой среди своих: амбивалентная фокализация я-повествователя»), обсуждая письмо выдающегося английского музыканта Дж. Доулэнда первому министру Елизаветы I Р. Сесилу в нарратологическом аспекте, поставила вопрос о художнике, зависимом от власти и вынужденном выбирать между верой и карьерой. В докладе *Ю.Л. Ситько* (Севастополь, «Связь классов знаков по

Ч.С. Пирсус с формами речи») деление знаков на иконы, индексы и символы обсуждалось с точки зрения соотношения означаемого и означающего во времени: иконы одновременны означающему, индексы следуют за ним во времени, а символы существуют «над временем» как способные и следовать за означаемым, и сосуществовать с ним, и предшествовать ему. *Л.И. Теплова* (Севастополь, «Грамматические ошибки русскоязычных студентов в письменной речи на английском языке») рассмотрела, как влияют на ошибки в речи инофонов различия в грамматическом строе родного и изучаемого языков и явления межязыковой интерференции (перенос правил функционирования грамматических единиц одного языка на примерно такие же цепочки грамматических единиц другого языка).

На заседании подсекции «Филология» секции «Гуманитарные науки» международной молодежной конференции «Ломоносов» было заслушано 11 докладов (шесть — подготовлено студентами филиала МГУ в Севастополе, пять — студентами Крымского федерального университета в Симферополе).

Н.С. Казарян (Севастополь, «Художественная функция “границы” в романе М.А. Булгакова “Белая гвардия”»), опираясь на теоретические положения Бахтина и Лотмана, рассмотрела границу как линию, разделяющую художественный мир романа и его героев на два взаимонепроницаемых подпространства, и как место, вблизи которого разворачиваются переломные события в жизни героев. Исследованию передачи поэтики словесного искусства языком кино был посвящен доклад *К.А. Аркаевой* (Севастополь, «“Судьбы скрещенья”: образ железной дороги романа Б.Л. Пастернака “Доктор Живаго” в кинематографическом воплощении»: сравнение трех экранизаций романа (Д. Лина, Дж. Кампиотти и А. Прошкина) и рассмотрение множества «скрещений» судеб в романе как его структурообразующей основы показало, что все экранизации сохраняют эту структуру и используют образ железной дороги для иллюстрации «скрещенья» судеб героев.

Особенности мифологического хронотопа (цикличность времени и постоянство пространства) и средства его актуализации были рассмотрены *Е.Н. Тузлуковой* (Севастополь, «Мифологический хронотоп в романе А.В. Иванова “Псоглавцы”»).

М.И. Цуприк (Симферополь, «Севастополь в период Великой Отечественной войны в украинской поэзии») отметила растущий интерес современных исследователей к крымским мотивам.

Студенты Крымского федерального университета *П.Ю. Нечипас* и *П.В. Петрова* на английском языке говорили об англоязычной литературе. *П.Ю. Нечипас* анализировала основной конфликт в пьесе Дэвида Хейра «Всякое бывает» исходя из современного представления о драматическом конфликте и его разновидностях: были определены особенности британской политической драмы, а также отмечено, что основной конфликт представлен столкновением гуманистических ценностей и политических амбиций. *П.В. Петрова* («Особенности постмодернистской литературы (на материале эссе Пола Остера “The accidental rebel”»)» рассмотрела текст 2008 г. о восприятии войны во Вьетнаме как яркий пример постмодернистского произведения.

Студентки Филиала МГУ в Севастополе *Н.С. Антоненко* и *М.В. Курпьянова* выступили с результатами работы, осуществленной при грантовой поддержке Правительства Севастополя совместно с РФФИ (№ 18–312–50003 «Наставник»).

Н.С. Антоненко («Обследование функционирования русского языка в Байдарской долине Большого Севастополя летом 2018 года») рассказала о полевых диалектологических исследованиях, отметив, что системное описание функционирования региолекта проводилось с учетом экстралингвистических факторов, формирующих национальную, культурную и политическую идентичность населения различной культурной, этнической и религиозной принадлежности. Доклад *М.В. Курпьяновой* в соавторстве с учащимися 10-х классов двух севастопольских школ, *В.А. Митасовым* (школа № 49) и *Т.Е. Тепловой* (школа № 8), описывал факторы, которые необходимо учитывать, исследуя бытование языка в городе.

Два сообщения были сделаны по результатам сравнительно-сопоставительных исследований языков. Перевод реалий как одна из сложных проблем был рассмотрен *В.Д. Грищенко* (Севастополь, «Передача названий русскоязычных реалий на английский язык при автопереводе»): сопоставление романа Набокова «Защита Лужина» и его авторского перевода на английский язык показало, что Набоков чаще всего использовал уподобляющий перевод, пытаясь вызвать у англоязычных читателей такие же ассоциации, как и у читателей оригинала. *С.Р. Шихаметова* (Симферополь, «Сравнительный анализ русских и турецких фразеологических единиц, включающих названия частей тела»), отметила, что соматические фразеологизмы, представляющие собой один из древнейших слоев в лексике различных языков, обладают высокой словообразовательной активностью и отражают особенности национального менталитета.

Доклад *П.А. Бобко* на английском языке (Симферополь, «Интеграция английского языка в экономические и научные процессы XXI века») был сфокусирован на общепризнанном статусе английского как универсального средства международного взаимодействия, причинах и последствиях такого статуса.

Заседание круглого стола «Лексические заимствования в современном русском литературном языке» было проведено в формате учебно-научного методологического семинара: студенты анализировали внешние и внутренние причины заимствований, обсуждали языковые признаки заимствованных слов, особенности заимствований из разных языков. В рамках открытой дискуссии была отмечена интенсификация процесса заимствования в русском языке начала XXI в., обсуждались языковые последствия этого явления и отношение к нему.

Круглый стол «Литература и театр» стал продолжением прошлогоднего мероприятия, в котором принимали участие не только представители Севастопольского академического русского театра им. А.В. Луначарского и Крымского академического русского драматического театра им. М. Горького, но и зрители. В этом году формат предполагал диалог исключительно театральных работников и филологов; в круглом столе принимали участие завлиты двух театров и представительницы двух разных поколений, что

сделало беседу разнообразной и продуктивной. Л.Я. Резник, отвечавшая за литературную часть театра им. А.В. Луначарского в XX в., поделилась опытом общения с режиссерами, актерами и властными структурами в советское время и рассказала о постановке спектакля по «Собачьему сердцу» Булгакова сразу после публикации повести и еще до выхода фильма В. Бортко. Т. Еременко, совсем недавно принявшая должность заведующей литературной частью театра им. Б.А. Лавренева, рассказала о новых путях, которые ищет современный театр для перенесения классических произведений на сцену.

Важной частью дискуссии стало обсуждение различных вариантов спектаклей, которые незадолго до этого посетили студенты и преподаватели — участники круглого стола.

В спектакле театра им. А.В. Луначарского «Чайка» потенциальная многозначность чеховской пьесы частично воплощается и при помощи четырех актеров, играющих в двух вариантах Тригорина и Треплева, и благодаря двум разным трактовкам спектакля о Мировой Душе. Обсуждение обогащалось и тем, что многие дискуссанты видели оба варианта спектакля, и тем, что в нем приняли участие создатели спектакля: актеры и режиссер. Не менее значимым оказалось обсуждение иммерсивного спектакля «Достоевский. Экспедиция», также представленного в театре им. А.В. Луначарского в двух вариантах. В представлении две части, вторая — спектакль по повести «Белые ночи», первая же состоит из различных способов поговорить со зрителем о жизненном пути и творчестве Достоевского (от исполняемой на рояле импровизации до коллективного чтения фрагмента романа «Преступление и наказание»), а также трех монологов — Игрока, Подростка и Ставрогина или Мышкина.

Результатом круглого стола можно считать не только углубление теоретических знаний студентов и расширение их культурной эрудиции, но и продуктивное продолжение столь удачно начавшегося диалога.

Anna Arkhangelskaia, Liubov Teplova, Alexandra Yarko

**'THE LOMONOSOV READINGS'
AT THE MSU BRANCH IN SEVASTOPOL**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The scientific conference 'The Lomonosov Readings' and the International scientific conference of students, graduate students and young scientists 'Lomonosov', two traditional academic events, were held at the MSU Branch in Sevastopol on April 3–5, 2019. Panel discussions on Philology are on the programmes of both conferences. The literary studies panel focused on Russian and foreign prose and poetry, and covered an array of topics, including the concept of freedom in N. Karamzin's works, the perception and reflection of

Crimea by I. Bunin, stage directions in B. Akunin's drama 'To Kill a Viper', the mythological chronotope in A. Ivanov's novel 'The Dog-headed', screen versions of 'Docror Zhivago', the concept of border in M. Bulgakov's novel 'The White Guard', Sevastopol in Ukrainian poetry, drama conflict in D. Hare's play 'Stuff Happens', the postmodernist slant of 'The Accidental rebel' by Paul Auster. The linguists panel discussed and interpreted parents' judgments on the Uniform National Exam, media coverage of the events in the Kerch strait, John Dowland's letter to P. Ceccil. Linguistic theory was presented in a paper discovering the relationship between Ch. Pierce's types of signs and forms of speech. Reports on field research in the Baidarskaya valley region of Greater Sevastopol and on factors influencing language in the urban setting were major contributors to the discussion on contemporary Russian language. Results of comparative studies were presented in the paper contrasting English and Russian texts of V. Nabokov's novel 'The Defence' and the paper on Russian and Turkish phraseological units. Researchers also discussed typical mistakes of students learning a second or foreign language and the role of English in the modern world. The programme also included panel discussions on borrowings in contemporary literary Russian and an interplay between literature and theatre.

Key words: conference; linguistics; literary studies; linguodidactics; history of philology; methods of language teaching.

About the authors: *Anna Arkhangel'skaia* – PhD in Literature, Associate Professor, Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: arhanna@mail.ru); *Liubov Teplova* – PhD in Literature, Associate Professor, Department of Foreign Languages of the MSU Branch in Sevastopol (e-mail: liubovteplova@mail.ru); *Alexandra Yarko* – PhD in Literature, Associate Professor, Department of the Russian Language and Literature of the MSU Branch in Sevastopol (e-mail: mysunok@gmail.com).

А.Е. Беликов

ДЕНЬ НАУКИ НА ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ — 2019

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Отчет о прошедшей 10–11 апреля 2019 г. на филологическом факультете Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (День науки) содержит сведения о количестве и составе участников, межфакультетских подсекциях и специальных презентациях, лучших докладчиках и наградах.

Ключевые слова: конференция «Ломоносов»; День науки; молодежный форум.

10 и 11 апреля 2019 г. на филологическом факультете проходила Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» — традиционный День науки, объединяющий начинающих исследователей из разных вузов и стран. Секция «Филология» продолжает оставаться одной из самых популярных гуманитарных секций Международного молодежного научного форума «Ломоносов».

В 2019 г. для участия в работе секции «Филология» было подано более тысячи заявок из более чем 140 вузов и научных институтов, в том числе и от иностранных участников из Азербайджана (из Баку), Армении (из Еревана), Белоруссии (из Минска, Могилева), Германии (из Берлина), Казахстана (из Алматы, Астаны/Нур-Султана, Кокшетау, Костаная, Петропавловска), Китая (из Пекина, Харбина, Шанхая, Шэньчжэня), Латвии (из Даугавпилса), Польши (из Познани), Сербии (из Белграда), Узбекистана (из Джизака, Ташкента), Украины (из Донецка, Ясиноватой), Японии (из Киото), а также от обучающихся на филологических факультетах российских университетов аспирантов из Китая. Из зарубежных университетов наиболее значительным был вклад Донецкого национального университета — отобрано 14 заявок, Совместного университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне — отобрано 11 заявок, Российско-Армянского (Славянского) университета — отобрано шесть заявок.

Пришло много заявок от студентов различных российских вузов: из отобранных работ наибольшее количество приходится на Высшую школу экономики — 17 работ. Значителен вклад Санкт-Петербургского

Беликов Алексей Евгеньевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: belikov.smu@gmail.com).

государственного университета — 16, Северо-Кавказского федерального университета — 15, Тюменского государственного университета — 13, Московского государственного областного университета и Томского государственного университета — по 12 работ, Воронежского государственного университета — 11, Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова — 10, Ставропольского государственного педагогического института — 8, Московского государственного лингвистического университета — 7 работ.

Всего по результатам работы экспертных комиссий была отобрана 621 заявка на участие в конференции в секции «Филология». Тезисы этих участников были опубликованы в электронном виде¹.

Работа 58 подсекций была разделена на два дня — 10 и 11 апреля. В рамках секции «Филология» традиционно проводились заседания трех межкафедральных подсекций: «Жизнь языка, геолингвистика и искусственные языки» (руководители — докт. филол. наук, проф. *С.Н. Кузнецов* и канд. филол. наук *О.Н. Шувалова*), «Филологическое исследование переводов текста» (руководитель — канд. филол. наук, доц. *А.В. Уржа*), «Язык и языки в интернет-коммуникации» (руководитель — докт. филол. наук, проф. *О.В. Дедова*). Кафедрой русского языка был проведен круглый стол «Проблемы ономастики (к 90-летию А.В. Суперанской)» (организатор — канд. филол. наук *Ж.А. Панина*). Также в Пушкинской гостиной по приглашению Научного студенческого общества кафедры истории зарубежной литературы с докладом «Франсуа Вийон. Поэзия, легенды и вымыслы» выступила канд. филол. наук, доц. кафедры французского языкознания *Е.В. Клюева*. В Библиотеке кафедры классической филологии специально для участников конференции была проведена презентация первого полного перевода «Илиады»² на русский язык, выполненного александрийским стихом — д.ф.н. *А.И. Любжин*, блестящий поэт и переводчик, завершил прерванный на 480 стихе IX песни перевод университетского стихотворца Ерилла Ивановича Кострова (1755–1796).

Более шестистот участников из зарубежных стран, Москвы и других городов России (Барнаул, Белгород, Великий Новгород, Видное, Владивосток, Владимир, Волгоград, Вологда, Воронеж, Дубна, Екатеринбург, Елец, Иваново, Ижевск, Йошкар-Ола, Казань, Калининград, Калуга, Кемерово, Коломна, Королев, Кострома, Краснодар, Красноярск, Курск, Липецк, Лобня, Магадан, Мытищи, Набережные Челны, Нижневартовск, Нижний Новгород, Новосибирск, Одинцово, Омск, Пермь, Петрозаводск, Подольск, Псков, Ростов-на-Дону, Рязань, Самара, Санкт-Петербург, Саранск, Саратов, Севастополь, Сергиев Посад, Смоленск, Ставрополь, Сургут, Таганрог, Тамбов, Тверь, Тольятти, Томск, Тула, Тюмень, Улан-

---

¹ Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2019»/Отв. ред.: И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс] М., 2019. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см. Систем. требования: ПК с процессором 486+; Windows 95; дисковод DVD-ROM; Adobe Acrobat Reader. 1600 Мб. 11000 экз. ISBN 978–5–317–06100–5 СЕКЦИЯ «Филология».

² Гомер. Гомерова Илиада / Пер. с др.-греч. Е.И. Кострова и А.И. Любжина. М., 2019. 536 с.

Удэ, Ульяновск, Химки, Электросталь, Якутск, Ярославль) приняли участие в работе секции «Филология» и выступили с сообщениями перед своими молодыми коллегами и руководившими заседаниями преподавателями-экспертами.

Дипломами ректора за лучший доклад были отмечены *Антоненко Наталья Сергеевна* и *Красулина Елизавета Алексеевна* (Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе) за доклад «Обследование функционирования русского языка в Байдарской долине Большого Севастополя летом 2018 года»; *Кулакова Ася Вадимовна* (Российский государственный гуманитарный университет) за доклад «Зарождение нарративных структур в «Анонимном собрании изречений пустынных отцов»»; *Чжао Яо* (Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Шэньчжэнь, КНР) и *Анохина Юлия Юрьевна* (Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН) за доклад «Роман В.Ф. Одоевского “4338 год” в исследовательской мысли Китая». Более 230 участников были награждены грамотами декана и книгами, 65 докладчиков получили рекомендации к публикации в рецензируемом мультиязычном научном журнале *Stephanos* (электронном проекте филологического факультета).

Aleksei Belikov

THE 2019 SCIENCE DAY AT THE FACULTY OF PHILOLOGY

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This is an overview of the panel discussions on Philology at the International conference ‘Lomonosov’ on April 10–11, 2019 at the Faculty of Philology. Over 1000 young scholars had applied for the conference and 621 were enrolled. The forum hosted guests from all over Russia, from Armenia, Azerbaijan, Belarus, China, Georgia, Germany, Kazakhstan, Latvia, Serbia, Ukraine, and Uzbekistan. The Philology panel had 58 units, among them Life of Language, Geolinguistics and Artificial Languages, Languages in Internet Communication, Philology-based Study of Prose Translations. 230 participants were awarded diplomas and books, 65 were granted recommendations to publish their articles in the *Stephanos* journal.

Key words: Lomonosov Conference; Science Day; youth forum.

About the author: *Aleksei Belikov* — PhD in Philology, Associate Professor, Classics Department, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: belikov.smu@gmail.com).

О.И. Черчук, Е.В. Шатько

**СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ, ЛИТЕРАТУРА,
КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ХРОНИКА
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1

Представлен обзор научных докладов, прозвучавших на прошедшей 28–29 ноября 2018 г. на базе филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова международной научной конференции «Славянский мир: язык, культура, литература», посвященной 75-летию кафедры славянской филологии и 100-летию со дня рождения одного из основателей кафедры проф. А.Г. Широковой. В конференции приняли участие более 150 лингвистов, литературоведов и культурологов из Москвы, Петербурга, других университетских и научных центров России, а также из 15 стран ближнего и дальнего зарубежья. К открытию конференции опубликован сборник материалов (Славянский мир: язык, литература, культура / Ред. колл.: М.Л. Ремнёва и др. М., 2018).

Ключевые слова: филология; славяноведение; лингвистика; литературоведение; культура; славянский мир; А.Г. Широкова.

Конференцию открыли декан филологического факультета *М.Л. Ремнёва* (в настоящее время — президент филологического факультета) и представители Посольства Чешской Республики.

На первом пленарном заседании выступали российские ученые и гости из Чехии. В докладах *В.Ф. Васильевой*, *Н.В. Воробьёвой*, *Г.П. Нецименко* рассматривались различные аспекты многосторонней деятельности заслуженного профессора Московского университета и почетного доктора Карлова университета *А.Г. Широковой* — основателя советской школы богемистики, на протяжении 20 лет возглавлявшей кафедру славянской филологии филологического факультета Московского университета. Доклад *М. Чеховой* был посвящен изменениям в современном чешском языке. В докладе *В.М. Мокиенко* описывалась история создания «Чешско-русского фразеологического словаря», постоянным консультантом которого была

Черчук Ольга Игоревна — аспирант филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: cherchuk-olga@yandex.ru).

Шатько Евгения Викторовна — младший научный сотрудник отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН (e-mail: eshatko@gmail.com).

А.Г. Широкова. Доклады *И.Г. Милославского* и *Е.В. Петрухиной* были посвящены глаголам в славянских языках. О роли глагола и контекста в выражении аспектуальных параметров действий в русском и чешском рассказывала *Е.В. Петрухина*. Выступление *Т.И. Вендиной* было посвящено проблеме создания славянской диалектологии на основе данных «Общеславянского лингвистического атласа».

На заседании секции «Славянская книжность» обсуждались особенности языка списков ранней русской редакции Кормчей книги XIII–XVI вв. (доклад *Г.С. Баранковой*). Языковые характеристики двух текстов, ранее не известных в истории чешского библейского перевода XIX в., были представлены в докладе *И.В. Вернер*. Об исследовании Книг пророков в библейском кодексе 1502–1507 гг. Матфея Десятого рассказал *В.В. Калугин*. С докладом «К вопросу о первоначальном славянском переводе Евангелия: история и современность» выступила *А.С. Новикова*. *Т.В. Пентковская* рассмотрела лингвистические особенности переводов иеродиакона Феофана, выполненных в московском Чудовом монастыре в 80-е годы XVII в. Прозвучали доклады *Е.А. Матвеевко*, *Е.А. Кузьминовой*, *С. Менгель*, *Г.А. Молькова*, *Н.В. Николенковой*, *Я.А. Пеньковой*, *Ф. Ромоли*, *М.В. Скачедубовой*, *А.Л. Соломоновской*, *М.К. Ферро*, *С.Н. Юсуповой*. В работе секции приняли самое активное участие *А. Кречмер*, *А. Бояджиев*, *Цв. Димитрова*, *Л.Б. Карпенко*, *М. Браксаторис*, *А.М. Гилевска*.

На заседании секции «Славянская диалектология» были заслушаны выступления, касающиеся разных аспектов говоров славянских языков и картины мира славян. Материал для дальнейших диалектологических исследований был представлен в выступлениях исследователей из Москвы (*И.А. Букринская*, *О.Е. Кармакова*, *М.Н. Белова*, *И.Б. Качинская*, *Е.Е. Левкиевская*, *Е.А. Нефедова*, *Ж.А. Панина*, *Н.А. Редько*, *С.С. Скорвид*, *Е.С. Узенева*), Петербурга (*А.Н. Соболев*), Саратова (*О.Ю. Крючкова*), Костромы (*Л.А. Дмитрук*), а также из Сербии (*Б. Вельович*).

Заседание секции «Сопоставительная грамматика славянских языков» открыла *И.Е. Иванова* докладом «Пунктуационное оформление деепричастных оборотов в сербском языке в сопоставлении с русским». Фонетическую характеристику словацкого языка на фоне других славянских языков проанализировал *М.А. Штудинер*. *М.В. Шульга* обратилась к вопросу о типологической доминанте славянских языков. *Л.А. Сергеева* и *М.В. Долгопола* (Уфа) в своем выступлении разобрали полисемию имен прилагательных с корнем *dob (r)- в славянских языках. Дальнее зарубежье представляли *Я. Коцкова* (Прага), *И. Любоха-Круглик* (Катовице), *Б. Марич* (Белград), *П. Осенова* (София), *Ж. Челич* (Загреб).

Посвященный необходимости учета особенности чешской языковой ситуации доклад *Н.В. Воробьевой* открыл работу секции «Лингводидактика. Преподавание славянских языков». О роли перевода в обучении иностранным языкам говорила *Т. Русскина*, к вопросу о методике преподавания чешского языка в азербайджаноязычной аудитории обратилась *Р. Шафиева*. Об интернет-портале «Азбука чешских реалий», создаваемом на философском факультете Карлова университета, рассказал *И. Гасил*. Также с докладами выступили *Е.С. Вучкович*, *Т.С. Мочалова*, *Б. Петковска*,

А. Штерёска-Митреска, И.В. Платонова, С.А. Рылов, С. Хаджихалилович, М.В. Яйич-Новоградец.

На второй день конференции докладчики были распределены по десяти секциям. На утреннем заседании секции «Грамматика современных славянских языков» аудитории предлагалось прослушать доклады на разные актуальные темы: доклад *Д.Ю. Ващенко* был посвящен семантике основных словацких лексем со значением кратковременности: *minúta, chvíľa, okamih*; *О.С. Плотникова* проанализировала современные тенденции в функционировании форм сослагательного наклонения в словенском литературном языке. В работе секции приняли активное участие *М. Гигер, М.Т. Димитрова, Е.Ю. Иванова, С.А. Кабанова, Д. Керкез, Р. Шаяхметов.*

Выступление *Ю.В. Роговневой* на секции «Лексика и фразеология славянских языков. Лексикография» было посвящено нефикциональным описаниям животных в русском и чешском языках. *В.О. Нечаевский* затронул некоторые аспекты формирования польской военной терминологии. *О.О. Лешкова* обратилась к вопросу о семантической и прагматической эволюции лексем “*ruski*”, “*rosyjski*”, “*radziecki*”, “*sowiecki*”. *О. Малыса* рассмотрела жанрово-коммуникативные номинации во фразематике русского и польского языков. Небезынтересные доклады представили *Т.Е. Аникина, М. Велева, И.В. Гучкова, В.Г. Кульпина, Д.К. Поляков, Н.В. Селиванова, Т.В. Шалаева, В.М. Шетэля, М. Якубович.*

На секции «Переводоведение. Лингвостилистика» *Г.П. Тыртова* посвятила доклад сербскому переводу повести С. Довлатова «Заповедник». Лингвистические особенности славянской народной песни на рубеже XIX–XX вв. проанализировала *А.Н. Матрусова*. С докладами также выступили *Г.М. Васильева, А. Вранеш, Л. Маркович, М. Китанова-Маркова, М.Ю. Котова, В.С. Князькова, Т. Лутовац, А.Г. Мосинец, А.В. Уржа.*

На заседании секции «История и этимология славянских языков» выступили *И. Янышкова, Л.В. Куркина, В.С. Ефимова, Ш. Погвизд, Б. Рашевска-Журек, И. Рейзек, А.К. Шапошников.*

Е.А. Галинская на заседании секции «История славянских языков» анализировала образование [о] закрытого и падение редуцированных в древнерусском языке. *И.К. Манучарян* рассказала о древнеславянском перфекте и его исторической судьбе. На заседании секции выступили *А.Н. Бертякова, В.В. Каверина, И.И. Макеева, Н.Г. Николаева, М.Н. Шевелева, И.А. Шелкова, Б. Садовска, А.М. Хизанцян.*

В заседании секции «Лингвистическая картина мира в славянских языках» приняли участие *А. Браксаторисова, Н. Кирилова, И. Кирилова, И.А. Седакова, О.Н. Спалек, М. Трендович, Е.В. Федюкина, О.Н. Шапкина, Е.И. Якушкина, М.Л. Кулешова.* Доклад *И.А. Седаковой* затрагивал аксиологические параметры концепта «жизнь» в русском и болгарском языках; выступление *Е.И. Якушкиной* и *М.Л. Кулешовой* было посвящено корреляции значений «хороший» и «красивый» в славянских языках.

В секции «Язык СМИ. Контактология. Социолингвистика» выступили *В.В. Белоусова, О.А. Остапчук, М.И. Хазанова, И.И. Бубнович, А.Ю. Станкевич, Л.В. Рычкова, Б. Островский, С. Хабиянец, М.С. Хмелевский.*

В рамках секции «История и современность славянских литератур» состоялось два заседания. Утреннее заседание открывал доклад *Е.В. Жбанковой* о черногорских преданиях и черногорских танцах в русском классическом балете, посвященный спектаклю «Роксана — краса Черногории» М.И. Петипа (1878), где использовались черногорские фольклорные мотивы и элементы балканской танцевальной традиции. *И.Е. Адельгейм* рассказала о молодой польской прозе 2000-х годов: творчестве П. Пазиньского, С. Хутника и И. Остаховича, авторов так называемого третьего поколения после Холокоста, вынужденных переоценивать собственную идентичность и саму проблему еврейства в современной Польше. О проблеме национальной и гендерной идентичности в украинской женской постколониальной прозе рассказала *Е.В. Байдалова* на примере романов О. Забужко. *А. Вранеш* из Белградского университета представила доклад о творчестве Д. Максимович в мире: о переводах и их бытовании в иноязычной среде. *Ю.П. Гусев* проанализировал роман П. Эстерхази «Книга Грабала» с точки зрения интертекстуальности, выделив также сходные черты творчества чешского и венгерского писателей. *Е.Н. Ковтун* рассмотрела образ «картонной» Вены в постмодернистском романе И. Крадохвила «Бессмертная история» как символ краха Австро-Венгрии. *С.А. Кожина* рассказала о нарративных стратегиях в романе Д. Годровой “Тошité vĕty”, опираясь на анализ синтаксической и морфологической структуры текста. В докладе *П.В. Корольковой* «Путевой очерк “путешественника-патриота” (rodoljubni putopisac) в хорватской литературе XIX века» показала развитие и художественное своеобразие жанра травелога эпохи иллиризма. *Н.А. Лунькова* представила сравнительный анализ поэтики рассказов «Красный смех» Л. Андреева (1904), «Безумие» Г. Райчева (1920) и «Красная корона» Булгакова (1922), исследуя в них художественное воплощение категории безумия.

Второе заседание секции открывал доклад *Б. Сабо* о реакции русских эмигрантских писателей на творчество Тургенева. Доклад *Н.Н. Стариковой* был посвящен автобиографическим аспектам творческого метода Б. Пахора — словенского писателя, представителя национального меньшинства в Италии. *Е.Е. Стефанский* представил семиотический анализ древнейшего славянского концепта “kolo” (круга) в исследовании поэтики романа М. Кундеры «Книга смеха и забвения», где круг становится символом подавления личности, а для женских образов — оберегом. *Е.В. Суруццева* на примере анализа двух вариантов жития священномученика Романа Медведя показала особенности жанра в современной русской литературе. *С.Н. Мещераков* рассказал о развитии сербского исторического романа второй половины XX в., уделив особое внимание трансформации жанра в рамках постмодернистских литературных экспериментов 70–80-х годов. Доклад *Е.В. Шатъко* показал бытование и изменение балканских мифов в современной сербской литературе на примере малой прозы М. Павича. *Л.Ф. Широкова* рассказала о новых формах отражения полиэтничности и мультикультурности в словацких романах XXI в. (П. Ранкова, П. Криштуфека и С. Лаврика). *Н.Д. Няголова* представила аудитории анализ особенностей и функций предметного мира в романе *П. Вежинова* «Ночью на белых конях», символизирующего, по ее мнению, духовную деградацию общества.

Доклад *А.Г. Шешкен*, предлагающий анализ мотива возвращения домой в творчестве М. Шолохова, серба А. Исаковича и македонца П.М. Андреевского в сопоставлении с гомеровской «Одиссеей» и фольклорной традицией, закрывал секцию.

На заключительном пленарном заседании выступила заведующая кафедрой славянской филологии МГУ имени М.В. Ломоносова *Н.Е. Ананьева*, проанализировавшая дериваты с корнем шир-/-szer в русском и польском языках (аллюзия на фамилию А.Г. Широковой), и *А.И. Изотов*, представивший обзор основных достижений корпусных исследований в Чехии в последнее десятилетие.

Важнейшим результатом работы конференции стали многочисленные дискуссии, выявившие сходные процессы в языках и литературах разных славянских стран и наметившие новые направления исследований. Итоги конференции убедительно показывают, что интенсивное изучение славянских языков, литератур и культур продолжается, а интерес к истории и развитию славистики проявляют многие исследователи.

Olga Cherchuk, Evgeniia Shatko

**SLAVIC LANGUAGES, LITERATURE AND CULTURE
IN THE MODERN WORLD. PROCEEDINGS
OF THE INTERNATIONAL CONFERENCE**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This is an overview of the reports presented at the International conference on Slavic Languages, Literature, and Culture in the Modern World held on November 28–29, 2018 at the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University. The scientific gathering celebrated the 75th anniversary of the Department of Slavic Philology and the 100th anniversary of Professor Shirokova, a founder of the Department. 150 attendees included literary and cultural experts from Russia and 15 countries.

Key words: philology; Slavic studies; linguistics; literary criticism; culture; Slavic world; A.G. Shirokova.

About the authors: *Olga Cherchuk* — PhD Student, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: cherchuk-olga@yandex.ru); *Evgeniia Shatko* — Junior Researcher, Department of Central and South-Eastern Europe Contemporary Literatures, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: eshatko@gmail.com).

А.Ф. Багаева

**КОНФЕРЕНЦИЯ К 250-ЛЕТИЮ И.А. КРЫЛОВА
НА ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ МГУ
(3 декабря 2018 г.)**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Обзор посвящен конференции к 250-летию И.А. Крылова. Обращаясь к вопросам биографии, поэтики и интертекстуальности, докладчики убедительно продемонстрировали, насколько прочно наследие Крылова связано с русской и европейской культурой, и указали на те грани его творчества, которые ранее ускользали от внимания исследователей.

Ключевые слова: Крылов; конференция; история литературы; XVIII в.; фольклористика; переводоведение; басня; Бродский; школа.

В Пушкинской гостиной филологического факультета МГУ 3 декабря 2018 г. отметили юбилей И.А. Крылова. С докладами выступили сотрудники факультета, приветственное слово произнес зав. кафедрой истории русской литературы проф. *В.Б. Катаев*.

Р.С. Кимягарова сообщила, что история создания одной из самых коротких басен Крылова «Петух и жемчужное зерно» (1809) приоткрывает двери в творческую лабораторию баснописца, отлично знакомого с традицией предшественников. Крылов «не смеется над петухом, не осуждает его и ничего не объясняет ни петуху, ни читателям»: здесь впервые в русской басенной традиции появляется философское обобщение.

Г.В. Москвин рассказал о практике изучения басен Крылова в средней школе и о методике преподавания, реализованной в авторской серии школьных учебников. В 5 классе ученики приобретают представление о реальности и вымысле, знакомятся с литературоведческой терминологией, с жанром басни и творческой биографией Крылова. Учебник 9 класса, построенный по хронологическому принципу, направлен на формирование навыков анализа тематики и поэтики басен Крылова.

Доклад *А.М. Ранчина* был посвящен стихотворению Бродского «Развивая Крылова» (1964). Образ Вороны у Бродского наделен двойственной семантикой: он соотносится с «я» автора и одновременно является олицетворением зловещей политической силы. Крыловский интертекст сложным образом включает «Возмездие» Блока и «Бежин луг» Тургенева.

Багаева Анетта Фановна — аспирант кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: bagaeva_anetta@mail.ru).

С. В. Алпатов рассмотрел мотив бесплодных поисков гномом Буристом замены оглохшим подземным судьям — Эаку, Миносу и Радаманту — в контексте ряда типологических параллелей: библейского и легендарного топоса «не стоит город без праведника», сказочного и обрядового мотива трудных задач, а также формул невозможного французских памфлетов времен Фронды и отечественных стихотворных сатир и анекдотов эпохи русско-японской и первой мировой войн.

А. В. Архангельская вписала басню Крылова «Крестьянин и смерть» в контекст истории переводов и переложений басни о старике и смерти в русской литературе XVII—XVIII вв. от первых переводов басен Эзопа и переделок эзоповских сюжетов в русских интермедиях и стихотворных фацециях до переложений Третьяковского, Сумарокова, П. П. Сумарокова, Хвостова, Г. С. Шутова, Державина, А. И. Дубровского.

Вечернее заседание открылось докладом *В. А. Воронаева*, охарактеризовавшего отношение Гоголя и оптинских старцев к Крылову. Гоголь отмечал энциклопедичность басен Крылова, близость поэтики басен народным пословицам и объяснял это особым национально-самобытным складом ума великого баснописца («В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность»). Несмотря на осторожное отношение прп. Амвросия (Гренкова) и Анатолия (Зерцалова) к художественному творчеству, они, подобно Гоголю, отмечали народный и глубоко нравственный характер басен Крылова и часто использовали их в своих поучениях.

А. А. Пауткин говорил о творчестве Г. С. Шутова (1743—1807). Выпускник Вятской духовной семинарии, протоиерей Преображенского собора г. Слободского создал ряд басен, имеющих общий источник с крыловскими. Написанные на полвека ранее басен Крылова, тексты Шутова («Ворон и Лисица», «Старик и Смерть», «Кот в пиве») были рассмотрены на фоне европейской и отечественной басенной традиции.

В сообщении *В. Л. Коровина* речь шла о «Духовных стихотворениях» Крылова, появившихся как отклик на первый том «Творений» Н. П. Николева («Духовные стихотворения», 1795). При этом «Ода первая, выбранная из псалма 17-го» построена по образцу «Оды, выбранной из Иова» Ломоносова; первая и последняя строфы оды Крылова не имеют соответствия в тексте псалма и являются авторскими амплификациями.

М. Л. Калугина осветила особенности бытования басенного наследия Крылова в российском интернете. Зачастую утрачивая связь с оригинальным контекстом, крылатые выражения Крылова очень активно используются современными носителями русского языка и по праву являются значимой частью российской фразеологии.

Л. А. Трахтенберг рассмотрел литературный контекст басни Крылова «Мартышка и очки». Будучи оригинальной, всё же она может быть возведена к различным литературным источникам, русским и зарубежным. Соединяя и варьируя разные мотивы, баснописец создает новое художественное единство и меняет идейный смысл сюжета. Если в более ранних текстах предметом обличения был неграмотный простой человек, то Крылов направляет сатиру на знатного вельможу, который из высокомерия не только пренебрегает просвещением, но и наносит ему вред.

В ходе конференции слушатели еще раз смогли убедиться в непреходящей ценности и актуальности многогранного наследия Крылова.

Anetta Bagaeva

**THE CONFERENCE ON THE 250TH ANNIVERSARY
OF IVAN KRYLOV AT MOSCOW UNIVERSITY'S FACULTY
OF PHILOLOGY**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article discusses the conference on the 250th anniversary of the Russian fabulist Ivan Krylov, held at the Faculty of Philology of the Lomonosov Moscow State University on December 3, 2018. Approaching biographical, poetical and intertextual questions, the speakers convincingly demonstrated how firmly Krylov's heritage was incorporated into Russian and European cultures.

Key words: Krylov; conference; literary history; 18th century; folklore studies; translation studies; fable; Brodsky; school.

About the author: *Anetta Bagaeva* — PhD student, Department of the History of Russian literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: bagaeva_anetta@mail.ru).

О.В. Александрова, М.Л. Ремнёва, И.Э. Стрелец

**ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2019
НА ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В отчете рассматривается широкий спектр вопросов, затронутых участниками «Ломоносовских чтений», которые состоялись на филологическом факультете Московского университета в 2019 г. На пленарном заседании и в ходе работы 25 секций и круглых столов выступили сотрудники всех кафедр и лабораторий, а также гости конференции. Были обсуждены различные аспекты лингвистики, литературоведения, методики преподавания языков. Представленный обзор выступлений отражает основные направления научной деятельности сотрудников филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Ключевые слова: языкознание, литературоведение, методика преподавания, филологические науки.

Пленарное заседание началось с доклада *Ю.Л. Оболенской* «Филологическое образование в новом социокультурном и технологическом контексте», где была рассмотрена актуальная проблематика научных исследований в университетах и профильных институтах Российской академии наук. Продолжила обсуждение *Л.Г. Вихорева*, затронувшая тему медиареальности, создаваемой современными средствами массовой информации в виде видеоряда, медиатекстов и т.д., вбирающих в себя интеллектуальные ресурсы общества как акты социального созидания, социальной событийности. Доклад *В.В. Смолененковой* «Риторика идентификации versus риторика убеждения: новый тип политической речи» был посвящен принципиальной смене парадигмы риторики в XX в., что с очевидностью требует изменения

Александрова Ольга Викторовна — доктор филологических наук, профессор, заместитель декана по научной работе филологического факультета, зав. кафедрой английского языкознания МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ovaleksandrova@gmail.com).

Ремнёва Марина Леонтьевна — доктор филологических наук, профессор, президент филологического факультета, зав. кафедрой русского языка МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: dekan@philol.msu.ru).

Стрелец Илья Эрнстович — кандидат политических наук, доцент кафедры английского языкознания МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: sagitil@mail.ru).

приоритетов в системе филологического образования. Заседание продолжил *С.В. Алтаов*, представивший исследование на тему «Сны и видения в материалах следственных дел середины XVIII в.» Завершила пленарное заседание *В.Г. Моисеева* докладом «Роман А. Сальникова “Опосредованно”: проза о поэзии», рассмотрев тенденции развития новейшей литературы, сформировавшейся в последние десятилетия вне литературного центра, приемы создания альтернативной художественной реальности, черты которой определяются авторским опытом самоидентификации, особенностями социальной, экономической, бытовой и культурной жизни.

В тот же день и на протяжении двух последующих прошли секционные заседания и круглые столы всех кафедр и лабораторий факультета.

На кафедре русского языка в докладе «Семантико-словообразовательная категория интенсивности непроцессуального признака в современном русском языке» *Е.В. Петрухина* и *Е.В. Скачкова* раскрыли особенности функционирования словообразовательных интенсификаторов и деинтенсификаторов: гиперпрефиксация, редупликация, осложненные редупликативные конструкции, расширение парадигматической сочетаемости, взаимодействие с маркерами интенсивности других языковых уровней, особое внимание уделив словообразовательным формантам, имеющим спорный морфемный статус (высоко-, низко-, много-, мало-, сильно-, слабо-), их трактовке как префиксоидов. *Е.А. Нефёдова* и *Н.А. Редько* посвятили выступление рассмотрению семантики слов *добрый* и *добро*, а также их дериватов в говорах архангельского региона. Особо они подчеркнули, что народные представления о добре связаны не столько с абстрактной моралью, сколько с материальными благами, и по сей день сохраняются в виде культурного кода, несмотря на тесное переплетение ранних и поздних значений в современной народной речи. В докладе *Т.В. Пентковской* и *Е.А. Матвеево* был представлен сравнительный анализ текстологии двух переводов «Метаморфоз» Овидия с польского языка, датированных началом XVIII в. и выполненных с комментированной версии Валериана Отвиновского *Księgi Metamorphoseon, to iest, Przemian* (Краков, 1638). Они близки к оригиналу, но различаются переводческими стратегиями в отношении структуры текста и полонизмов, а также на языковом уровне — функционирующими глагольными системами и степенью архаизации языка. *А.В. Уржа* и *Г.А. Филатова* в докладе проанализировали лингвистические средства реализации апеллятивной функции в повествовании, способы их выражения в переводных текстах, используя материал фантастического романа Р. Желязны «Creatures of Light and Darkness», а также трех его русских переводов, различающихся стратегиями воздействия на восприятие текста. Особо было отмечено, что режим диалогического коммуникативного регистра создает иллюзию общения, а императивные формы, адресованные читателю, позволяют ему максимально глубоко погрузиться в фантастическую реальность. *Е.А. Галинская* и *В.Ю. Шатин* на материале костромской отказной книги 1619–1634 гг. рассмотрели константы и инновации северно-русских говоров и показали, что наряду с новыми явлениями в языке (перестройка безудар-

ного вокализма после мягких согласных, распространение прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных, утрата реликтовой мягкости <ш>, <ж> и <ц>, укрепление оппозиции согласных по твердости-мягкости и глухости-звонкости) костромские говоры сохраняли существенные особенности (состав ударного вокализма, наличие соотносительных пар фонем <в> — <ф> и <в'> — <ф'> и др.) на всем протяжении XVII в.

Кафедра истории русской литературы открыла секционное заседание докладом *А.М. Ранчина* о проблемах жанра «Слово о полку Игореве». Продолжил исторический обзор *А.А. Пауткин* сообщением «Слово и изображение. Борисоглебские миниатюры Радзивилловской летописи и Сильвестровского сборника». Выступление *Г.В. Москвина* было сфокусировано на проблеме определения духовных аспектов личности Печорина через анализ пограничных ситуаций, в которых оказывался центральный персонаж лермонтовского романа «Герой нашего времени», и которые позволяют выявить духовно-нравственные причины его поведения. *И.А. Беляева* посвятила доклад 160-летию публикации романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо», определив место данного произведения в ряду заметных литературных событий 1859 г. *А.А. Евдокимов* рассказал об А.А. Григорьеве как оригинальном интерпретаторе комедий Уильяма Шекспира. Выступление *В.Б. Катаева* было посвящено истории Чеховской группы Института мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР (ныне ИМЛИ РАН), собравшей лучших литературоведов и текстологов, в составе которой ему довелось работать над подготовкой Полного собрания сочинений писателя. *П.Н. Долженков* обратил внимание слушателей на разработку проблемы мировоззрения А.П. Чехова, вынеся в заголовок доклада его цитату: «Необходимо быть равнодушным». Завершилось заседание секции выступлением *М.Л. Калугиной*, которая продолжила чеховскую тему докладом «Журналист Н.П. Гиляров-Платонов в восприятии и оценках А.П. Чехова».

На кафедре истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса в докладе *М.В. Михайловой* о «безлюбном треугольнике» (Бунин — Башкирцева — Кузнецова) проанализирован ранее не зафиксированный в библиографических источниках очерк ученицы и возлюбленной И.А. Бунина Галины Кузнецовой «Мария Башкирцева» (1929). Он представляет собой сложное смысловое наполнение и адресованный в первую очередь представителям русской эмиграции XX в. как напоминание о трудностях адаптации к другой стране, иной культуре, о трагических усилиях, которые приходится предпринимать, чтобы почувствовать себя «своим» на чужбине. *И.Б. Ничипоров* представил анализ романа Евгения Водолазкина «Брисбен» (2018), его проблематики, образного мира, композиции, размышлений о сущности искусства и предназначении творческой личности. *О.С. Октябрьская* обратилась к «Артековской теме в русской детской литературе XX в.» на примере произведений А. Гайдара «Военная тайна», Е. Ильиной «Четвертая высота» и М. Ефетова «Письмо на панцире», рассмотрев их полижанровую природу, своеобразие пространственно-временных характеристик, реалистическую и мифологическую составляющие сюжетов, особо отметив обращение этих писателей к античным, историко-культурным, историко-

литературным мифам, а также создание собственной мифологической основы. В докладе *Ш.Г. Умерова*, посвященном творчеству Владимира Сорокина, был выявлен генезис социально-исторических и специфических аспектов «новоопричной» мифологии автора: от романа «День опричника» (2006) до новейшего сборника короткой прозы «Белый квадрат» (2018), посредством чего писатель стремится, по его признанию, решить главную задачу — подобрать метафору к окружающему миру. *П.Е. Спиваковский* проанализировал «Два вида религиозности» в рассказе В.Г. Сорокина «Аарон». Докладчик показал, как в ходе повествования на весьма достоверную исторически и психологически убедительную картину сталинской эпохи накладывается неомифологический сюжет, раскрывающий, по выражению культуролога Ю. Слезкина, «хилиастическую ересь старых большевиков», вместе с детьми и внуками оказавшихся жертвами той самой системы, которую строили и которой искренне и самоотверженно служили. *Д.В. Кротова* в качестве одной из основополагающих граней художественного мира Татьяны Толстой выделила тему разрушения иллюзий, которую писательница осмысляет в разных ракурсах: онтологическом (потеря иллюзий как экзистенциальная неизбежность, универсальная парадигма жизни), психологическом (переживание утраты иллюзий и трансформация личности) и гносеологическом (познание действительности и самого себя как результат разрушения иллюзий). Мотиву распада семьи в романах М. Горького «Дело Артамоновых» и Е.Н. Чирикова «Отчий дом» посвятила доклад *А.В. Назарова*, отметив своеобразный творческий диалог писателей, которых разобщили революционные события 1917 г., но которых объединяло восприятие России как общего дома. И его разрушение они воспринимали (одни подспудно, другие открыто) как национальную катастрофу.

На кафедре общего и сравнительно-исторического языкознания в докладе *А.Н. Качалкина* были рассмотрены ключевые слова — важнейшие элементы текста, используемые для рационального функционирования текста, начиная с древнерусских источников и заканчивая современными текстами рубежа XX–XXI вв.; в качестве примера были приведены цитаты из выступлений В.В. Путина (ключевые вопросы, проблемы, задачи, показатели), С.В. Лаврова (ключевые люди, человек), а также ученых и публицистов. О «Готском языке в лингвокультурном освещении» рассказал *А.В. Блинов*, отметив, что работавшие над переводом греческого текста Священного Писания готские священнослужители не просто перекладывали греческий материал на родной язык, а стремились выразить собственное национальное понимание его смыслового содержания, что порождало у готов чувство единой государственности, которого еще не было, но которое явилось ему предтечей. В сообщении *Л.А. Чижовой* «Курс сопоставительного языкознания в системе подготовки филолога» были рассмотрены актуальные вопросы представления соответствующей тематики в рамках подготовки «Филология» в системе бакалавриата и магистратуры филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. *О.А. Волошина* посвятила выступление принципам создания древнеиндийских текстов, подчеркнув, что термины «сутра», «мантра» и «тантра» имеют в составе

инструментальный суффикс -тра, который указывает на способ построения вербальных текстов, из чего следует вывод, что в древней Индии были разработаны формальные механизмы создания текстов, функционирующих в ритуальном и научно-философском дискурсе. В аналитическом обзоре *С.Н. Кузнецова* «Год 1755-й в истории России и русского языкознания» было уделено внимание таким знаковым событиям, как основание Московского университета, завершение М.В. Ломоносовым «Российской грамматики», публикация С.П. Крашенинниковым итогового сочинения об исследовании Камчатки, фактически определившего тихоокеанские рубежи России. Доклад *Д.С. Мухортова* «О параметрическом подходе к изучению социально-статусного типа языковой личности» был посвящен рассмотрению научной парадигмы на примере риторики британских и американских политиков, предусматривающей в качестве определяющих параметров — когнитивный, эмоциональный и поведенческий аспекты личности. В выступлении *И.Э. Стрельца* были представлены результаты анализа спонтанной риторики Президента США Д. Трампа, выполненного в рамках лингвоперсонологического подхода с опорой на дискурсивный анализ публичных выступлений и наблюдение за паралингвистическими особенностями нынешнего американского лидера.

На кафедре истории зарубежной литературы *О.Ю. Панова* в сообщении «“Подпольный человек” в афроамериканской прозе» рассмотрела особенности повести Ричарда Натаниэла Райта «Человек, который жил под землей» (1944) и романа Ральфа Эллисона «Невидимка» (1952), восходящие к повести Федора Достоевского и созданному им образу «подпольного человека», а также отношения преемственности, связывающие их друг с другом. Доклад на тему «Принципы составления комментария для научного издания романа «Портрет Дориана Грея» О. Уайлда» *В.М. Толмачев* посвятил суммированию опыта подготовки издания в 2020 г. романа в серии АН РФ «Литературные памятники», подробно остановившись на текстологическом разделе комментариев, подчеркнув значимость принципа трансформации жизни писателя, необходимости комментирования даже общеизвестного, возможность интерпретировать текст в традиции школы «тщательного чтения», приведя примеры частотности обыгрывания Уайлдом социальных и культурно-исторических реалий. В выступлении *А.В. Сергеева* анализировалось отношение Георга Брандеса к Ивану Тургеневу, произведения которого соответствовали эстетическому идеалу датского критика, считавшего, что в европейской литературе не так много столь тонких психологических исследований, какими являлись тургеневские романы, что, несомненно, сыграло важную роль в их популяризации в скандинавских странах. Сообщение *В.Ю. Лукасик* было посвящено средневековой словесности, изначально склонной осознавать природные катаклизмы в духовной перспективе, когда смерть правителя, к примеру, нередко уподоблялась закату солнца, которое больше не взойдет, погружая мир во тьму и «мерзость запустения», — как следствие духовного затемнения и кары за грехи, что иллюстрирует французский роман «Смерть короля Артура» или сочинение Жана Молине «Трон Чести» (литературный реквием бургундскому герцогу). В докладе

Н.К. Новиковой были рассмотрены различные варианты отношения к труду в викторианской литературе (в свете секуляризации протестантской трудовой этики) на примере «Евангелия труда» философа и публициста Томаса Карлайла («Теперь и прежде»), а также произведений поэтов-прерафаэлитов первого и второго поколения (семья Россетти, Моррис, Бёрн-Джонс) с их культом «ремесла». *Н.А. Мороз* предложила слушателям анализ визуальных и акустических образов в новеллах Джеймса Тербера 1940-х годов («Трость в коридоре», «Разве я не ваша Розалинда?», «Козодой»), центральной темой которого явилась война полов, раскрывавшаяся с опорой на звуковые и зрительные образы, когда слепота, сон, грезы, опьянение, галлюцинации, звуки животных и птиц, наводят ужас на героев-мужчин, а присущие женским персонажам одномерность зрения, глухота или невосприимчивость к громким звукам, механистичность восприятия, приближает последних к миру автоматов. *Д.Д. Черепанов* посвятил доклад трактовке «бурного гения» в ранних драмах Ф. Шиллера, сопоставив их редакции и представив убедительные аргументы в пользу того, что автор (вопреки распространенному мнению) в нескольких вариантах «сильного человека» как единого героя не столько воспроизводит штюмерскую традицию, сколько подвергает ее критическому переосмыслению.

На кафедре теории литературы *О.А. Клинг* сфокусировал внимание слушателей на значительном влиянии литературоведческих идей русских символистов (В. Брюсов, Андрей Белый, Вяч. Иванов и др.) на крупнейшего филолога XX в. В.М. Жирмунского, способствующем воссозданию истории формирования в России поэтики как науки. Рассмотрению заглавий в пьесах А.Н. Островского как части рамочного текста посвятила выступление *Л.В. Чернец*, отметив, что в этом качестве зачастую использовались пословицы, а собственные имена персонажей, как правило, отсутствовали; и хотя в определении жанров драматург следовал театральной практике XIX в., современные исследователи и режиссеры видят, например, в «Грозе» не «драму», как определил пьесу автор, а трагедию, в «Талантах и поклонниках» — не «комедию», а драму. *А.А. Холиков* проанализировал в докладе биографические, мировоззренческие, историко-литературные, текстологические обстоятельства, по которым Д.С. Мережковский, неоднократно менявший состав книги «Вечные спутники», часть своих литературно-критических и публицистических работ 1880–1890-х годов «забраковал» и никогда не включал в свои собрания сочинений, хотя они дают богатый материал для сопоставления с «парадным» автопортретом, который был создан в его прижизненных изданиях. Сообщение *В.Б. Семёнова* было посвящено вопросам классификации ритмических единиц стихотворной речи, превышающих собственно стих, соотносению понятий «стихотворный абзац», «строфид», «лесса», «строфа» и «полистрофическая композиция», а также обоснованию выделения промежуточной между стихом и строфой единицы, которая соотносится с повторяющей строфой, как полустигма со стихом.

На кафедре славянской филологии *Н.Е. Ананьева* рассмотрела вторичные функции номинаций фруктов, овощей, ягод и грибов в польском и русском

литературных языках, среди которых было выделено метафорическое употребление (например, gzerka — коленная чашечка, kapusta — пустая голова и т.п.), функционирование в качестве компонента фразеологизма или поговорки (например, zadać bobu — задать перцу и т.п.), употребление в качестве составляющего ономастического пространство языка (например, названия варшавских улиц: Rzodkiewki — Редиски, Mango — Манго, Arbuzowa — Арбузная и т.п.). *С.Н. Мещеряков* обратил внимание слушателей на проявление мотивов романтизма и символизма в лирике Воислава Илича, соседствующих с обращением к «объективной» поэзии, социальному пейзажу, напомиравшему о традициях «фольклорного реализма», что стало в сербской литературе предтечей Парнасско-Символистской школы, а также направления «воиславизма» в поэзии XX в. Результаты полевого исследования лексики западно-штокавских сербскохорватских говоров (части проекта по изучению ареальной структуры сербскохорватского диалектного континуума и характера определяющих эту структуру лексических изоглосс) были раскрыты в выступлении *Е.И. Якушкиной*, подчеркнувшей, что указанные говоры представляют большой интерес для ареалогического и лексикологического исследования, поскольку сохраняют некоторые черты переходности от чакавских и кайкавских говоров к восточно-штокавским. В докладе *О.И. Черчук* рассматривались современные процессы, которые наблюдаются в чешском и русском языках вследствие социальных перемен: тенденция к интернационализации и национализации. *А.Г. Шешкен* на материале романа А. Петрова «Мемороман» (2018) рассмотрела жанровые поиски новейшей сербской автобиографической прозы.

На кафедре русского устного народного творчества В.А. Ковник в докладе «Заговор от лихорадки (“Сисиниева молитва”) из села Печникова: сравнение вариантов и анализ мотивов и формул» представил исследование восходящего к византийским и ближневосточным апокрифическим молитвам лечебного заговора, записанного изустно университетскими фольклористами на Каргополье в середине XX в., проанализировав композицию, ономастикон, формульный и мотивный состав с учетом последних достижений в изучении данного памятника фольклора и раннелитературных традиций. *А.А. Родионова*, введя в научный оборот ранее не публиковавшиеся материалы, записанные в экспедициях Московского университета, посвятила выступление исследованию обычая печения крестов из пресного теста, приуроченный к Средокрестью, который развился в некоторых областях Верхнего и Среднего Поволжья в сложный обрядовый комплекс, направленный на обеспечение плодородия.

Заседание **кафедры классической филологии** открыла *Т.Ф. Теперик*, рассмотрев на материале романа В. Манфреды «Щит Талоса» рецепцию Геродота в литературе, представленную изображением ключевых эпизодов греко-персидских войн в контексте судеб исторических и вымышленных персонажей, а также проанализировав поэтику трех кинофильмов, среди которых — «Триста спартанцев» Рудольфа Мате (1962), «Триста» Зака Снайдера (2007) и «Триста Спартанцев: расцвет империи» Наома Мурро (2013). *А.Е. Кузнецов* в сообщении «Плавт и римские очки» сосредоточил

внимание на латинской оптической терминологии раннего Нового времени и ее влиянии на понимание текста Плавта. *Е.В. Антонец* прочитала доклад «К вопросу о происхождении глосс в каролингских рукописях Юстина», выполненный в рамках кафедрального проекта «Фундаментальные проблемы современной классической филологии». С сообщением на тему «О некоторых проблемах эпикурейской каноники» выступил *И.С. Тимофеев*, обратившись к материалу Эпикура и Лукреция. *А.И. Солонов* представил доклад «Значение фитонима *casia* у Вергилия (Verg. geo. IV 30)». На материале анализа диссертации Андрея Солнцева «О латинской медицинской терминологии начала XIX в.» *И.Р. Гимадеев*. Завершилось секционное заседание выступлением *Я.Л. Забудской* «Литературные источники древнегреческой фразеологии», показавшей на примере нескольких выражений, связанных своим происхождением с драмой и привлеченных Плутархом, пути формирования фразеологии в литературном дискурсе, благодаря чему поздние паремии обогащают свои перечни фразами из трагедий.

На кафедре византийской и новогреческой филологии *М.В. Бибиков* рассказал о «Славянском сборнике» в архиве Русского монастыря на Афоне. *Ю.Б. Мантова* посвятила выступление обсценной лексике в комментариях Иоанна Цеца к Аристофану. *К.А. Климова* сделала сообщение о современных методах полевых исследований греческого фольклора и архивации данных. Доклад *Д.Е. Афиногенова* был посвящен личности Игумена Анатолия как недооцененной фигуре византийской политики и культуры конца IX — начала X в. *И.В. Тресорукова* обратилась к вопросу о функционировании библионимов в корпусе греческой фразеологии. Рассказу о сверхъестественном и библейском в повести Дионисиоса Соломоса «Закинфянка» посвятила доклад *Т.И. Самойленко*, отметив, что аллюзии в этом произведении переплетаются, образуя причудливую ткань поэтического повествования.

Кафедра общей теории словесности провела круглый стол «Практики письма в высшей школе: академические нормы и пространство эксперимента», в ходе которого выступили: *А.А. Зубов* и *А.В. Швеиц* (об опыте преподавания творческого письма на филологическом факультете), *Е.А. Калинина* (об аспектах школьного обучения), *Т.Д. Венедиктова* (о коллективной рефлексии «снизу»), *Д.О. Немец-Игнашева* (о границах авторского эксперимента в политике академических изданий США), *В.В. Красных* (о проблемах современного научного дискурса в сфере гуманитарных наук, касающихся различий между культурными традициями в русской и англосаксонской научных областях), а также прозвучал доклад «Академическое письмо в современном университете: от языковой к исследовательской практике» приглашенного участника конференции *К.П. Кокорева* (зав. Отделом поддержки исследований научной библиотеки РАНХиГС).

Кафедра английского языкознания посвятила секционное заседание памяти Ирины Владимировны Гюббенет, кандидата филологических наук, доцента кафедры, и проблематике вертикального контекста, исследованием которого она занималась на протяжении последних лет. В выступлении *А.А. Лунгарта* «Concerning the Interpretation of the Shakespearean Canon:

Shakespeare's «Spiritual Testament»” говорилось об интерпретации шекспировского канона «духовное завещание» (по кн. Феофана Шипулинского «Шекспир — Ретлэнд: Трехвековая конспиративная тайна истории». 1924). *Л.В. Болдырева* представила доклад «Филологическое чтение и выбор переводческой стратегии», особо отметив необходимость учета особенностей вертикального контекста. Затронутая тема была затем рассмотрена на материале романа Сомерсета Моэма «Острие бритвы» в сообщении *Т.Ю. Кизиловой* о вертикальном контексте произведения как составляющей категории художественного времени, функционировании аллюзивных имен, паремий, библейских аллюзий и усеченных цитат, способствующих прочтению текста как замечаний автора о природе художественного и служащих средством создания иронического подтекста. Завершилось заседание докладом *Н.Б. Гвишиани* о роли вертикального контекста в разграничении семантики 'of phrases' и сложных слов нестойкого типа.

На кафедре германской и кельтской филологии в докладе «Книги из истории Московского университета: рукопись Гамбургского права 1603 г., экземпляр Карла Сальковского» *Е.Р. Сквайрс* представила не публиковавшийся ранее рукописный памятник немецкого права, познакомив слушателей с важными этапами развития этой учебной и научной дисциплины в России. *Н.А. Ганина* посвятила выступление взаимосвязи двух центральных рукописей любекского городского права — Кильского кодекса (Киль, Stadtarchiv, Нs. 79413, ок. 1282 г.) и кодекса Бардевика (Юрьевец, «Музеи города Юрьевца», ЮКМ-2010, 1294 г.), отметив, что анализ материальных носителей текста позволяет обнаружить структурные различия и схождения кодексов, а также их общие взаимосвязи в рамках рукописной традиции любекской канцелярии конца XIII в. В докладе *Т.А. Михайловой* о предполагаемой этимологии и исходной семантике древнеирландского fairge («море») был сделан вывод о том, что не только в прозаических, но и в поэтических текстах лексема обозначает в первую очередь бурное море, опасное для плавания, а в качестве предположения выдвинута идея о возможном заимствовании из лат. *voago* («водоворот», «омут»), поскольку ирландцы испытывали к морю страх и не умели ни ходить под парусом, ни ловить рыбу сетью до начала стойких контактов со скандинавами. *Е.М. Чекалина* рассмотрела структурно-семантические особенности функционирования форм конъюнктива, вытесненных к концу XX в. на периферию и имеющих в современном шведском языке ограниченное употребление, показав, что сужение функциональной сферы презенса конъюнктива пошло по пути лексикализации в составе фразеологических оборотов — клишированных формул религиозного характера и устойчивого речения с *leve* («да здравствует»). В сообщении *Т.Л. Шенявской* было проведено сопоставление орфографии в исландской корреспонденции Расмуса Раска с современной орфографией исландского языка, введенной в начале XIX в. и основанной на выработанных им принципах, а также проанализированы исландские лингвистические термины, предложенные Раском. *Э.Б. Крылова* рассказала об особенностях функционирования датских предикатов знания и мнения, выраженных формами ментальных гла-

голов *vide* («знать») — *tro* («думать», «полагать»), *synes* («оценивать»), *være sikker på* («быть уверенным»), *være i tvivl om* («сомневаться»), основным компонентом которых является семантика эпистемической модальности, выражающей отношение говорящего к высказыванию с точки зрения его достоверности и меры своей ответственности за нее перед слушающим. В выступлении *Е.Л. Жильцовой* были рассмотрены шведские композиты, вторым компонентом которых являются антропонимы, мужские либо женские имена, утрачивающие индивидуализирующее значение и просто выражающие принадлежность к мужскому или женскому полу, причем у всех проанализированных сложных слов есть сильный эмоционально-оценочный компонент в семантике (они относятся главным образом к разговорному стилю речи). *Е.В. Терешко* проанализировала особенности употребления фразеологизмов в нидерландском языке, отметив множество устойчивых выражений, где присутствует зооморфный компонент (задействованы образы морских обитателей; аналоги известные в других языках — ФЕ с образами рыб и водных животных).

На кафедре французского языкознания *В.М. Амеличева* описала сложные для интерпретации случаи употребления французских абстрактных предлогов, в частности, *de*, сделав предположения относительно психолингвистических механизмов восприятия и интерпретации предложных конструкций, а также возможных методов их изучения. *Е.Э. Бабаева* затронула вопрос представлений о возрасте человека в русской и французской картине мира, выбрав объектом сопоставительного исследования этимологию и историю развития слова «подросток» и “*adolescent*” на обширном словарном и корпусном материале. *Е.М. Белавина* посвятила выступление проблеме деформации интернациональных слов на примере романа Мармонтеля «Велизарий», осужденного цензурой Сорбонны, и трех его переводов (1768, 1769, 2018), сделав вывод о том, что деформация преследовала эстетическую цель и способствовала архаизации текста. *Е.В. Клюева* рассмотрела реализацию динамики «от глагола к образу» в поэзии Карла Орлеанского (XIV в.), где встречается, например, 36 употреблений слова *Nonchaloir* («пренебрегать», «не интересоваться»), которое персонифицируется, становится аллегорическим персонажем, утверждается как самостоятельная фигура, приобретает различные коннотации, превращая глагольное выражение в «живую» категорию. *К.И. Курбанова-Ильютко* представила структурированный обзор основных методологических подходов к реферированию учебной литературы и текстов из периодики на французском языке, придя к заключению, что ядро составляют пособия по переводу и изучению лексики СМИ, на второе место выходят работы по реферированию, а история и актуальное состояние печатного слова представлены минимальной группой изданий, обращенной к аудитории с продвинутым языковым уровнем. *М.И. Олевская* раскрыла концептуальные особенности передачи реалий русского православия на французский язык, обратившись к материалу книги архимандрита Тихона (Шевкунова) «“Несвятые святые” и другие рассказы» в переводе Марии-Луизы Бонак, благодаря таланту которой это духовное сочинение стало доступно широкому кругу французских читателей.

На кафедре немецкого языкознания в докладе *Е. Г. Носовой* были проанализированы ситуации использования чужой речи (прямой, косвенной, несобственно-прямой, «гибридных» конструкций) в малой прозе Бертольта Брехта, показан данный стилиевой прием автора как излюбленный способ создания речевого отчуждения, тесно связанный с его концепцией искусства. *Л. Ю. Уварова* рассмотрела многогранное явление модерна в австрийской поэзии, возникшее на рубеже XIX–XX вв. в атмосфере раскрепощенности, полета фантазии во всех сферах искусства, где зарождалось поэтическое слово представителей венской школы (Петера Альтенберга, Артура Шницлера, Гуго фон Гофмансталь, Рихарда Шаукаля и др.), которые следовали традициям импрессионизма, но по-своему воспевали зыбкую красоту мира, с неподражаемым изяществом отдаваясь настроению, наслаждаясь настоящим моментом, смутно угадывая отзвуки надвигающейся катастрофы. В выступлении *Т. В. Клюевой* «Способы образования названий грибов в немецком языке» были представлены соответствующие лексемы как ономаσιологическая (тематическая) группа, внутри которой имеются словообразовательные модели различной продуктивности, а также затронуты вопросы роли грибов в национальной культуре, фольклоре, кухне. В сообщении *А. В. Пильгуй* на материале ранних стихотворений Стефана Цвейга из сборника «Серебряные струны» (начало XX в.) была продемонстрирована возможность причастия первого образовывать сложные слова как способ пополнения поэтического словаря, приведены примеры таких слов, указаны частотные причастия первого типа и однокоренные слова, проанализировано лексическое окружение частотных причастий. *М. А. Пилюгина* посвятила сообщение малоизученной форме “Das doppelte Perfekt” (двойного перфекта в немецком языке), которая упоминается в грамматиках с XVI в. и является неправильной с традиционной точки зрения, но становится частотной в современном разговорном языке, особенно в южнонемецких диалектах, в Австрии, Швейцарии и, по данным опросных исследований, не воспринимаются носителями языка как неправильные или неприемлемые, хотя редко встречается в письменной речи. *Д. Ц. Доржиева* на материале статей качественных немецких газет показала, как дигитализация современных массмедиа влияет на характер подачи информации, превращая тексты в «особый лингвовизуальный феномен», и сфокусировала внимание слушателей на использовании иконических средств с целью увеличения информационно-воздействующего потенциала медиатекста, тесной взаимосвязи вербальных и невербальных компонентов, образующих единое коммуникативное целое и придающих тексту особую образность. *Т. А. Ленкова* констатировала, что статья в современном печатном издании — это креолизованный медиатекст, который должен быть конкурентоспособным по отношению к online-версиям за счет его семиотической усложненности и дальнейшей визуализации, меняющей привычную вербально оформленную структуру, актуализующей микротексты, подобные «лид/вводке», «фотоподписи/фотолегенде», требуя от читателя способности осмысления креолизованного медиатекста.

На кафедре романского языкознания доклад *М.А. Косарик* был посвящен роли ренессансных грамматик и трактатов о языке в становлении современной лексикологии, которые определили совершенствование структуры словаря и организации его статей, зарождение орфографических и этимологических словарей, наряду с уже существовавшими переводными. *О.Ю. Школьников* рассказала о лексической репрезентации понятий «совесть» и «сознание» в русском и итальянском языках, особенности которой связаны с православными и западнохристианскими учениями, на примере функционирования лексемы “*coscienza*” в переводе романа *Ф.М. Достоевского* «Преступление и наказание». *М.С. Соколова* обосновала необходимость выделения категориального класса местоименных глаголов в грамматической системе итальянского языка с целью выявления особенностей функционирования глаголов с местоименной семантикой, сделав акцент на таком универсальном явлении, как «местоглаголие». *Л.И. Жолудева* посвятила выступление трактату Б. Кастильоне «О придворном» (1528), который представляет интерес не только в связи с позицией, которую его автор занимал в итальянских «спорах о языке» XVI в., но и как одно из свидетельств трансформации итальянской национально-культурной идентичности.

На кафедре иберо-романского языкознания в докладе *О.А. Сапрыкиной* отмечалось, что языковая политика в странах португальской речи имеет несколько измерений — институциональное, экономическое и образовательное, причем в некоторых государствах официальными являются языки коренных народов наряду с португальским, и интеграционная деятельность в мире, обеспеченная языковым единством, поддерживается в рамках Содружества стран португальского языка. В сообщении *А.В. Кутьковой*, подготовленном в рамках кафедрального научного проекта «Актуальные проблемы изучения иберо-романских языков в плане синхронии и диахронии. Сопоставительное изучение иберо-романских языков и проблемы теории перевода», была показана социальная обусловленность выбора формы обращения в испанском языке. *К.В. Кичигин* остановился на проблеме употребления местоименных клитик при непереходных глаголах в испанском языке, особо выделив случаи их использования при непереходных глаголах, отмечающихся в речи жителей некоторых департаментов Перу Хуни, Пуно, Куско, Аякучо и северных регионов Аргентины. *А.А. Невокшанова* рассмотрела ключевые аспекты социолингвистической ситуации в Чили, возникшей под влиянием экономических, исторических, политических, социальных факторов, и определила место чилийского национального варианта испанского языка в современной отечественной латиноамериканистике, проследив актуальные тенденции в его описании с учетом лексикографической традиции, изучении языков коренного населения, билингвизма и диглоссии на территории страны, влияния индейских языков и языковой политики государства.

На кафедре финно-угорской филологии *Е.З. Шакирова* посвятила выступление творчеству Келемена Микеша (1690–1761), родоначальника

венгерской художественной прозы, подробно остановившись на его «Турецких письмах», недавно опубликованных в переводе на русский язык в серии «Литературные памятники» и представляющих собой интересный опыт межкультурной коммуникации. В сообщении *А.П. Гусковой* об особенностях вторичных цветообозначений в русском и венгерском языках отмечалось, что словарные дефиниции с подобными наименованиями представляют чрезвычайно развитую систему, причем мотивированные цветом растений, минералов, металлов вторичные обозначения цвета используются в русском языке значительно чаще, чем в венгерском. *Н.С. Братчикова* привлекла внимание аудитории к теме Второй мировой войны в изображении современных финских писателей, подробно остановившись на ярком произведении прозаика К. Кетту — романе «Акушерка» (2011).

На кафедре дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного *М.В. Всеволодова* представила стендовый доклад, сопоставив стилевую структуру русского языка времен М.В. Ломоносова и современного языка, а также произошедшие изменения и проблемы современной грамматики. Выступление *Е.Л. Бархударовой* было посвящено проблеме использования новых данных теоретической и сопоставительной фонетики в практике преподавания русской звучащей речи в иноязычной аудитории, акцентировав внимание исследованию потенциала родного языка учащихся в лингвометодических целях («мнимое» сходство в «контактирующих» фонетических системах, анализ орфоэпической вариативности, диалектного произношения). Сообщение *Ф.И. Панкова* было посвящено лингводидактическому анализу синтаксических позиций словоформ в современной устной и письменной русской речи, рассмотрению нетривиальных синтаксических позиций сегмента и парцеллянта. *О.Ю. Деметьева* рассказала об основных проблемах, связанных с изучением как стандартных, так и прагматически нагруженных употреблений числовых форм в курсе преподавания РКИ. *О.В. Зубова* поделилась опытом работы с текстами В.М. Шукшина в иностранной аудитории, отметив, что эти произведения способствуют формированию у учащихся социокультурной и лингвострановедческой компетенций, но адаптация подобных текстов порой приводит к потерям в художественном и идейном плане.

На кафедре русского языка для иностранных учащихся филологического факультета *М.М. Вереитинова* рассмотрела особенности русского и сербского языков, уделив внимание лингвистическим процессам в контексте политических и общественных событий на Балканах, русско-сербским лексическим соответствиям («ложным друзьям переводчика»), системе номинаций как части языковой картины мира, межкультурной коммуникации. *О.К. Грекова* представила сопоставительный анализ репрезентации русских аспектуальных значений в фундаментальном и функциональном курсах, особо выделив минимизацию списка аспектуальных значений, порядок их введения, позицию общефактического значения, парное предъявление, внутреннюю структуру, принцип представления синтагматических ограничений в ходе практических занятий по РКИ. *Е. О. Патаракина* обосновала необходимость подробно разработанной методики представления наречно-

предложных единиц в иностранной аудитории, а также системы упражнений и заданий, направленной на освоение их употребления, поскольку данные лексемы функционируют в разных контекстах и включены в лексические минимумы для иноязычных студентов всех уровней владения русским языком. *Е.В. Полищук* затронула проблему передачи имен собственных в переводах пьесы А.П. Чехова «Чайка» на хорватский язык, показав влияние особенностей фонетической системы языка на транслитерацию русских имен. *Н.Н. Пуряева* проанализировала ряд художественных произведений, посвященных Н.А. Дуровой, проследив возникновение и развитие мифа о кавалерист-девице на протяжении XIX–XX вв., и высказала гипотезу о том, что за первые 40 лет своего существования сюжет становится устойчивой системой с набором трактовок образа героини и регулярно воспроизводится в течение 150 лет, реализуясь в новых циклах вместе с изменениями общественно-политической ситуации.

На кафедре русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов *Е.О. Акишина* рассмотрела фонетические аспекты программы по РКИ и типы упражнений с целью выработки русских произносительных движений для инофонов первого года обучения в магистратуре. *Л.Г. Вихорева* проанализировала информационный потенциал образовательных средств массовой коммуникации, приведя примеры образовательных телепрограмм, показывающих функционирование трех реальностей СМИ. В сообщении *В.В. Добровольской* была затронута проблема оптимизации учебного процесса по РКИ в области составления и выполнения грамматических заданий, выявлены факторы, связанные с их рабочим аппаратом, деятельностью учащихся при их выполнении, предложены пути совершенствования методики построения и выполнения подобных заданий. *Ю.Р. Пискунова* в докладе «Выражение табу в разных культурах» отметила, что в процессе межкультурной коммуникации вследствие незнания тех или иных культурных запретов могут возникать коммуникативные неудачи, заключив, что изучение иных культур обогащает человека, трансформирует его отношение к миру и к другим людям. *А.А. Прокубовский* посвятил выступление лингвокультуремам в сказках русских писателей XIX–XX вв., подчеркнув, что в произведениях этого жанра присутствуют аспекты, характеризующие национально-языковую культуру (крестьянский быт и история России), относящиеся к разным эпохам (допетровская Русь, времена Империи, советский период), а словосочетания, поговорки, строки из народных песен, классические фольклорные сюжеты могут быть использованы в рамках преподавания «Русского языка и культуры речи» в качестве иллюстраций для домашних и семинарских заданий. В сообщении *Т.А. Слабодкиной* о правилах составления электронных писем были выявлены социально-культурные факторы их использования, проблемы определения норм, применяемых к электронным письмам, трудности усвоения правил электронной коммуникации, возникающие у иностранных учащихся, а также предложены упражнения для отработки указанных правил.

На кафедре русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов в выступлении *Л.П. Клобуковой* был представлен анализ

функционально-стилистических подсистем современного русского языка (в свете теории и методики преподавания РКИ), актуальных для иностранных граждан, сдающих «Комплексный экзамен по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства РФ». *И.С. Брилева* посвятила сообщение работе с информационно-новостными жанрами при обучении РКИ, рассмотрев особенности Интернета как многоуровневой знаковой системы, выступающей одним из основных источников актуальной информации, и предложив варианты заданий, направленных на подготовку студентов к составлению собственных текстов информационного характера. *Д.В. Дашкевич* представила обзор электронных приложений, которые могут быть использованы преподавателями в процессе обучения студентов иностранным языкам. Использование интернет-платформ делает процесс обучения более доступным и современным. *Л.А. Дунаева* с лингводидактических позиций рассмотрела особенности современного медиапространства, обусловленные активным распространением каналов коммуникации нового поколения, исследования в области обучения РКИ с использованием блогов, социальных сетей, виртуальных сообществ и других ресурсов. *Л.Н. Норейко* обобщила случаи заимствования последнего времени из английского языка, контексты и сферы употребления подобной лексики, способы ее освоения, а также представила классификацию новых лексических средств, предложив их стилистическую характеристику.

На кафедре теоретической и прикладной лингвистики *С.А. Бурлак*, основываясь на идеях К. Лаланда (2017), рассмотрела критерии, которым должна удовлетворять теория глоттогенеза, представила аналитический обзор теорий происхождения языка, подробно остановилась на проблеме выбора гипотезы, имеющей шансы оказаться адекватной реальности. *Ю.В. Николаева* представила сообщение, подготовленное на основе метода мультимедийной аннотации, разработанного в проекте «Рассказы и разговоры о грушах», в котором она привела примеры жестов и адапторов, включающих движения в мануальном и цефалическом канале (вертикальные кинетические кластеры), и предложила инструмент для описания мультимедийных кинетических сигналов. *О.И. Беляев* рассмотрел три типа редупликации в аштынском диалекте кубачинского языка (даргинская группа, нахско-дагестанская семья): отрицательную, прохибитивную и так называемую эмфатическую, подробно остановившись на последней, которая может происходить по морфологической и фонологической модели, и особенностью которой является то, что между редулицированным фрагментом и исходной словоформой могут вставляться дискурсивные частицы и именные словоформы, что позволяет анализировать этот процесс на уровне синтаксиса.

На заседании секции лаборатории «Русская литература в современном мире» *Т.Н. Белова* рассказала о вкладе издательств русской литературы «Ардис» и «Березка» в развитие американской русистики. *А.В. Злочевская* рассмотрела роман Владимира Набокова «Подвиг» в терминах изучения концепта героического в метафизическом и металитературном аспектах. *О.В. Розинская* представила аналитический обзор произведения Зинаиды

Гиппиус «Варшавский дневник». *Е.А. Левак* сделала сообщение о женской «партийной» прозе в России в 1910–1920-е годы. *М.М. Громова* посвятила выступление творчеству Хироко Кодзима и мифу о Чехове в сознании японского читателя.

На заседании секции **лаборатории фонетики и речевой коммуникации** *Ф.О. Байрамова* рассмотрела терминологический аппарат, которым пользуются эксперты-фоноскописты в Германии и России, подробно рассказав о термине Brillianz, аналогичном термину «полетность голоса», использовавшемуся в отечественной лингвистике *Л.В. Златоустовой*. *Н.И. Миронова* в сообщении «Стратегии дискредитации оппонента в политическом дискурсе» проанализировала материалы интернет-сайта QWAS.ru, на котором негативный образ представителей оппозиции создается путем обращения к разным сторонам его жизнедеятельности. *Ю.А. Шахмайкина* посвятила выступление анализу интервью независимого журналиста Ю. Дудя с известным пропагандистом Д. Киселевым, показав корреляцию ответной агрессии гостя на шекотливые вопросы и попыток продемонстрировать профессиональную несостоятельность интервьюера. *Е.В. Шенникова* обратилась к проблеме выбора метаязыка описания комикса и показала, что образец данного жанра представляет собой креолизованный текст в классическом понимании, где одинаковой значимостью обладают и вербальная, и невербальная составляющие. В выступлении *О.Е. Фроловой* были продемонстрированы особенности современного функционирования историзмов «советский» (производные — «совдеп», «Совдепия», «совок»), словообразовательного гнезда «большевик» («большевицкий», «большевизм»), а также слова «колхоз», причем было отмечено, что в настоящее время наблюдаются процессы деидеологизации советизмов, входящих в названия брендов, предприятий и учреждений (тушенка «Совок», «Советское шампанское», фабрика «Большевичка»). Три других сообщения, завершивших секционное заседание научной лаборатории, касались исследования материалов НИР «Мультиязыковой Многоаспектной Фонетической базы данных (ММФБД)». *С.А. Крейчи* выявил особенности интерференции русского и тюркских языков на сегментном и супraseгментном уровнях, опираясь на материалы записей чтения частотного словаря ритмических структур русской речи. В сообщении *В.П. Некрыловой* были определены совпадения и расхождения в механизме реализации ритмической структуры, приведены результаты акустического и перцептивного анализа звучащей русской речи носителей турецкого языка с опорой на материалы для исследования записи слов, произнесенных изолированно, а также слов в отдельных предложениях и в тексте. *С.Б. Потемкин* рассказал о структуре интерфейса фонетической базы данных за счет включения высказываний в режиме чтения и спонтанной речи, возможностях перехода от сегментного уровня к супraseгментному, а также от одного типа материала к другому.

Таким образом, в ходе «Ломоносовских чтений — 2019» на филологическом факультете Московского университета прозвучало более 100 сообщений и докладов, посвященных актуальным вопросам языкознания, литературоведения, методики преподавания филологических дисциплин.

Olga Aleksandrova, Marina Remneva, Ilya Strelets

**THE 2019 LOMONOSOV READINGS
AT MOSCOW UNIVERSITY'S FACULTY OF PHILOLOGY**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This paper aims to show the scope of research conducted at the Faculty of Philology through outlining the Lomonosov Readings Conference in 2019 at the Faculty of Philology, Moscow University. The event included sessions on a range of linguistic, literary, and didactic topics and embraced the whole faculty.

Key words: philology; linguistics; literary studies; instruction methods.

About the authors: *Olga Aleksandrova* — Prof. Dr., Deputy Dean for Science, Head of the Department of English Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ovaleksandrova@gmail.com); *Marina Remneva* — Prof. Dr., President of the Faculty of Philology, Head of the Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: dekan@philol.msu.ru); *Ilya Strelets* — PhD, Associate Professor, Department of English Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: sagitil@mail.ru).

ПАМЯТИ...

Е.В. Петрухина, Е.В. Клобуков

АЛЕКСАНДРА АЛЕКСЕЕВНА КАМЫНИНА

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Ушла из жизни Александра Алексеевна Камынина (08.05.1928–09.06.2019), выдающийся университетский преподаватель, многие годы читавшая на филологическом факультете МГУ лекционный курс русской морфологии, по материалам которого ею был создан широко используемый в университетах страны учебник «Современный русский язык. Морфология». Она была авторитетным специалистом в области морфологии и синтаксиса современного русского языка, внесшим большой вклад в научное изучение грамматического осложнения простого предложения и развитие синтаксической теории полупредикативности.

Ключевые слова: русистика; морфология; синтаксис; осложнение простого предложения; полупредикативность.

Кафедра русского языка с глубоким прискорбием сообщает, что на 92-м году скончалась Александра Алексеевна Камынина (08.05.1928–09.06.2019), посвятившая долгую и плодотворную трудовую жизнь нашему факультету, на который поступила в 1945 г. и начала работать в 1954 г. после защиты кандидатской диссертации.

А.А. Камынина была ведущим доцентом кафедры русского языка и широко известным в научном сообществе ученым, авторитетным специалистом в области морфологии и синтаксиса современного русского языка. Интерес Александры Алексеевны к многоаспектному, комплексному изучению русской грамматики как единства морфологии и синтаксиса был сформирован уже в юности под влиянием ее учителей — выдающихся профессоров нашего факультета П.С. Кузнецова и Е.М. Галкиной-Федорук.

А.А. Камынина в 1960-е годы создала принципиально новый, глубоко современный по своей сути лекционный курс русской морфологии, который она затем читала до начала XXI в., постоянно развивая и углубляя содержание лекций. А.А. Камынина живо откликнулась на все новейшие грамматические исследования. Можно привести лишь один пример.

Петрухина Елена Васильевна — профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: elena.petrukhina@gmail.com).

Клобуков Евгений Васильевич — доктор филологических наук, независимый исследователь (e-mail: klobukov@list.ru).

В 1967 г. была опубликована монография А.А. Зализняка «Русское именное словоизменение». Уже в лекционном курсе 1967/68 гг. основные идеи этой книги детально обсуждались в лекциях А.А. Камыниной, а студенты при подготовке к семинарским занятиям по именной морфологии в обязательном порядке читали главы исследования А.А. Зализняка. Подобных примеров творческой перестройки одного из курсов, составляющих основу университетской подготовки филологов, мы в течение десятилетий работали с А.А. Камыниной могли бы привести множество. В 1999 г. по материалам лекционного курса А.А. Камынина издала широко используемый в настоящее время в университетах страны учебник «Современный русский язык. Морфология».

А.А. Камынина была талантливым лектором, которого любили наши студенты и аспиранты. Ее высоко ценили и коллеги по кафедре, и многочисленные слушатели факультета повышения квалификации — профессора и доценты разных вузов страны.

А.А. Камынина была увлечена научной работой и внесла большой вклад в научное изучение грамматического осложнения простого предложения и развитие синтаксической теории полупредикативности. В юбилейный 2018-й в телефонных разговорах с членами кафедры русского языка Александра Алексеевна все время возвращалась к проблематике полупредикативности, продолжая обосновывать особую точку зрения на данную проблему. Вот какие идеи она успела высказать авторам этих строк незадолго до ухода в мир иной. Обычно полупредикативность связывают с обособлением, в первую очередь с обособлением определений. Александра Алексеевна считала, что полупредикативным может называться и нераспространенное причастие. Одинокое препозитивное причастное определение потенциально преобразуется в сказуемое так же, как преобразуются постпозитивные и препозитивные распространенные причастия, благодаря категории времени, которое наделяет причастие «ситуативным компонентом» в любом употреблении. Ср. «*Он любит поющих птиц*» = ‘он любит, когда поют птицы’; «*Мальчик наблюдает за плавающими рыбами*» = ‘мальчик наблюдает, как плавают рыбы’. Полупредикативность прилагательных (вообще именных определений), в отличие от причастий, связана с обособлением, т.е. интонационным отрывом от существительного. Это интонационное разрушение синтаксической связи лишает прилагательное его первичной функции называть признак и быть частью наименования предмета. Другими словами, обособленное прилагательное утрачивает атрибутивную функцию и автоматически получает предикатное прочтение. Такое прилагательное и бывает полупредикативным, т.е. «приближающимся к сказуемому», потенциальным сказуемым. Оно выделяет компонент, коммуникативно актуальный, нужный для формирования того сообщения, которое выражается сказуемым. Полупредикативность прилагательного не расширяет сообщение, а расширяет в нем смысловые акценты, тогда как причастные определения обогащают коммуникативное значение предложения.

Александра Алексеевна читала спецкурсы по этой проблематике и опубликовала целый ряд исследований, посвященных принципиальному функциональному сходству причастных определений и глагольного ска-

зуемого. Аспирантами А.А. Камыниной были защищены 15 кандидатских диссертаций, связанных с проблемами осложнения предложения полу-предикативными членами.

Более 20 лет А.А. Камынина была ученым секретарем диссертационного совета МГУ по русскому и славянскому языкознанию и работала в этой должности самоотверженно, помогая соискателям достойно защищать их диссертационные исследования.

Александра Алексеевна была очень нужным для кафедры и для всего факультета человеком, хорошим, принципиальным, правильным, красивым в самом высоком понимании всех этих слов. Мы всегда будем помнить ее звонкий, очень молодой голос. Удивительно, но таким он сохранился до самых последних дней ее жизни, и это было счастье — слышать Александру Алексеевну и обсуждать с ней научные проблемы, невольно воссоздавая при этом в памяти трогательные воспоминания о ее лекциях и общении с ней на кафедре, о всём том, что она значила для нас.

А.А. Камынина всегда будет жить в нашей благодарной памяти, в сердцах всех ее коллег и учеников.

Elena Petrukhina, Evgeny Klobukov

ALEKSANDRA KAMYNINA

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This is an obituary for Aleksandra Kamynina, a prominent professor of Russian morphology and syntax at Moscow University's Faculty of Philology. Her lectures were the basis for one of the great college classics in morphology (*Modern Russian. Morphology*, 1999). She made a big contribution to the theory of predication and the study of simple sentence structures.

Key words: Russian Language studies; morphology; syntax; simple sentence structures; predication.

About the authors: *Elena Petrukhina* — Prof. Dr., Department of the Russian Language, Lomonosov Moscow State University (e-mail: elena.petrukhina@gmail.com); *Evgeny Klobukov* — Prof. Dr., Researcher (e-mail: klobukov@list.ru).

**Указатель статей и материалов,
опубликованных в журнале
«Вестник Московского университета.
Серия 9. Филология» в 2019 г.**

	№	С.
Статьи		
<i>Абаева Е.С.</i> Когнитивное поле переводчика при работе с отрывками текста с юмористическим эффектом	3	92
<i>Белова Т.Н.</i> Сатирическое и комическое изображение реалий американской действительности в романах В. Набокова 1950-х — 1960-х годов («Пнин», «Лолита», «Бледное пламя»)	2	19
<i>Белов А.М., Магницкая Н.Н.</i> Снова о «законе Вандриеса»: имена на -εως/-ειον	4	50
<i>Беляев О.И.</i> Редуцироваться-то редуцировался, да не выредуцировался: двойные глаголы в аштынском даргинском	6	23
<i>Бойкова С.Е.</i> Опыт анализа особенностей детской билингвальной речи в сопоставлении с взрослой билингвальной речью на примере русского и французского языков	3	54
<i>Бороздина М.А.</i> Итальянская тема в творчестве Н.А. Чаева: К вопросу об эпиграфе к поэме «Надя»	3	126
<i>Бочкина М.В.</i> Типы художественного времени в романе Л. Улицкой «Лестница Якова»	5	106
<i>Братчикова Н.С.</i> К вопросу о функционировании единственного числа в финском языке	5	28
<i>Бурмистрова Ю.Д.</i> «Русский европеец» И.С. Тургенев: к вопросу о публикации «Стихотворений в прозе» во Франции	6	104
<i>Васкиневич А.И.</i> Кенигсбергские предки Владимира Набокова	2	107
<i>Гальцова Е.Д.</i> Энциклопедический проект французского сюрреализма	2	28
<i>Говорухо Р.А.</i> Глаголы мысли в итальянском и русском текстах (пропозициональный аспект)	6	73
<i>Голубицкая Н.В.</i> «Центурии» Мишеля Нострадамуса как интертекст «Двадцати пяти и одного стихотворения» Тристана Тцара	3	145
<i>Губецков О.Р.</i> Военная проза Эрнста Юнгера и философия Фридриха Ницше	5	77
<i>Дечева С.В., Копанева А.В.</i> Особенности фразового выделения в английской художественной прозе	3	24
<i>Довгий О.Л.</i> Ирония в сатирах А.Д. Кантемира	4	106
<i>Егизарян П.Э.</i> Темпоральные формы перифразы <i>ir + inf.</i> в пиренейском варианте португальского языка	1	50
<i>Кешарпу Е.В.</i> Писательские и издательские стратегии Э. Синклера	4	131

<i>Kobozeva I., Ivanova O., Zakharov L. Towards Multimodal Modelling of Verification Discourse Markers in Russian Dialog</i>	1	36
<i>Коржова И.Н. Цена бессмертия мифологема «смерть – воскресение» и аксиология циклического времени в поэзии К. Симонова.</i>	5	86
<i>Кротова Д.В. Тема хаоса в художественном мире Т. Толстой.</i>	6	132
<i>Кукушкина О.В., Ремнёва М.Л. Проблемы и задачи современной русистики (по итогам работы VI Международного конгресса исследователей русского языка)</i>	4	9
<i>Левицкая Т.В. «Женский вопрос» в освещении Н.А. Лухмановой</i>	3	134
<i>Леденев А.В., Романова К.С. Ранняя стадия формирования соцреализма: стилевые поиски в «турецкой» прозе П.А. Павленко.</i>	2	9
<i>Либберман А.С. «Последний поэт» Е. Боратынского (заметки переводчика)</i>	5	42
<i>Ма Яньхун. Типы мотивации в русском языке в сравнении с китайским языком</i>	6	54
<i>Макеев М.С. Царь и поэт: рассказ «Не те» (1874) и культ Николая I у А.А. Фета</i>	3	9
<i>Макарова П.А. Барбе д'Оревийи: читатель русской литературы</i>	6	113
<i>Макартецкая Ю.А. Мотив смерти в сборнике новелл У. Пейтера «Воображаемые портреты»</i>	4	151
<i>Михайлова Т.А. «Кровь на снегу», «волшебная родинка» и «любовный напиток»: к проблеме реконструкции структуры средневекового нарратива</i>	5	9
<i>Мухачёва И.В. Прототипический подход к глаголам со значением ликвидации результата действия</i>	5	54
<i>Mukhortov D., Malyavina Ya. Communication Styles of Female Politicians: Theresa May and Nicola Sturgeon</i>	3	36
<i>Немкова В.А. Функции форм настоящего времени в текстах современных русских писателей и их интерпретации в английских переводах</i>	3	105
<i>Огнева Е.В. Португальский неореализм. К вопросу о границах явления</i> ..	5	94
<i>Павлова С.Ю. Повествователь в мемуарах кардинала де Реца</i>	5	67
<i>Петрухина Е.В., Шэнь Юйе. Состав, семантика и частотность возвратных конструкций с дативным субъектом в русском языке (на материале Национального корпуса)</i>	2	50
<i>Potapova R., Potapov V. Some Elaboration Methods for Written and Spoken Multilingual Databases</i>	3	71
<i>Редько Н.А. Семантика добра в народной речевой культуре (на материале говоров Архангельского региона)</i>	6	64
<i>Рыбина П.Ю. Воображаемый театр: мизансценирование в поэме Дж.Г. Байрона «Паломничество Чайльд Гарольда» и драматургии Ю.О'Нила</i>	6	91
<i>Савченко А.В., Хмелевский М.С. Социолингвистический обзор современного киевского диалектного конгломерата</i>	4	37
<i>Синило Г.В. Гёте и новое открытие библейской поэзии</i>	2	63
<i>Солнцева Н.М. Слово в воззрениях Я. Бёме и Н. Клюева</i>	4	22

<i>Сорокина В.В.</i> Малая проза новейшей русскоязычной литературы Азербайджана	6	142
<i>Сорокина В.В.</i> Новые направления немецкой литературной критики (по материалам журнала "Osteuropa")	1	62
<i>Спиваковский П.Е.</i> «В круге первом» А.И. Солженицына: тени реального	2	41
<i>Степанова Е.Б., Чжан Ю.</i> Семантика вопросительных предложений со словом <i>куда</i>	6	42
<i>Степина М.Ю.</i> Тургенев и ранний Некрасов: «поворот к правде»	3	113
<i>Татевосов С.Г., Киселева К.Л.</i> Идентификация событий в префиксально-постфиксальном словообразовании	1	7
<i>Tempest R. (Illinois).</i> Emmets and Emotions: Reflections on the First Cycle of A. Solzhenitsyn's Miniatures	3	166
<i>Терешко Е.В.</i> Ассоциативная плотность зоонимов и стереотипы в нидерландском языке	4	79
<i>Тресорукова И.В.</i> Антропонимия греческой фразеологии	4	65
<i>Федотов А.С.</i> Между газетой и журналом. «Музыкальный и театральный вестник» в ряду других театральных изданий	4	121
<i>Хачатрян Н.А.</i> Дихотомия добра и зла в «Дьявольских повестях» Барбе'Оревейи	6	122
<i>Хлебус М.А.</i> Категория слова в романах М. Шишкина «Письмовник» и Е. Водолазкина «Авиатор»	4	167
<i>Цзоу Л., Михайлова М.В.</i> Лирические героини Евдокии Ростопчиной и Анны Ахматовой	2	93
<i>Чекалина Е.М.</i> Особенности языковой ситуации и языковая политика в современной Швеции	6	9
<i>Черепанова О.Д.</i> Акустический контрастивный анализ как инструмент лингвистического обеспечения фонетических тренажеров (на материале гласных русского и немецкого языков)	4	92
<i>Шелкович М.В.</i> «Геронтион» Т.С. Элиота: «распад восприимчивости» ...	3	156
<i>Юйцин Ши.</i> Типы взаимоотношений взрослых и детей в цикле «Денискины рассказы» Виктора Драгунского	4	159
<i>Ян Шэнь.</i> Неделание и молчание как восточные идеи в творчестве Д. Хармса	4	139

Из архива

<i>Данилевская (Степина) М.Ю.</i> К.Р. и Я. Полонский о религиозном чувстве в искусстве: по страницам переписки двух поэтов	4	213
<i>Журавлева А.И., Некрасов В.Н.</i> (1938–2009) Звучащее слово: проблемы его сценической актуализации	3	191
<i>Красникова А.С.</i> «Уляяевщина» в семейном архиве Ильи Сельвинского ..	1	187
<i>Полетаева Е.А.</i> Литературный клуб «Московское время»	4	220

Исследование языка и дискурса СМИ

<i>Панченко М.Ю.</i> Опыт исследования реализации лингвопрагматической стратегии создания «достоверного текста» на материале немецкой печатной рекламы	5	130
--	---	-----

<i>Соколова В.М.</i> Язык СМИ как объект изучения испанских ученых (на материале исследований конца XX — начала XXI в.)	5	113
<i>Чернейко Л.О., Ли Яньянь.</i> Коннотации непроизводных прилагательных цвета в аспекте когнитивного анализа их сочетаемости с абстрактными именами существительными	5	144

К 250-летию Франсуа Рене де Шатобриана

<i>Литвиненко Н.А.</i> Шатобриан и романтический канон	1	75
--	---	----

К 500-летию прибытия Максима Грека в Московскую Русь

<i>Вернер И.В.</i> Греческая триодь митрополита Фотия 1408 г. — Цветная триодь 1525 г.: лингвотекстология справки Максима Грека	4	189
<i>Гардзанини М.</i> Глоссы сборника Максима Грека в рукописи Парижской Национальной библиотеки (Paris, Man. Slave 123) между лексикографией и экзегезой	4	202
<i>Кузьминова Е.А., Пентковская Т.В.</i> Грамматические предписания и их реализация в церковнославянской книжности второй половины XVII в.	4	175

Научная жизнь

<i>Александрова О.В., Ремнёва М.Л., Стрелец И.Э.</i> Ломоносовские чтения — 2019 на филологическом факультете Московского университета	6	198
<i>Архангельская А.В., Теплова Л.И., Ярмо А.Н.</i> «Ломоносовские чтения» в филиале МГУ в Севастополе	6	181
<i>Багаева А.Ф.</i> Конференция к 250-летию И.А. Крылова на филологическом факультете МГУ (3 декабря 2018 г.)	6	195
<i>Беликов А.Е.</i> День науки на филологическом факультете — 2019	6	187
<i>Володина М.Н., Мухортов Д.С.</i> Круглый стол «Молодежь и язык СМИ»	2	188
<i>Гимадеев И.Р.</i> Всероссийская научная конференция «Классическая филология в контексте мировой культуры — XI». Научные чтения, посвященные 90-летию Людмилы Павловны Поняевой	5	193
<i>Жолудева Л.И., Егизарян П.Э.</i> VIII и IX Международные научные конференции «Романские языки и культуры: от античности до современности»	3	228
<i>Зевахина Т.С., Рощектаева Т.Г.</i> Круглый стол (научная конференция) «Диалекты в современном языковом пространстве»	3	232
<i>Ибадова Н.Э.</i> Художественный мир А.И. Солженицына: поэтика, проблематика, историография (25 сентября 2018, круглый стол к 100-летию со дня рождения, филологический факультет МГУ)	5	199
<i>Ивинский Д.П.</i> Кантемир и Карамзин: две конференции	2	205
<i>Нефедова Е.А.</i> Хроника Международной конференции «Актуальные проблемы диалектологии»	2	195
<i>Оболенская Ю.Л.</i> К 70-летию юбилею испанистики. Иберо-романистика в МГУ: от штудий М.В. Ломоносова к созданию школы	1	213
<i>Пахарева Т.А., Кондакова Д.Ю.</i> II конференция «Анализ и интерпретация художественного текста: проблемы, стратегии, опыты»	2	199

<i>Ремнёва М.Л., Кузьминова Е.А., Пентковская Т.В., Уржа А.В.</i> «Максимова грамматика» от раннего Нового времени до современности: Итоги конференции «Максим Грек и развитие грамматической традиции в России» . . .	3	220
<i>Соколова М.С.</i> Участие филологического факультета в Неделе итальянского языка в мире	2	185
<i>Старостина Е.Ю.</i> Круглый стол «Скрытые смыслы или грамматика нереального-2» (филологический факультет МГУ, 14 декабря 2018 г.) . . .	4	247
<i>Токарев Г.В.</i> Тульский форум фразеологов	1	223
<i>Фуфаева И.В.</i> XV Международная конференция «Вежливость и “антивежливость” в языке и коммуникации»	4	252
<i>Чумаченко Е.И.</i> Научная конференция «Русский журнал имперского периода: художественная форма, политический инструмент, экономическое предпринятие. К 200-летию журнала “Отечественные записки”» (филологический факультет МГУ, 27 октября 2018 г.)	5	203
<i>Яковец А.</i> Когнитивная поэтика в лингвистической перспективе (Институт языкознания РАН, 16 октября 2018 г.)	3	210

Новое в славянской лексикографии

<i>Вавжинчик Я.</i> Новое в польской лексикографии	6	152
<i>Менац-Михалич М., Якушкина Е.И.</i> Современная хорватская диалектная лексикография	6	164

Памяти...

<i>Голубков М.М.</i> Екатерина Борисовна Скороспелова	2	219
<i>Кибрик А.А., Федорова О.В.</i> Уоллес Чейф	5	211
<i>Клобуков Е.В.</i> Павел Александрович Лекант	5	217
<i>Нефедова Е.А.</i> Оксана Герасимовна Гецова	1	236
<i>Оболенская Ю.Л.</i> Лилия Николаевна Степанова	2	222
<i>Петрухина Е.В., Клобуков Е.В.</i> Александра Алексеевна Камынина	6	215
<i>Ремнёва М.Л.</i> Алексей Васильевич Степанов	5	222

Рецензии

<i>Волчеквич М.А.</i> Рецензия на кн.: Катаев В. Б. К пониманию Чехова. М.: ИМЛИ РАН, 2018	5	165
<i>Дубинина Т.Г.</i> Рецензия на кн.: Текст: грани и границы. «Записки охотника» И.С. Тургенева. Орел: Изд-во Орловского гос. ун-та им. И.С. Тургенева; изд-во «Картуш», 2017	5	174
<i>Захарова В.Т.</i> Рецензия на кн.: Михайлова М.В., Назарова А.В. Запечатленная Россия. Статьи о творчестве Евгения Николаевича Чирикова. North Carolina, USA: Open Science Publishing Raleigh, 2018	1	201
<i>Изотов А.И.</i> Рецензия на кн.: Skalická V. Opavština pro samouky. Štěbořice: Matica slezska, 2017	3	203
<i>Козлик И.В.</i> Рецензия на кн.: Фризман Л. В кругах литературоведов. Мемуарные очерки. 2-е изд., испр. и доп. М.; СПб: Нестор-История, 2017	4	236
<i>Кульпина В.Г.</i> Рецензия на кн.: Ермакова О. П. Местоимения в русском языке: Учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2018	3	195

<i>Лежнёва Л.М.</i> Рецензия на кн.: Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018	2	171
<i>Мякишева О.В.</i> Рецензия на кн.: Всеволодова М.В., Виноградова Е.Н., Чаплыгина Т.Е. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн. 2: Реестр русских предложных единиц А–В (объективная грамматика) / Под общ. ред. М.В. Всеволодовой. М.: УРСС, 2018	4	230
<i>Новикова Н.К.</i> Рецензия на кн.: Литературный труд в Великобритании и Франции в 1830–1910-е гг. Авторская трудовая этика / Под ред. М. Уэйта и К. Уайт. L.: Palgrave Macmillan, 2018	5	180
<i>Новикова Н.К.</i> Рецензия на кн.: Стюарт Д. Поэтическая форма в 1820–1830-е гг. Эпоха сомнения. London: Palgrave Macmillan, 2018	4	243
<i>Оляндэр Л.К.</i> Рецензия на кн.: Фризман Л. Иван Франко: взгляд на литературу. Киев: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2017	5	169
<i>Темиришина О.Р.</i> Рецензия на кн.: Хализев В.Е., Холиков А.А., Никандрова О.В. Русское академическое литературоведение: История и методология (1900–1960-е годы): Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.; СПб.: Нестор-История, 2017	6	177
<i>Толмачёв В.М.</i> Рецензия на кн.: Паунд Э. Кантос / Перевод, вст. статья и комм. А.В. Бронникова. СПб.: Наука, 2018	5	184
<i>Чекалов К.А.</i> Рецензия на кн.: Хачатрян Н.М. Французская неоромантическая проза. Ереван: Лингва, 2017	1	206

Санкт-Петербургская Школа функциональной грамматики (ИЛИ РАН)

<i>Байда К.А.</i> Функционирование инфинитивов в речи русского ребенка до трех лет	1	111
<i>Воейкова М.Д., Казаковская В.В.</i> Санкт-Петербургская Школа функциональной грамматики: история и перспективы развития	1	86
<i>Сосновцева Е.Г.</i> Семантика форм прошедшего времени в памятниках русской агнографии XVI–XVII вв.	1	133
<i>Урманчиева А.Ю.</i> Передача чужой речи в фольклорных текстах на северных говорах селькупского языка	1	98

Слово и визуальный образ: «случай» Вирджинии Вулф

<i>Морженкова Н.В.</i> Визуальность и текстуальность: В. Вулф о кино и литературе	1	159
<i>Рейнгольд Н.И.</i> Слово, знак и движение в прозе Вирджинии Вулф	1	146
<i>Рыбина П.Ю.</i> Эффекты киноадаптации: антикварный фильм, «Миссис Дэллоуэй» и Марлен Горрис	1	172
<i>Фолкнер П.</i> Вместо предисловия	1	143

Школа интерпретационной лингвистики

<i>Басалаева Е.Г., Шпильман М.В.</i> «Советский язык» как объект языковой рефлексии в интернет-коммуникации	2	142
<i>Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А.</i> Логические и мифологические основания метафоры как объект описания в словаре активного типа	2	127

<i>Перфильева Н.П.</i> О синкретизме вводных единиц с семантикой «я думаю»	2	157
<i>Трипольская Т.А., Матханова И.П.</i> Научная школа «Интерпретационный потенциал языковой системы и творческая активность говорящего» в Новосибирском государственном педагогическом университете.....	2	117

Юбилей

<i>Ананьева Н.Е.</i> Ольга Олдржиховна Лешкова	1	229
<i>Жук С.А., Якушкина Е.И.</i> Галина Павловна Тыртова	2	210
<i>Изотов А.И.</i> Валерия Федоровна Васильева	5	208
<i>Индыченко А.А.</i> Константин Васильевич Лифанов	1	233
<i>Лешукова А.А.</i> Анна Степановна Новикова	2	215
<i>Михайлова М.В., Шевчук Ю.В.</i> Духовная жажда Лидии Андреевны Колобасевой	3	237